

ИРАН И АНТИЧНЫЙ МИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**ИРАН И АНТИЧНЫЙ МИР:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

**Тезисы докладов международной научной конференции
(Казань, 14–16 сентября 2011 г.)**

**КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
2011**

УДК 94(55):94(37/38)
ББК 63.3(5Ирн):63.3(0)32
И 77

*Печатается по решению
Кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, доцент Э.В. Рунг,
доктор исторических наук, профессор О.Л. Габелко

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов (Саратовский
государственный университет)
кафедра всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского
государственного педагогического университета

И 77 Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: тезисы докладов международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.) / сост. и отв. ред. Э.В. Рунг, О.Л. Габелко. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 127 с.

ISBN 978-5-98180-945-3

Сборник представляет собой публикацию тезисов докладов на международной научной конференции «Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций», которая состоялась в Казанском федеральном университете 14–16 сентября 2011. Цель конференции – максимально полное и детальное рассмотрение форм и видов контактов между иранским и греко-римским мирами на протяжении VI в. до н.э. – VI в. н.э. К участию в конференции были приглашены историки, археологи, искусствоведы, филологи из России, Австрии, Великобритании, Германии, Ирана, Испании, Польши, Соединенных Штатов Америки, Турции, Украины, Франции – специалисты по различным аспектам истории и культуры Персидской державы Ахеменидов, Парфии, Сасанидского Ирана, античной Греции, эллинистического мира, Римской республики и империи, ираноязычных кочевников.

Сборник предназначен для специалистов по античной истории, студентов и всех интересующихся взаимоотношениями Востока и Запада.

**УДК 94(55):94(37/38)
ББК 63.3(5Ирн):63.3(0)32**

ISBN 978-5-98180-945-3

© Коллектив авторов, 2011

**IRAN AND THE CLASSICAL WORLD:
POLITICAL, CULTURAL AND ECONOMIC
CONTACTS OF TWO CIVILIZATIONS**

**Abstracts of papers of international conference
(Kazan, 14–16 September 2011)**

**KAZAN UNIVERSITY
2011**

Published according to decision of the
Department of Ancient and Medieval History,
Kazan (Volga region) Federal University

Edited by –
Dr. E.V. Rung,
Dr. Prof. O.L. Gabelko

Reviewed by –
Dr. prof. S.Yu. Monakhov (Saratov State University),
Department of General History and Classical Disciplines,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Iran and the Classical World: Political, Cultural and Economic Contacts of Two Civilizations: abstracts of papers of international conference (Kazan, 14–16 September 2011) / Compiled and edited by E. Rung and O. Gabelko. – Kazan: Kazan University, 2011. – 127 p.

ISBN 978-5-98180-945-3

This book is the collection of abstracts of papers presented in the international conference “Iran and the Classical World: Political, Cultural and Economic Contacts of Two Civilizations” which was held in Kazan university from 14 to 16 September of 2011. This conference is aimed to study the different contacts between Iran and the Greek-Roman World from the VI-th century B.C. to the VI-th century A.D. The conference was planned to be an interdisciplinary forum which gather the historians, archaeologists, philologists from Russian Federation, Austria, France, Germany, Great Britain, Iran, Poland, Spain, Turkey, Ukraine, United States of America – the experts in the different aspects of the history and culture of Achaemenid Empire, Parthia, Sassanian Iran, Ancient Greece, Hellenistic World, Roman Republic and Empire, Iranian nomads. The book is addressed to the scholars in Ancient History, students and all people interested in the relations between East and West.

ISBN 978-5-98180-945-3

© Group of authors, 2011

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ/PREFACE	13-15
---------------------------	-------

ИРАН И ГРЕЦИЯ/IRAN AND GREECE

Ладынин И.А. (Москва)

Был ли Дарий I обожествлен в Египте?

Комментарий к Diod. I. 95. 5

Ladynin I.A. (Moscow)

Was Darius I Deified in Egypt?

A Commentary to Diod. I. 95. 5.....16-17

Рунг Э.В. (Казань)

Κάρανα/*kārana* в военно-административной системе

Ахеменидской империи

Rung E.V. (Kazan)

Κάρανα/*kārana* in the Military and Administrative System

of the Achaemenid Empire.....18-19

Горожанова А.Н. (Нижний Новгород)

Ликия в составе Персидской державы VI–V в. до н.э.

(по данным античной традиции)

Gorozhanova A.N. (Nizhny Novgorod)

Lycia as a Part of the Persian Empire in the VI-V-th Cent. B.C.

(On the Base of the Greek Sources).....20-21

Роллингер Р. (Иннсбрук, Австрия)

Греки в Ахеменидской перспективе:

каким образом Восток представлял Запад

Rollinger R. (Innsbruck, Austria)

The Greeks in Achaemenid Perspective:

How the East Conceptualized the West22

Сапогов А.С. (Саратов)

Кир Великий как царь: взгляд Геродота

Sapogov A.S. (Saratov)

Cyrus the Great as a King: The View of Herodotus.....23-26

Змитрякова Ю.О. (Казань)

Героизация персов в «Истории» Геродота

Zmitryakova Yu.O. (Kazan)

Heroization of the Persians in the “Histories” of Herodotus27-28

Синицын А.А. (Санкт-Петербург - Саратов)

Далекие соседи: об отражении персидского феномена
в классической трагедии

A.A. Sinitsyn (St Petersburg - Saratov)

Distant Neighbours:
on the Persian Phenomenon in the Classic Tragedy29–33

Лаптева М.Ю. (Тобольск)

«Когда нагрянул Мидиец...»: Иония под властью Ахеменидов
во второй половине VI – начале V в. до н.э.

Lapteva M.Yu. (Tobolsk)

“When Medos Attacked...”: Ionia under the Power of the Achaemenids
from the Second Part of the VI-th to the Beginning of the V-th Cent. B.C.34–36

Суриков И.Е. (Москва)

Знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э.
на территории Ахеменидской державы

Surikov I.Ye. (Moscow)

Famous Athenians of the VI-th and V-th Cent. B.C.
at the Territory of the Achaemenid Empire.....37–38

Строгецкий В.М. (Нижний Новгород)

Взаимоотношения между Спартой и Афинами
накануне Марафонской битвы

Strogetsky V.M. (Nizhny Novgorod)

Relations between Sparta and Athens
before the Battle of Marathon.....39–40

Венидиктова Е.А. (Казань)

Аргосско-персидские взаимоотношения в VI–IV вв. до н.э.

Venidiktova Ye.A. (Kazan)

The Argive-Persian Relations in the VI–IV Cent. B.C.41–43

Карпюк С.Г. (Москва)

«Качество продукции»:
иранские предметы роскоши в восприятии греков

Karpyuk S.G. (Moscow)

“The Quality of Production”:
Iranian Luxury Goods in Greek Eyes44–45

Стоянов Р.В. (Санкт-Петербург - Чанаккале, Турция)

Персы и греки в северо-западной Анатолии в VI-IV вв. до н.э.:
саркофаг из Алтынкулача

Stoyanov R.V. (St. Petersburg - Çanakkale, Turkey)

Persians and Greeks in the North-Western Anatolia V-IV cent. B.C.:

Altinkulaç Sarcophagus46–48

Кузьмин Ю.Н. (Самара)

Аргеады, персы и имя *Amyntas* в Ликии

Kuzmin Yu.N. (Samara)

Argeads, Persians and Personal Name *Amyntas* in Lycia49–51

Кивни А.П. (Кентербери, Великобритания)

Чужие как свои. Евнухи при Ахеменидском дворе

Keaveney A.P. (Canterbury, UK)

Outsiders as Insiders: Eunuchs at the Achaemenid Court52

Нагель А. (Вашингтон, США)

Общие основания: исследование полихромии
ахеменидской дворцовой архитектуры Персеполя
и классической Греции

Nagel A. (Washington DC, USA).

Common Ground – Documenting the Polychromy

of Achaemenid Persepolis Palace Architecture and Classical Greece53–54

**АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ИРАНА/
ALEXANDER THE GREAT IN IRANIAN HISTORY AND CULTURE**

Бриан П. (Париж, Франция)

От Дария к Александру:

некоторые размышления о преемственности и изменении

Briant P. (Paris, France)

From Darius to Alexander:

Some Thoughts about Continuity and Change55

Ольбрыхт М.Я. (Жешув, Польша)

Иранцы в армии Александра Великого

Olbrycht M.J. (Rzeszow, Poland)

Iranians in the Army of Alexander the Great56–58

Nawotka K. (University of Wrocław, Poland)

Persia, Alexander the Great and Kingdom of Asia

К. Навотка К. (Вроцлав, Польша)
Персия, Александр Великий и царство Азии59

Корнилов Ю.В. (Казань)
Царская титулатура Александра Великого
и традиции Ахеменидов
Kornilov Yu. V. (Kazan)
The Royal Titulature of Alexander the Great
and the Tradition of the Achaemenids60–61

Михайлов А.В. (Саратов – Киль, Германия)
Искендер, границы и пограничные территории
в поэме Фирдоуси «Шахнаме»
Mikhaylov A. V. (Saratov – Kiel, Germany)
Sekandar, Borders and Borderlands in Ferdowsi’s “Shahnameh”62–63

Фердоуси М.Я. (Казань - Тегеран)
Проклятие или не-проклятие Александра в персидской поэзии
Ferdowsi M. Y. (Kazan - Tehran)
Curse or No-Curse of Alexander in Persian Poetry64–69

**ИРАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ/
IRANIAN LEGACY IN THE HELLENISTIC WORLD**

Иванчик А.И. (Москва–Бордо, Франция)
Келены – Апамея Фригийская:
город и царская резиденция в персидскую и эллинистическую эпохи
Ivantchik A. I. (Moscow – Bordeaux, France)
Kelainai – Aramea in Phrygia:
City and Royal Residence in the Achaemenid and Hellenistic Periods70–71

Габелко О.Л. (Казань)
Сепаратизм как фактор политического развития
ахеменидской и эллинистической Малой Азии
Gabelko O. L. (Kazan)
Separatism as a Factor of Political Development
of Achaemenid and Hellenistic Asia Minor72–74

Климов О.Ю. (Санкт-Петербург)
Иранский фактор в истории эллинистической Малой Азии
Klimov O. Yu. (St. Petersburg)
Iranian Factor in the History of Hellenistic Asia Minor75–76

Бальестерос Пастор Л. (Севилья, Испания)

Наследники Артабаза:

сатрапия Даскилия в традиции династии Митридатидов

Ballesteros Pastor L. (Sevilla, Spain)

The Heirs of Artabazus.

The Satrapy of Dascylium in the Tradition of the Mithridatid Dynasty.....77–78

Молев Е.А. (Нижний Новгород)

Понтийское царство как наследник Ахеменидов

Molev Ye.A. (Nizhny Novgorod)

The Pontic Kingdom as Heir of the Achaemenids79–80

Гуленков К.Л. (Москва)

Иранская составляющая в пропаганде Митридата Евпатора

Gulenkov K.L. (Moscow)

Iranian Element in the Propaganda of Mithridates Eupator81

Фулинська А. (Краков, Польша)

Гелиос, Мен, Митра и цари

Fulińska A. (Kraków, Poland)

Helios, Men, Mithras and the Kings82–83

Сапрыкин С.Ю. (Москва)

Иранские традиции в культуре и искусстве Понтийского царства

Saprykin S.Yu. (Moscow)

Iranian Traditions in Culture and Art of the Pontic Kingdom84–86

Мель А. (Галле, Германия)

Жизнь в регионе эллинистического города Ай-Ханум

Mehl A. (Halle, Germany)

Life in the Region of the Hellenistic Town of Ai Khanoum87

Амбарцумян А.А. (Санкт-Петербург)

Легенда о Зариадре и Одатиде Хареса Митиленского (Афиней, 575),
ее иранские корни и влияние на формирование сказочных мотивов
в западных и восточных литературах

Ambartsumian A.A. (St. Petersburg)

The Story of Zariadres and Odatis in Chares of Mitylene (Athenaeus 575),
its Iranian Origin and Influence on the Creation of Folklore Motives
in Western and Oriental Literature.....88–90

ИРАН И РИМ/IRAN AND ROME

Махлаюк А.В. (Ниžний Новгород)

Персы и Ахемениды в римской литературной традиции

Makhlayuuk A.V. (Nizhny Novgorod)

The Persians and Achaemenids in the Roman Literary Tradition91–93

Вьюшкин М.В. (Казань)

Цицерон и римско-парфянские отношения в I в. до н.э

Vyushkin M.V. (Kazan)

Cicero and the Roman-Parthian Relations in the I-st Cent. B.C.94–95

Данилов Е.С. (Ярославль). Квинт Лабиев –

IMPERATOR PARTHICUS

Danilov Ye.S. (Yaroslavl). Quintus Labienus –

IMPERATOR PARTHICUS96–97

Смыков Е.В. (Саратов)

Parthi, Medi, Persae:

Некоторые наблюдения над употреблением этнонимов
в поэзии Горация

Smykov Ye.V. (Saratov)

Parthi, Medi, Persae:

Some Observations on Using Ethnonyms in Horace98–99

Пьянков И.В. (Великий Новгород)

Итинерарий Мая Тициана

как отражение римско-парфянских взаимоотношений

Pyanikov I.V. (Novgorod)

Itinerarium by Maes Titianus

as a Reflection of Roman-Parthian Relations100

Перевалов С.М. (Владикавказ)

Из наблюдений за структурой «Парфики» Арриана

Perevalov S.M. (Vladikavkaz)

Some Notes on the Structure of Arrian's "Parthica"101–102

Громова А.В. (Москва)

Иоанн Малала о восточной политике римских императоров в III в.,
или что такое настоящая война

Gromova A.V. (Moscow)

John Malalas on the Eastern Policy of the Roman Emperors

in the III-rd Cent., Or What Does a Real War Mean103–104

Дмитриев В.А. (Псков)

Римская разведка в войнах с сасанидским Ираном
(по данным Аммиана Марцеллина)

Dmitriev V.A. (Pskov)

Roman Reconnaissance in Wars with Sassanian Iran
(According to Ammianus Marcellinus)105–106

Визехёфер Й. (Киль, Германия)

Иран, Туран и Рум

Wiesehöfer J. (Kiel, Germany)

Iran, Turan and Rum107–108

**ИРАНСКИЕ КОЧЕВНИКИ И КЛАССИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ/
IRANIAN NOMADS AND CLASSICAL CIVILIZATION**

Вертиенко А.В. (Киев, Украина)

«Скифы» под Мемфисом

(ираноязычные кочевники в египетской кампании Артаксеркса III)

Vertiyenko A.V. (Kiev, Ukraine)

The “Scythians” at Memphis

(Iranian-Speaking Nomads in the Egyptian Campaign of Artaxerxes III) ... 109–110

Зайцев Ю.П. (Симферополь, Украина)

Варварское население Крыма в III в. до н.э.:

скифы или миксэллины?

Zaytsev Yu.P. (Simferopol, Ukraine)

The Barbarian Population of Crimea in III-rd Cent. B.C.:

Scythians or Mixhellenes?111–112

Былкова В.П. (Херсон, Украина)

Динамика греко-скифских/сарматских отношений
в Нижнем Поднепровье (по данным археологии)

Bylkova V.P. (Kherson, Ukraine)

The Dynamic of Greek and Scythian/Sarmatian Relations

in the Lower Dnieper Region (Archaeological Evidence)113–115

Фирсов К.Б., Демиденко Ю.В., Вальчак С.Б. (Москва)

Памятники скифского и сарматского времени в Поворсклье
(по материалам коллекции А. Зарецкого)

Firsov K.B., Demidenko Yu.V., Val'chak S.B. (Moscow)

Monuments of Scythian and Sarmatian Time in Vorskla River's Basin

(Based on I.A. Zaretsky's Collection).....116–118

Мордвинцева В.И. (Симферополь, Украина)

Социальная структура и политические связи

Содержание/Contents

- населения Нижнего Поволжья по материалам исследования
элитных комплексов III в. до н.э. – сер. III в.н.э.
Mordvintseva V.I. (Simferopol, Ukraine)
Social Structure and Political Connections
of the Population of the Lower Volga Region
(Based on the Materials from III-rd Cent. B.C. – Mid. III Cent. A.D.)119–121
- Трейстер М.Ю. (Берлин, Германия)***
Ахеменидские «импорты» на территориях
к северу от границ Ахеменидской державы
Treister M.Yu. (Berlin, Germany)
Achaemenid “Imports” to the North of the Achaemenid State122–124
- Никоноров В.П. (Санкт-Петербург)***
О вкладе кочевников Центральной Азии
в военное дело античного мира
(на примере жестких седел)
Nikonorov V.P. (St. Petersburg)
On the Contribution of the Central Asian Nomads
to the Art of Warfare of the Classical World
(by the Example of Rigid-Framework Saddles)125–127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный вниманию читателя сборник содержит тезисы докладов, прочитанных на международной научной конференции «Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций», проведенной в Казанском университете 14-16 сентября 2011 г.

Развитие отношений между Востоком и Западом является довольно популярной темой в современной историографии. Контакты между иранскими империями Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов и греко-римским миром следует рассматривать не только как историю столкновений и конфликтов, но и как пример политического, культурного и экономического взаимодействия и взаимовлияния в древнем мире.

Исследование контактов между античной и иранской цивилизациями может быть адекватно осуществлено только при задействовании различных методологических позиций и методических подходов, применяемых как специалистами в области европейской античности, так и ориенталистами. Примечательно также и то, что рассмотрение проблем взаимоотношений Востока и Запада будет предпринято именно в Казанском университете. Казань является многонациональным и поликультурным городом, расположенным на берегах Волги на перекрестке контактов между Европой и Азией. Казанский университет считается важным региональным центром антиковедения и востоковедения в России. Он имеет долгие традиции в исследовании отношений между Грецией и Востоком в классический и эллинистический периоды, заложенные трудами профессора А.С. Шофмана в 1948–2003 гг. и профессора В.Д. Жигунина в 1970-2001 гг.

Конференция, посвященная отношениям между древним Ираном / Персией и античным миром, является первым международным мероприятием такого ранга по данной теме, проводимым в России за последние годы. В ходе ее обсуждались различные формы контактов между иранской и греко-римской цивилизациями на протяжении длительного исторического периода – с VI в. до н.э. по VI в. н.э., их эволюция на протяжении этого времени и всемирно-историческое значение. Эта конференция была задумана как междисциплинарный форум историков, археологов, филологов из 11 городов России и 10 зарубежных стран – специалистов в различных областях истории и культуры Ахеменидской империи, Парфянской и Сасанидской держав, древней Греции и эллинистического мира, Римской республики и империи, иранских кочевников Северного Причерноморья и Центральной Азии.

Первая глава сборника посвящена взаимоотношениям империи Ахеменидов и эллинов. Она включает в себя тезисы докладов по истории греко-персидских дипломатических отношений, положению греков в Персидской империи, различным аспектам восприятия персов греческими историками и драматургами и, напротив, - персидского отношения к грекам, традициям и институтам Ахеменидской империи, реконструируемым на основе как восточных, так и античных источников.

Глава «Александр Великий в иранской истории и культуре» содержит материал по переходу от ахеменидского к эллинистическому периоду. В нее вошли работы о восприятии Александром персидских государственно-

политических традиций, а также рецепции образа Александра Великого в персидской литературе и культуре на протяжении эпох древности, средневековья и нового времени.

Третья глава сборника посвящена исторической роли иранского наследия в эллинистическом мире. Основное ее содержание составляют сюжеты, посвященные истории и культуре Малой Азии IV–I вв. до н.э. и, в особенности, Понтийского царства.

Глава по иранско-римским отношениям охватывает период с I в. до н.э. по VI в. н.э. В ней рассматриваются образы персов и парфян в римской литературе и политические взаимоотношения Рима с Иранскими империями Аршакидов и Сасанидов.

И, наконец, последняя глава сборника, построенная преимущественно на анализе археологического материала, касается отношений между ираноязычными кочевниками, с одной стороны, и древневосточной и античной цивилизациями – с другой. Представленные в ней работы охватывают географический ареал от Египта до Северного Причерноморья и Центральной Азии.

Хочется надеяться, что представленные в сборнике материалы дают достаточно полную и многогранную картину самых различных аспектов взаимоотношений между иранскими и античным мирами, что может послужить стимулом к дальнейшему исследованию этой неисчерпаемой темы.

Э.В. Рунг, О.Л. Габелко

PREFACE

This book is the collection of abstracts' papers presented in the international conference *'Iran and the Classical World: Political, Cultural and Economic Contacts of Two Civilizations'* (Kazan, 14-16 Sept., 2011).

The development of the relations between the East and the West is most popular subject in the modern historical studies. The contacts between the Iranian Empires of the Achaemenids, Arsacids and Sassanids and the Greek-Roman world should be seen not only as the history of the collisions and conflicts but also as the example of the political, cultural and economic convergences and the inter-influences in the ancient world.

The investigation of contacts between the Classical and the Iranian civilizations could be adequately realized only through the application of various methodological grounds and methodic approaches used by the researchers in the European antiquity and by the Orientalists as well. It is significant also that the discussion of East-West relations is taken namely in Kazan University. Kazan is a multiethnic and multicultural city, situated on the bank of the Volga river and known as a cross-point in the maintaining contacts between Europe and Asia. Kazan University is an important regional center both for Classical and Oriental Studies in Russia. This University has long tradition in the study of the relations between Greece and Orient in classical and Hellenistic periods established earlier by the works of Professor A.S. Shofman in 1948–1993 and Professor V.D. Zhigunin in 1970–2001.

The conference on relations between Ancient Iran / Persia and the Classical world is the first international meeting devoted to this topic organized in Russian Federation for the last years. This conference is aimed to discuss the various forms of contacts between Iranian and Greek-Roman civilizations during the long historical period - from the VI-th cent. B.C. to the VI-th cent. A.D., its evolution during this time and its historical significance. This meeting was planned as an interdisciplinary forum of the historians, archaeologists, philologists from 11 Russian cities and 10 foreign states, who are the specialists in various spheres of the history and culture of the Achaemenid, Parthian and Sassanid empires, ancient Greece and Hellenistic world, Roman republic and empire, Iranian-speaking nomads of Northern Black Sea coast and Central Asia.

The first chapter of this book concerns with the relations between the Achaemenid empire and the Hellenes. It includes the abstracts devoted to the history of Greek-Persian diplomatic relations, the Greeks' position in the Persian state, the various aspects of the perception of the Persians by the Greek historians and dramatists and, on the contrary, - the Persian perception of the Greeks, the traditions and institutions of the Achaemenid empire which could be reconstructed on the base both of oriental and classical sources.

The chapter on the Alexander the Great in Iranian history and culture is devoted to the period of the transition from Achaemenid to Hellenistic history. It includes the abstracts which concern with the perception of the Persian political and state traditions by Alexander and also the reception of Alexander the Great's image in Persian literature and culture during the periods of Antiquity, Middle Ages and Modern Times.

The third chapter of the collection touches upon the historical role of the Iranian heritage in the Hellenistic world. Its main content are the subjects relating to the history and culture of Asia Minor in the IV-th – I-st cent. B.C. and the Pontic Kingdom particularly.

The chapter on the Iranian-Roman relations covers the period from the I-st cent. B.C. to the VI-th cent. A.D. and discusses the image of the Persians and Parthians in the Roman literature and the international relations between Rome and Iranian Empires of the Arsacids and Sassanids.

And, finally, the last chapter of the collection based primarily on the analysis of the archaeological data is concerned with the relations between the Iranian-speaking nomads on the one hand and both Ancient Oriental and Greek-Roman civilizations on another. Its geographical frames are stretched from Egypt to the Black Sea coast and Central Asia.

It would be desirable to hope, that the materials presented in this books give enough full and many-sided picture of different aspects in the relations between Iranian and classical worlds which could stimulate the further investigation of this infinite topic.

E.V. Rung, O.L. Gabelko

ИРАН И ГРЕЦИЯ/IRAN AND GREECE

И.А. Ладынин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Был ли Дарий I обожествлен в Египте? КОММЕНТАРИЙ к Diod. I. 95. 5

Согласно Диодору Сицилийскому, Дарий I считался одним из великих законодателей Египта (шестым и последним в их числе) и за свое благочестие по отношению к египетским культам и следование нормам поведения прежних царей Египта «достиг такого почета, что (его) единственного из всех царей египтяне именовали при жизни богом, а после смерти он удостоился почестей, равных с теми, кто царствовал в древности в наибольшем соответствии с законом» (Diod. I. 95. 5). Это сообщение, восходящее, вероятно, к трактату Гекатея Абдерского (кон. IV в. до н.э.) и, через его посредство, к египетским информаторам, согласуется с данными египетских источников в том, что касается как законодательства времени Дария, так и позитивного отношения к нему в Египте; наибольший интерес в нем вызывает указание на уникальность его именованья богом при жизни. Очевидно, здесь имеется в виду не рутинное распространение на Дария форм древнеегипетского царского культа (также фиксируемое египетскими источниками), а какая-то экстраординарная форма почитания, действительно отличавшая его от предшественников. Памятником почитания Дария I в Египте является стела из Фаюма Berlin 7493: на ней изображен ее владелец – ««почтенный» (имах[и] = получающий заупокойный культ») Па-ди-Хор-па-Ра» - в коленопреклонении перед соколом, названным «Бог благой, владыка обеих земель Дарий»; над сценой находится изображение крылатого солнечного диска (Хора Бехдетского); в надписи в нижней части стелы Дарий I также именуется «Хор этот...» и считается источником благого посмертного существования для названных в надписи людей. Показательно, что персидский царь изображен именно в обличье сокола, т.е., видимо, с поглощением его личности воплотившимся в нем божеством. Очевидно, подобное воплощение считалось основным (может быть, и единственным) источником сакральности Дария (необходимой ему в качестве египетского царя-ритуалиста), тем самым определенным образом повышая его статус по сравнению с предшествующими царями, чья личная сакральность считалась иерархически низшей по отношению к сакральности подлинных божеств в инобытии. По нашему мнению, данное представление о характере власти Дария I в Египте и могло отразиться в сообщении Диодора.

I.A. Ladynin

M.V. Lomonosov Moscow State University

WAS DARIUS I DEIFIED IN EGYPT? A COMMENTARY TO DIOD. I. 95. 5

According to Diodorus of Sicily, Darius I was one of the great Egyptian legislator (sixth and the last of them); and for his piety towards Egyptian cults and for following the manner of life of earlier kings of Egypt he “got such honour, that he alone

of all kings was called by the Egyptian god at his lifetime and, deceased, obtained honours equal two those who reigned in antiquity in highest accord with law” (Diod. I. 95. 5). This statement (probably derived from Hecataeus of Abdera – end of the IV-th cent. B.C. - and, thus, from Egyptian informers) is in keeping with the Egyptian evidence both on Darius’ codification of laws and positive reputation in Egypt. Its most intriguing part is the allegation of his being the only Egyptian king called god at his lifetime; probably, it alludes not to regular forms of his royal cult (also well-attested in Darius’ Egyptian sources) but really an extraordinary worship differing him from his predecessors. A worship of Darius in Egypt is attested at a Phayum stela Berlin 7493: it shows its possessor - “honoured’ (*im³h[y]* = getting posthumous

cult) Pa-di-Usir-pa-Ra” - genuflected before the falcon named “the good god, lord of Two Lands Darius”; above the scene there is the winged solar disc (Horus the Behdetite); the inscription below also names Darius “this Horus...” and shows him to be a source of afterlife for the persons named here. Symptomatically, the king is shown as a falcon, his personality probably absorbed by the deity incarnate in him. This incarnation seems to be viewed as the major (maybe, only) source of his sacrality necessary to him as a ritual king; hence his “greater sacrality” in comparison to earlier kings, whose personal sacrality was considered hierarchically lower than that of true gods in transcendence. It seems possible that this concept of Darius’ royal status in Egypt happened to be reflected in Diodorus’ passage.

Э.В. Рунг

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Κάρανος/ΚΑΡΑΝΑ В ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ
АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ**

Каран (греч. *κάρανος*, др.-перс. *kārana*) в Ахеменидской империи занимал должность рангом выше сатрапа. Во время военных действий *каран* руководил соединением войсковых контингентов (армией – *карой*), каждый из которых находился под командованием подчиненного ему командира. Исследование термина *каран* свидетельствуют в пользу точки зрения о том, что *каран* – это название должности персидского военачальника, полномочия которого часто определялись предписанием персидского царя. И поэтому, с одной стороны, следует отождествлять с *караном* любого персидского командующего, обозначенного в греческих источниках термином *στρατηγός*, а с другой стороны, отличать этих «стратегов» от упоминаемых в источниках персидских сатрапов.

Термин *κάρανος*, в частности, единожды употребляет только Ксенофонт (*Hell.* I. 4. 3) для обозначения должности Кира Младшего в Малой Азии в 408 г. до н.э. и интерпретирует его как *κύριον* – «глава». В то же время, в «Анабасисе» (I. 1. 1; 9. 7) Ксенофонт использует *στρατηγός* как более точный термин для *κάρανος*, чем, например, *κύριον*. Древнеперсидское слово *kārana* было производным от *kāra* – народ/войско, и не важно, происходило ли *kārana* от *kāra* посредством суффикса – *na/no* (как заключает Д. Третен) или от *kāra-naya* – «военачальник» (глагол *nay* на санскрите означает «вести», как предполагает Н. Секунда). Так и греческое слово *στρατηγός* происходило от сочетания *στρατός* и *ἄγω* (что могло побудить Ксенофонта переводить *κάρανος/kārana* как *στρατηγός*).

Слово *kārana* не встречается в древнеперсидских царских надписях, но дважды упоминается на эламских табличках в RF. 1300: 3; 1384: 3, где присутствует ссылка на ЛИ *Kārana/Kārina* – производное от др.-пер. *kāra*. Последнее слово присутствует 53 раза в Бехистунской надписи Дария I, где оно означало «войско» под командованием собственного командира. Если соотнести термины *κάρανος/kārana* и *στρατηγός*, то можно заключить, что все персидские военачальники, упомянутые античными авторами, могут считаться *karanoi*. В этом случае необходимо отличать *karanos* как главнокомандующего и *karanos* как (просто) военачальника без права верховного командования в регионе. Царь мог или назначить *karanos* из числа сатрапов либо хилиархов, или направить своего личного представителя в качестве такового.

**Κάρανος/*KĀRANA* IN THE MILITARY AND ADMINISTRATIVE SYSTEM
OF THE ACHAEMENID EMPIRE**

The *karanos* (Gk. *κάρανος*, OP. *kārana*) in the Achaemenid Empire was the Persian commander-in-chief who commanded an army (*kāra*) in a number of campaigns having the *satraps* as his subordinates. The investigation of term *karanos* attests that it meant *an army commander* verbally. Therefore, on the one hand, one needs to associate any Persian general with *στρατηγός* and, on the other hand, to dissociate the latter with a satrap. The word *κάρανος* occurs only in Xenophon, *Hellenica*, IV. 3 where it is used to designate the office of Cyrus the Younger in Asia Minor in 408 B.C. and is interpreted as *κύριον* – “head”. Xenophon in his *Anabasis* I. 1. 1; 9. 7 used *στρατηγός* as more exact term for a *κάρανος* than *κύριον*.

Old-Persian *kārana* was derivate from *kār* – *people/army* and there is no difference whether *kārana* originated from *kāra* by means of suffix – *na/no* (as D. Treten concludes) or it was from *kāra-naya* – “the army leader” (verb *nay* in Sanscrit may be translated as “to lead”, as N. Sekunda suggests). Significantly also that the Greek word *στρατηγός* originated from *στρατός* and *ἄγω* (it may prompt Xenophon to interpret *κάρανος/kārana* namely as *στρατηγός*).

The word *kārana* does not occur in Old-Persian royal inscriptions, but it may be found twice in the Elamite tablets in PF. 1300: 3; 1384: 3 where there is the reference to the Personal name *Kārana Kārīna* – the derivate from OP *kāra*. This word occurs 53 times in Behistun inscription of Darius I where it means the army under leadership of own commander. If one can correlate *κάρανος/kārana* and *στρατηγός* it may be concluded that all Persian generals had mentioned by ancient authors may be considered as *karanoi*. In this case one needs to differentiate the *karanos* as commander-in-chief and *karanos* as the (simply) *general* without the right of supreme command in the region. The King might appoint a *karanos* whether from his *satraps* or *chiliarchs* or send his personal representative.

А.Н. Горожанова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**ЛИКИЯ В СОСТАВЕ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ VI-V в. до н.э.
(ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ)**

Ликия, расположенная в юго-западной части Малой Азии, была теснейшим образом связана с Элладой, являлась своеобразной «контактной зоной», сферой взаимодействия, синтеза двух культур - греческой и ближневосточной.

Первыми историческими упоминаниями о ликийцах в античной традиции считаются фрагменты «Истории» Геродота, где содержится комплекс сведений, касающихся, в частности, некоторых аспектов политической истории Ликии. Ввиду ограниченности источников, освещающих события на юго-западе Анатолии, особый интерес представляет эпизод, повествующий о захвате ликийского города Ксанф персами во главе с полководцем Гарпагом и трагической гибели его жителей и защитников в сер. VI в. до н.э. (Hdt. I. 176). Это сообщение находит определенное подтверждение и с точки зрения археологии (пожар на акрополе Ксанфа в середине VI в. до н.э.). Захват персами Ликии, вероятно, отчасти мог быть обусловлен ее стратегическим местоположением, позволяющим контролировать торговые и военные морские пути.

После захвата Ксанфа Гарпагом Ликия, по всей вероятности, входит в состав Персидской державы, став частью малоазийской прибрежной сатрапии. К сожалению, информация о ситуации на юго-западе Малой Азии накануне завоевания весьма незначительна, что осложняет оценку последствий данного события. Однако, скорее всего, кардинальных изменений в системе управления в Ликии не произошло: персидское господство сводилось к сбору налогов и требованию поддержания мира и порядка. Определенное персидское влияние прослеживается в изобразительном искусстве.

Ситуация претерпела изменения в середине V в. до н.э., когда ликийцы становятся членами Афинского морского союза. Начало процесса, по всей вероятности, было связано с военной кампанией во главе с афинским полководцем Кимоном на юго-западе Малой Азии (Diod. XI. 60. 4; Plut. *Cim.* 12. 1).

A.N. Gorozhanova

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

**LYCIA AS A PART OF THE PERSIAN EMPIRE IN THE VI–V-TH CENT. B.C.
(ON THE BASE OF THE GREEK SOURCES)**

Lycians were an important part of the Greek and the Near Eastern worlds, living at the point where two cultures intermingled. The evidence for Lycian history is patchy, that's why it seems important to pay special attention to the antique tradition (to the Herodotus' *History*, in particular). According to it, Lycia remained free of foreign control (Hdt. I. 28) until the campaigns of the Persian commander Harpagos in 540 B.C. (Hdt. I. 176). Harpagos proceeded into Lycia where he met and defeated a

small Lycian army on the plain lying north to the city of Xanthos. When it became clear to the Lycians, that the victory of the Persians was inevitable, they destroyed the buildings on the acropolis, slew their wives, children, slaves and made one last suicidal attack on Harpagos' troops. The outcome was the total destruction of the Xanthos' population. This account receives some support from archaeological evidence: there was a fire at the Xanthos' acropolis in the VI-th cent. B.C. But imprecision of the dating makes a definite correlation impossible. Speaking about the reasons of the conquest, it seems essential to emphasize that possession of Lycia would be necessary to allow Persians to operate in the Aegean.

It seems likely that the fall of Xanthos meant the fall of Lycia. Current knowledge of Lycian history before 540 B.C. makes answering the questions concerning Lycia's relations to the Persian administration and effect of the conquest, difficult. It is possible to assume that the Persians left the internal political structures untouched and used it as the instrument of their rule confined to collecting tribute and demanding to maintain peace and order. But after the Eurymedon campaign Lycia entered into the Athenian sphere of influence (Diod. XI. 60. 4; Plut. *Cim.* 12. 1).

R. Роллингер

Леопольд-Франценс Университет, Иннсбрук, Австрия

**ГРЕКИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
КАКИМ ОБРАЗОМ ВОСТОК ПРЕДСТАВЛЯЛ ЗАПАД**

Обычно Ахеменидская империя рассматривается через призму классических источников. Существуют хорошо известные свидетельства о том, как греки представляли себе персов. Однако данное исследование изменяет угол зрения: в нем будет предпринята попытка рассмотреть то, как персы представляли себе своих западных соседей. По этой причине будут рассмотрены все монументальные надписи Ахеменидов. Далее, будут исследованы тексты из архивов Персеполя и из Вавилонии, и наконец, изображения народов в Персеполе и Накш-и Рустаме.

R. Rollinger

Leopold-Franzens University, Innsbruck, Austria

**THE GREEKS IN ACHAEMENID PERSPECTIVE:
HOW THE EAST CONCEPTUALIZED THE WEST**

Generally the Achaemenid Empire is viewed through the lenses of classical sources. There is broad documental evidence on how the Greeks saw the Persians. Yet, this contribution changes the perspective. It will try to give an overview on how the Persians conceptualized their western neighbours. For this reason all monumental inscriptions of the Achaemenids will be reviewed. Furthermore the texts from the archives of Persepolis and from Babylonia will be evaluated, and last but not least the depictions of peoples in Persepolis and Naqsh-i Rostam will be discussed.

КИР ВЕЛИКИЙ КАК ЦАРЬ: ВЗГЛЯД ГЕРОДОТА

В «Истории» Геродота излагается одна из известных в античности версий жизни и восхождения к власти Кира Великого, при этом историк приводит одну из четырех известных ему версий о жизни Кира (Hdt. I. 95), что свидетельствует о существовании ко времени Геродота иранского эпоса о Кире Великом. В «Киропедии» Ксенофонт, ссылаясь на сказания и песни варваров, называет Кира «юношей редкой красоты» (Xen. Cyr. I. 2. 1). Хотя И.В. Пьянков отмечает, что античные источники для этого периода основаны не на документах, а на устной традиции, очень сильно мифологизированной к моменту их создания, тем не менее, их вполне можно использовать для изучения царской власти Ахеменидов и ее восприятия в античности.

На царское происхождение Кира указывает сам сюжет рассказа о его детстве. Подобные сюжеты встречаются и в греческой мифологии, поэтому очевидно, что, несмотря на попытку рационализации предания Геродотом, оно имеет значение для восприятия автором Кира как царя. Применительно к Киру как к царю Геродот употребляет ряд специальных терминов.

1) βασιλεύς. По рассказу историка, во время игры дети, даже не догадываясь о царском происхождении Кира, избрали его царем (Hdt. I. 114). Астиаг говорил, что придерживается одного мнения с магами, будто Кир в будущем не станет царем, поскольку в детстве во время игры его уже называли царем (βασιλέος ὀνομασθέντος – Hdt. I. 120).

2) βασιλεὺς ὁ μέγας. Повествуя о походе Кира против Набонида, Геродот рассказывает, что великий царь, отправляясь в поход, берет с собой воду только из реки Хоасп (Hdt. I. 188). Использование грамматического времени *praesens* в рассказе Геродота об этом обычае свидетельствует, что титул «великий царь» здесь необязательно относится к Киру. Однако это не имеет принципиального значения, поскольку в надписях из Вавилонии Кир носит пышные титулы, и греческое βασιλεὺς ὁ μέγας передает лишь один из титулов царя, поэтому такое употребление термина «великий царь» не означает, что Кир не носил какого-либо подобного титула, а свидетельствует об особенностях авторского повествования.

3) προστάτης. Геродот называет Кира еще не царем, а предводителем (προστάτης) персов (Hdt. I. 127) во время борьбы с Астиагом.

4) βασιληίη, [ἄρχων] / ἄρχω. Очевидно, что царем Кир стал после победы над Астиагом, который в беседе с Гарпагом говорит, что тот (Гарпаг) передал власть другому, хотя сам мог бы стать царем, что если уж непременно нужно было кого-нибудь облечь царской властью, то справедливее было бы чтобы какой-либо мидянин облечся в это благо, чем перс. Отложившись от мидян, персы и Кир с тех пор владычествовали над Азией (ἦρχον τὸ ἀπὸ τούτου τῆς

Ἀσίης – Hdt. I. 130). Кир победил Креза и после победы стал владычествовать над всей Азией (πάσης τῆς Ἀσίης ἤρξε – ibid.).

5) πατήρ. Говоря о времени правления Дария I, Геродот отмечает, что персы называли Кира отцом (πατήρ), потому что он был милостив, и ему они обязаны всеми благами (Hdt. III. 89).

Ахемен - родоначальник Кира. Геродот сообщает, что предком Кира был Ахемен (Ἀχαμένεος) (Hdt. III. 75). Однако сам Кир в *Цилиндре* возводит свой род только к Чишпишу. Дарий I возводит свою генеалогию к Ахемену, а пасаргадские надписи от имени Кира, где он называет себя Ахеменидом, были выбиты во время царствования Дария I. Кир позиционировал себя как преемник власти мидийских царей, Дарий же, как представитель другой ветви Ахеменидов, имел связь с Киром по боковой линии. Р. Фрай прав, когда отмечает, что Дарий был заинтересован в том, чтобы выдвинуть на первый план родство между отцом Кира Камбизом, своим дедом Аршамой и другими членами династии.

Власть царя связана с божествами (Ζεὺς, ὁ δαίμων). Геродот указывает на волю божества, по которой Кир стал царем и по которой же он перестал быть царем, погибнув в битве с массагетами. Например, то, что боги дали власть Киру, подразумевает Крез, говоря царю, что Зевс предал его, Креза, в руки Кира (Hdt. I. 207). Предлагая переселиться из Персиды в земли с более благоприятными условиями, персы говорят Киру, что Зевс вручил владычество над Азией персам, а среди персов – Киру (Hdt. IX. 122). Однако в начале похода против массагетов Кир увидел сон, в котором ему представился будущий царь Дарий I с крыльями на плечах, осеняющий одним крылом Азию, а другим Европу (Hdt. I. 209). Геродот говорит, что Кир неправильно истолковал сон, через который божество (ὁ δαίμων) желало лишь открыть, что царь погибнет в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию.

Жизнь Кира подчиняется судьбе (μοίρη). Перед тем, как отправить Кира в Персию к его настоящим родителям, Астиаг говорит, что обидел его из-за лживого сновидения, которое не исполнилось, но волей судьбы он остался жив (Hdt. I. 121).

Таким образом, Геродот показывает различные аспекты царской власти Кира Великого. Историк подчеркивает субъектность царской власти по отношению к народу (как отца и предводителя) и к территории (как владыки). Божественный аспект власти Кира состоит в том, что боги покровительствуют Киру почти до конца жизни, но в начале похода на массагетов боги перестают поддерживать его, в результате он погибает в битве. В геродотовой концепции царской власти Кира есть черты патриархальности: царь выступает как отец для персов, а боги покровительствуют царю, кроме того, жизнь Кира подчиняется судьбе.

CYRUS THE GREAT AS A KING: THE VIEW OF HERODOTUS

There were several versions of Cyrus' life in antiquity. In his "Histories" Herodotus tells us one of these versions. The fact that four variants were known to Herodotus indicates us that there existed an epos about Cyrus at the time of Herodotus.

In his "Cyropaedia" Xenophon with the references to some legends and songs of barbarians names Cyrus as "the young man who had rare beauty" (Xen. Cyr. I. 2. 1). Though I.V. Pjankov notices that ancient sources for this period base not on the documents, but on the oral tradition which was very strongly mythologized to the time of their creation, nevertheless the sources can be used for studying of Achaemenid kingship and its perception in antiquity.

A whole of Herodotus' narration about Cyrus' childhood suggests him to be a king. In the Greek mythology also there are similar topics and it is obviously that this theme is very important for the Herodotus' perception of Cyrus as a king.

Herodotus uses a number of special terms for Cyrus as a king.

1) βασιλεύς. Cyrus was chosen as king by children during the game, although children didn't know about Cyrus' royal origin (Hdt. I. 114). Astyages said that he had the same opinion as the Magi, that Cyrus would never be the king in the future, because he already had been called king (βασιλέος ὀνομασθέντος – Hdt. I. 120).

2) βασιλεύς ὁ μέγας. While narrating about Cyrus' campaign against Nabonidus, Herodotus tells that when the Great King goes to a war, he is always provided with water only from the river Choaspes (Hdt. I. 188). The title "the Great King" does not necessarily refer to Cyrus himself because Herodotus uses the present tense in this description. But it is only a feature of an author's narration and does not mean that Cyrus had no any similar title. In inscriptions from Babylonia Cyrus had pompous titles, and the Greek words βασιλεύς ὁ μέγας render only one of the king's titles.

3) προστάτης. During Cyrus' struggle against Astyages Herodotus names him as the leader (προστάτης), but not yet a king (Hdt. I. 127).

4) βασιληίη, [ἄρχων] / ἄρχω. It is obviously that Cyrus became a king after his victory over Astyages. Astyages said to Harpagus that he might become king himself, but had given the power another man and if he (Harpagus) had to hand the throne over to somebody else it would have been more proper to clothe in this blessing rather a Mede than a Persian. The Persians under Cyrus rose against Medes and from then onwards were masters of Asia (ἦρχον τὸ ἀπὸ τούτου τῆς Ἀσίας – Hdt. I. 130). Cyrus has won Croesus and so after the victory began to rule all over Asia (πάσης τῆς Ἀσίας ἦρξε – ibid.).

5) πατήρ. While speaking about the reign of Darius I Herodotus notices that the Persians named Cyrus the father (πατήρ) because he was merciful for them and to him they were obliged for all their blessings.

Achaemenes is ancestor of Cyrus. Herodotus calls Achaemenes (Ἀχαιμένεος) as ancestor of Cyrus (Hdt. III. 75). However in his genealogy on the Babylonian cylon-

der seal Cyrus only goes back to Teispes. Darius I claimed new legitimacy from eponymous ancestor called Achaemenes because Darius belongs to the other line of Achaemenid dynasty and was linked collaterally with Cyrus who connected legitimacy with old Median royal family. R.N. Frye is right when he writes that it would be interesting to speculate on the relationship, if any, between Cambyses, father of Cyrus and Arsames, grandfather of Darius and other members of his family. Also Pasargadae's inscription with words "I am Cyrus the Achaemenid" were carved according to Darius' order.

The king's authority is connected with the gods (Ζεύς, ὁ δαίμων). Herodotus points at the gods' will when Cyrus became the king and when he was lost in the fight against the Massagetae and so ceased to be the king. E. g. Croesus said that Zeus had made him as Cyrus' servant. So Croesus meant that the gods gave authority to Cyrus (Hdt. I. 207). The Persians said that Zeus had given empire to them and among the Persians to Cyrus (Hdt. IX. 122). However in the beginning of the campaign against Massagetae Cyrus dreamed that he saw the future king Darius I with a pair of wings on his shoulders with one of which he cast a shadow upon Asia, with the another upon Europe (Hdt. I. 209). Herodotus says that Cyrus had misinterpreted the dream. It was sent by the god (ὁ δαίμων) to warn him of his death in country of the Massagetae and of the ultimate succession of Darius to the throne.

Cyrus' life was submitted to fortune (μοίρη). Before sending Cyrus to Persia to his real parents Astyages said that it has offended him because of a dream which was not fulfilled, but Cyrus' own fortune had saved him (Hdt. I. 121).

Thus Herodotus shows various aspects of Cyrus' kingship. The historian underlines relations of his kingship to the people as a father and a leader and to territory as a lord. The divine aspect of Cyrus' authority is that the gods patronize Cyrus almost up to the end of his life, but at the beginning of the campaign against Massagetae the gods cease to support him so that Cyrus was killed. Herodotus' concept of Cyrus' kingship has a feature of patriarchal character: the king is father for the Persians and the gods patronize the king, also life of Cyrus is submitted to fate.

ГЕРОИЗАЦИЯ ПЕРСОВ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

Ранее многим исследователям уже случалось обратить внимание на существующие в эсхиловских «Персах» признаки описания Ксеркса, Дария и других варваров в том же «героическом духе», в котором описываются гомеровские герои – традиционные персонажи древнегреческой трагедии. Однако если в случае трагедии подобные элементы можно было причислить к чисто драматургическим, то, обнаруживая что-либо подобное в других источниках, исследователь получает возможность рассмотреть отношение греков к описанию персов уже в ракурсе историческом. Особенно в данном случае, поскольку мы обращаемся к «Истории» Геродота. Безусловно, как и любой источник, «История» всегда рассматривается с критических позиций, выявляющих в ней сочетание субъективного и объективного. Нашей целью в данном случае являлось рассмотреть саму возможность влияния древнегреческого культа героев на описание представителей враждебного войска.

Описывая мидян или персов, Геродот употребляет в нескольких местах характеристики вроде того, что они обладают «отвагой» (ἀἰμα) (Hdt. IX. 62), «силой» (ῥώμη) (IX. 62) или «благородством» (ἀρίστος) (IX. 63), «мужеством» (ἀνδρεία) (VII. 10) и почитают военное мужество в качестве главной доблести (I. 136). Но нередко он тут же отмечает, что им не хватало оружия и боевого опыта (IX. 62) или они действовали в битве недостаточно слаженно (VIII. 86). Подобных упоминаний мужества, храбрости и благородства врагов (персов, мидян, а тем более эллинов, сражавшихся под командованием персидского царя - VIII. 90) довольно много, и мы остановились лишь на некоторых из них.

Однако считать эти слова исключительно уважительными и не несущими никакой иной цели мы сочли бы неверным. Все они скрыто или явно направлены на возвеличивание эллинов, как победителей варваров. В доказательство этому можно привести два аргумента. Во-первых, есть случаи, когда сразу после восхваления персов следуют еще бóльшие восхваления в адрес сражавшихся против них эллинов или указание на то, что они были побеждены эллинами. Во-вторых, обозначения благородства встречаются в тексте гораздо чаще в применении к эллинам, чем к варварам.

В качестве краткого вывода хотелось бы заметить: безусловно, у Геродота присутствуют временами элементы героизации персов как участников его произведения. Однако их нельзя назвать яркими или полномасштабными, какие присутствуют, например, у Эсхила в «Персах».

HEROIZATION OF THE PERSIANS IN THE “HISTORIES” OF HERODOTUS

Previously, many researchers have already drawn attention to the fact that Xerxes, Darius and other barbarians in Aeschilian “Persians” were described in the same “heroic spirit” as the Homeric heroes - the traditional characters of Greek tragedy. However, in tragedy’s case such elements could be ranked as purely dramatic, while discovering something like that in other historical sources, the researcher gets the opportunity to consider the attitude of the Greeks to the Persians in historical perspective. Of course, like any other source, Herodotus’ “Histories” are always considered from a critical position, in terms of subjectivity and objectivity. Our purpose is to consider the possibility of the influence of ancient Greek hero cult on the description of enemy army.

Herodotus several times uses such words as “bravery” (λῆμα) (Hdt. IX. 62), “force” (ῥώμη) (IX. 62), or “noble” (ἄριστος) (XI. 63), “courage” (ἀνδρεία) (VII. 10) to describe the Medes and Persians and also mentions their respect for military courage as the main valour. And then immediately he often adds that they lacked weapons and combat experience (IX. 62) or that their act in battle was not sufficiently coherent (VIII. 86). There are many similar references to the courage, bravery and nobility of enemies (Persians, Medes, all the more the Greeks who fought under the command of the Persian king - VIII. 90) and we mentioned just a few of them. However, it would be wrong to think that these words were only respectful and had no other purpose. All of them were implicitly or explicitly directed to the glorification of the Hellenes as the winners of the barbarians. There are two proofs to these arguments. The first is in the existence of cases in which the praise of the Persians followed by an even bigger praise to the Greeks who fought against them. The second is in the more frequent use of such terms in relation to the Greeks than to the barbarians in these texts.

In conclusion, I would like to note that sometimes there were (in the image of the enemy, described by Herodotus) elements of the heroization of Persians. But they can not be called bright or full-scale, as can be found in Aeschylus’ “Persians”.

**ДАЛЕКИЕ СОСЕДИ: ОБ ОТРАЖЕНИИ ПЕРСИДСКОГО ФЕНОМЕНА
В КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ**

Прежде чем изложить краткие замечания о некоторых из аспектов взаимоотношений эллинского мира с одним из государств Востока (чему посвящена настоящая конференция), хотелось бы обратить внимание на значение восприятия инаковости других народов для осознания общностью своей этнической и культурной идентичности. Современные историки и социологи, этнологи и специалисты по истории мировой культуры отмечают, что всякая общественная группа осознает и формирует свою культурную целостность на основе противопоставления себя другим единствам, прочим общественным группам, главным образом, когда это относится к территориально близким чужеземным народам и в первую очередь тем иноземцам-соседям, с которыми этнос состоит в прямом (тем паче продолжительном) контакте (см., напр.: Diller 1962; Bengtson 1974; Leiris 1979; Dihle 1994; Detel 1995; Schneider 1997; Harrison 2002; Nippel 2002; Weber 2006; Mitchell 2007; Waldenfels 2007). *Иные*, – это именно не такие, как *мы*, и из этого логического заключения следует, что уже здесь присутствует осознание самих себя как особой целостности, существующей самостоятельно и отличной от других. И эта оппозиция актуализируется по преимуществу в тот момент, когда появляются те, с кем есть что делить. Данный социально-исторический закон существует всегда и всюду, и эллины здесь, разумеется, не были исключением.

Насколько мы можем судить, опираясь на материал античной иконографии и сохранившиеся литературные памятники, на протяжении всей истории древней Греции инаковость «чужих» оставалась привлекательной для пытливых потомков Ясона и Одиссея. Во многом это было обусловлено политико-экономическими связями эллинов с египтянами и эфиопами, проживавшими на юге, и фракийскими племенами – на севере, а также с народами, обитавшими на востоке и северо-востоке ойкумены, главным образом - скифами, лидийцами и персами. Именно последние со временем оказались угрожающе близки и стали представлять неизбежную опасность для греков.

Далекie восточные соседи, персы, на протяжении почти двух столетий продолжали оставаться проблемой для греков: для тех, что жили в европейской части Эллады, – потенциальной внешней угрозой, силой, с которой им приходилось считаться, а для большинства греков малоазийских – господами, державшими их под своим контролем. Отражению греко-персидских отношений в классической греческой литературе и изобразительном искусстве посвящена значительная научная литература (Zahn 1896; Deutsch 1932; Schoppa 1933; Bacon 1961; Bovon 1963; Mosley 1971; Raeck 1981; Long 1986; Hall 1987, 1991; Brandt 1991; Müller u.a. 1992; Romilly 1993; Dihle 1994; Detel 1995; Bäbler 1998; Harrison 2002; Рунг 2004; 2005; 2008 и др.).

Выскажу некоторые наблюдения относительно того, в каком преломлении персидский феномен нашел отражение в таком специфическом источнике, как трагедия. Включение в театральные пьесы экзотических имен и названий, упоминание иноземных обычаев и реалий было излюбленным приемом всех афинских драматургов. В сохранившихся трагедиях и фрагментах содержатся многочисленные этнографические сведения, которые, несомненно, должны были быть понятны афинским гражданам: это обсуждалось в полисе и имело «спрос», было модно, поскольку было нацелено на то, чтобы вызвать интерес у театральной публики. Вкрапления восточной экзотики служили для того, чтобы приукрасить драму специфическим «этническим колоритом» (см.: Синицын 2008, 2011). И особое место здесь занимает персидская тематика.

Становление драматургии происходило в самом начале классического периода, и интерес к персидскому феномену в трагедии проявился фактически с первых лет ее существования, равно как и интерес к египетскому миру, - но с ним греки поддерживали контакты уже на протяжении долгого времени. Столкновения греков с новыми соседями сделали актуальной для афинской сцены персидскую экзотику: трагедии «Захват Милета» и «Финикиянки» Фриниха и «Персы» Эсхила относятся к первой трети V в. до н.э. Персидская тема становится востребованной на афинской сцене за несколько лет до скифской и за десятилетия до фракийской (последняя, насколько можно судить, актуализируется в этом жанре только в последней трети пятого столетия).

Именно в трагедии впервые была представлена определившаяся в европейской культуре антитеза «эллин-варвар», «свой-чужой». Драмы Фриниха не сохранились, но для нас «Персы» Эсхила являются показателем того, что через изображение варварского этоса уже сложилось самосознание греками себя как обособленного этноса, противопоставленного инородцам. Здесь персы – природные противники эллинов – показаны не только как враги, но как чужаки, варвары, носители иной культуры. В антиковедении весьма хорошо изучены этическая и этно-политическая проблематика Эсхилых «Персов».

Помимо этой драмы, сведения о персах фрагментарны, но они многочисленны. Трагедия показывает, что персидская экзотика оставалась востребованной в афинском театре на протяжении всего V в. до н.э. (проследить далее мы не имеем возможности по причине отсутствия текстов). Если вначале у Эсхила и Фриниха – современников греко-персидских войн – антитеза «свой-чужой», «мы-они» обозначена через социально-политическое противопоставление эллинов варварам-персам, то у следующих за ними драматургов «второго поколения» – Софокла, Еврипида и других, «малых», трагиков – эта антитеза сохраняется в иной плоскости. Внимание афинской публики привлекали прежде всего персидские нравы и обычаи, казавшиеся грекам чудными. Персидская роскошь и изнеженность были расхожим топосом в драме.

В целом отражение персидского феномена в аттической трагедии позволяет говорить о том, что с середины V в. до н.э. персы явно имели в Афинах лучшую репутацию, нежели иные народы (ср.: Vähler 1998: 105). Характеристика же прочих соседей была менее приятной: в трагедии мы встретим ссылки

на дикость и необузданность скифов, грубость и коварство фракийцев – черты, которые афиняне подмечали в них в первую очередь. Несмотря на те бедствия, которые претерпели эллины в годы персидского нашествия, в их общественном мнении этическое, негативное восприятие этих далеких варваров-соседей со временем уступило место сдержанному, скорее, этническому к ним интересу.

A.A. Sinitsyn

(St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences - Saratov)

**DISTANT NEIGHBOURS: ON THE PERSIAN PHENOMENON
IN THE CLASSIC TRAGEDY**

Before presenting brief notes related to several aspects of relations between the Hellenic world and an Oriental state (the topic of the Conference), I would like to focus on the importance for a community, in realizing its own ethnic and cultural identity, of being aware of the otherness of foreign nations. Contemporary historians and sociologists, ethnologists and experts in the history of world culture agree that every social group realizes and shapes its integrity by juxtaposing itself with other entities, other social groups, especially when it is a matter of territorially close foreign nations, primarily those neighbours it is in a close contact with (and an old contact at that) (see, for example, Diller 1962; Bengtson 1974; Leiris 1979; Dihle 1994; Detel 1995; Schneider 1997; Harrison 2002; Nippel 2002; Weber 2006; Mitchell 2007; Waldenfels 2007). *Them* are so totally different from *us*, and this logical conclusion entails that here this community is aware of its specific integrity, which is independent and unique. By far, this opposition emerges when there come those who have certain claims. This social and historical law is ubiquitous and forever important, and the Greeks were no exception.

As far as we can judge from the records of antique iconography and the extant literary works, throughout the history of Ancient Greece the otherness of “strangers” appealed to the inquisitive descendants of Jason and Odysseus. This was largely conditioned by political and economic ties established between the Greeks and their neighbours on the south, Egyptians and Ethiopians, and Thracian tribes in the north, as well as the nations inhabiting the east and north-east of populated universe, chiefly, Scythians, Lydians and Persians. Yet with time, the latter became menacingly close and presented imminent danger to the Greeks.

It seems it was this menace – and later clashes with Persians – that triggered the Greeks’ ethnic self-awareness. Distant eastern neighbours – Persians – remained a nagging problem for the Greeks for another two centuries: for those living in the European part of Greece they still constituted a potential outside menace, a power to be reckoned with, while for the majority of Greeks in Asia Minor they were governors keeping them under control. Many scholarly works (Zahn 1896; Deutsch 1932; Schoppa 1933; Bacon 1961; Bovon 1963; Mosley 1971; Raeck 1981; Long 1986;

Hall 1987, 1991; Brandt 1991; Müller u.a. 1992; Romilly 1993; Dihle 1994; Detel 1995; Bäbler 1998; Harrison 2002; Rung 2004; 2005; 2008 et al.) are devoted to the Greek-Persian relations depicted in classic Greek literature and antique iconography.

Here are certain observations about the Persian phenomenon as reflected in such a specific genre as tragedy. The Athenian playwrights were keen on introducing into their theatrical performances such devices as exotic names and nominations, foreign customs and realia. The extant plays and fragments contain vast ethnographic evidence that Athenian citizens did understand: this had wide currency in the polis; it was in vogue and in great demand since it was aimed at the theatrical mob with the idea of stirring up its interest. Oriental exoticism thrown into the narrative served as an embellishment adding an ethnic flavour (see Sinitsyn 2008, 2011). Here again the Persian subject area stands out.

The making of the drama started at the outset of the Classic period, and the Greeks took a great interest in the Persian phenomenon in tragedy almost from the very beginning; they were likewise interested in the Egyptian world to which they had been partial for a long time. Clashes between the Greeks and their new neighbours made the Persian exotics topical for the Athenian theatre: tragedies *Capture of Miletus* and *Phoenician women* by Phrynichos and *Persians* by Aeschylus date back to the V-th cent. B.C. The Persian theme had been acclaimed on the Athenian stage several years before it found its way to the Scythian stage and decades before it reached Thrace (the latter, as far as we can judge, came to know this theme only in the last third of the fifth century).

It was the tragedy that introduced the “the Greek–the Barbarian” antithesis – “us and them” – that later came to determine the European culture. Phrynichos’s dramas have not survived, but depiction of the barbarian ethos in Aeschylus’s *Persians* proves that the Greeks had started seeing themselves as a separate ethnos only when confronting foreigners. Here Persians – natural rivals of the Greeks – are shown not only as enemies but also as strangers, bearers of a foreign culture. The Antiquity scholars have thoroughly researched into the ethic and ethno-political subject-matter of Aeschylus’s *Persians*.

Apart from this drama, knowledge of Persians is fragmentary and slight, though abundant. The Attic tragedy shows that the Persian exotics remained acclaimed at the Athenian theatre throughout the whole V-th cent. (owing to the absence of texts, we cannot go further). While at the beginning Aeschylus and Phrynichos, contemporaries of Greek-Persian wars, show the “us and them” antithesis only through social and political juxtaposition of Greeks and barbarian Persians, playwrights of the “second generation” – Sophocles, Euripides and other, ‘minor’, tragedians – reveal this antithesis on a different plane. The Athenian public favoured, first and foremost (though not exclusively), peculiar Persian habits and customs.

The Persian phenomenon in the Athenian tragedy allows us to state that from the mid-V-th cent. B.C. Persians had a far better reputation in Athens than other nations (see Bäbler 1998: 105). Persian delicacy and luxury became the common topos in contrast with the savagery and rashness of Scythians and hoarseness and perfidy of Thracians. In spite of the troubles endured by the Greeks at the time of the Persian

Иран и Греция/Iran and Greece

invasion, the Greek public opinion of these barbarian neighbours gradually changed from negative to positive and from ethnic to ethnic.

М.Ю. Лантева

Тобольская государственная социально-педагогическая
академия им. Д.И. Менделеева

**«КОГДА НАГРЯНУЛ МИДИЕЦ...»:
ИОНИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ АХЕМЕНИДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
VI – НАЧАЛЕ V в. до н.э.**

Завоевание в 546 г. до н.э. Ионии персами, включение ее полисов в одну из сатрапий державы Ахеменидов стало важным рубежом в истории этой области восточной Греции. Именно в Ионии персидское государство впервые пришло в тесное и длительное соприкосновение с миром греческих полисов. Почти пятьдесят лет истории мирных взаимоотношений ионийских греков и ахеменидской администрации дают ключ к пониманию природы позднеархаической ионийской тирании, позволяют постичь причины Ионийского восстания, ставшего прологом длительного периода Греко-персидских войн.

Взаимоотношения персов и ионийских тиранов нередко рассматривается в том ключе, что персы насаждали тираническую форму правления в ионийских городах, а ионийские тираны были ставленниками персов. Однако данные ионийской традиции показывают, что тирании не были привнесенной извне формой власти: они периодически возникали в ионийских полисах в VIII–VII вв. до н.э. (Милет, Колофон, Фокея, Самос, Эрифры, Эфес), то есть задолго до прихода персов. Всеобщей формой власти в полисах Ионии середины VI в. до н.э. тирании не были. В некоторых полисах ко времени персидского завоевания установились олигархические правления (Милет) или демократии (Хиос, Приена, Фокея). Нет данных, что Ахемениды насаждали тирании в период завоевания Ионии. Отсутствуют свидетельства о персидских гарнизонах в ионийских городах.

Автор убежден, что персы не насаждали тирании, а поддерживали лояльных тиранов из соображений большего удобства для них этой формы правления в период выстраивания «вертикали власти» в державе. Эти тираны могли быть приближены к персидскому царю в качестве «советников» и «сотрапезников», как милетские тираны Гистией и Аристагор, или же получали поддержку от персов подобно тиранам, участвовавшим в скифском походе Дария I, которые понимали, что они сохраняют тираническую власть благодаря персидскому царю (Hdt. IV. 137). Это стесняло свободу ионийских греков: к концу VI в. до н.э. в большинстве полисов накопились антитиранические настроения. В Милете и Фокее в конце VI в. до н.э. тираны, как и в Афинах, были изгнаны с помощью спартанцев. Если к середине VI в. до н.э. тирании еще были типичной формой правления, то к концу V в. до н.э. большинство ионийских государств уже тяготело к демократическому устройству. Так, в Эфесе с его древними аристократическими традициями философу Гераклиту было предложено написать законы.

Авантюра ионийских тиранов Аристагора и Гистиея была воспринята ионийцами как сигнал к установлению демократий. Поражение восстания было трагично лишь для Милета. В остальных городах демократии были восстановлены Мардоном, но не из любви к этой форме власти, а из прагматических соображений. Персы охладели к ионийским тиранам из-за их ненадежности и слабости в своих городах. Им нужна была власть на местах не только покорная, но сильная и авторитетная. Поэтому, санкционировав после подавления восстания демократические правления в ионийских полисах, Мардоний тем самым подтвердил *status quo*, сложившийся в ходе восстания. Это было необходимо для обеспечения надежных тылов ввиду новых военных планов похода на Балканы.

В докладе отмечается также роль ионийских интеллектуалов (Гекатея Милетского, Гераклита) в определении политического статуса Ионии после Ионийского восстания.

M.Yu. Lapteva

D.I. Mendelejev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy

“WHEN MEDOS ATTACKED...”:

**IONIA UNDER THE POWER OF ACHAEMENIDS FROM
THE SECOND PART OF THE V-TH TO THE BEGINNING OF THE V-TH CENT. B.C.**

The conquest of Ionia by Persians in 546 B.C., inclusion of its *poleis* in one of the Achaemenid satrapies became an important boundary in the history of this area of the Greek world. In Ionia the Persian state has come for the first time to close and long contact with the world of the Greek *poleis*. Almost fifty years of the history of peaceful relations of Ionian Greeks and Achaemenid administration furnish the clue to understanding of the nature of Ionian tyranny, allow to comprehend the reasons of the Ionian revolt which have become the prologue of the long period of the Greek-Persian wars.

One of the major themes of this period – mutual relations of Persians and Ionian tyrants – is quite often considered in that sense that Persians spread the tyrannical form of government in Ionian cities, and Ionian tyrants were protégés of Persians. However the data of Ionian tradition shows that tyrannies weren't the form of the power introduced from the outside: they periodically arose in Ionian *poleis* in the VIII-VII-th centuries BC (Miletos, Kolophon, Phokaia, Samos, Erythrai, Ephesos) that is long before arrival of Persians. The tyrannies were not the general form of the power in the *poleis* of Ionia. In some *poleis* oligarchic boards (Miletos) or democracies (Chios, Priene, Phokaia) were established before the time of the Persian conquest. There is no evidence about the intentions of “planting” tyranny in the Ionian *poleis* as a planned policy by the Achaemenids. There are no data concerning the Persian garrisons in the Ionian cities.

The author considers that Persians didn't spread tyranny but supported the loyal tyrants by the reasons of conveniences to them of this form of government in the period of forming "power verticals". These tyrants could be approached to the Persian King as "advisers" and "messmates" as Milesian tyrants Histiaios and Aristagoras or got support from Persians as tyrants, who were participating in the Scythian campaign and who understood that they keep the tyrannical power thanks to Darius I (Hdt. IV. 137). It constrained freedom of Ionian Greeks: by the end of VI-th cent. B.C. in the majority of *poleis* anti-tyrannical moods have collected. So in Miletos and Phokaia in the end of the VI-th cent. B.C. tyrants, as well as in Athens, have been expelled by means of Spartans. If to the middle of the VI-th cent. B.C. tyrannies still were the typical form of government, by the end of the V-th cent. B.C. the majority of the Ionian states already gravitated to the democracies. So in Ephesos with its ancient aristocratic traditions it was offered to philosopher Heraclitos to write laws.

Adventure of Ionic tyrants Aristagoras and Histiaios has been apprehended by Ionians as a signal to an establishment of democracies. The suppression of the Ionian revolt was tragic only for Miletos. In other cities the democracies have been restored by Mardonius, not for the love of this form of power but from pragmatic reasons. Persians have grown cold to Ionic tyrants because of their unreliability and weakness in the cities. The local authorities not only obedient, but strong and authoritative were necessary to them. Therefore having authorized after revolt suppression the democratic boards in the Ionian policies, Mardonius thereby has confirmed *status quo*, which developed during the revolt. It was necessary for maintenance of reliable backs in view of new military plans of a campaign for the Balkans.

In the report the role of Ionian intellectuals (Hecataios and Heraclitos) in definition of the political status of Ionia after Ionian revolt is marked.

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва

**ЗНАМЕНИТЫЕ АФИНЯНЕ VI–V вв. до н.э.
НА ТЕРРИТОРИИ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ**

Ахеменидская Персия, с того самого момента, как она вышла на Эгейское побережье (а это произошло уже при Кире Великом), стала, разумеется, одним из важных факторов древнегреческой истории, прежде всего политической. В данном аспекте не остались в стороне и Афины, часто вступавшие с Персией в контакты различного рода. В связи с этим на территории огромной восточной державы по тому или иному поводу побывал ряд крупных деятелей афинского полиса. Этой проблематике и посвящен данный доклад. В его хронологические рамки нами сознательно включен материал только до начала IV в. до н.э., поскольку в этом столетии роль Персии в делах греческого мира (в том числе Афин) особенно возрастает, и релевантных фактов становится настолько много, что они заслуживали бы отдельного исследования.

Переходя к конкретике, первым приходится упомянуть имя Мильтиада Младшего. Как известно, будущий марафонский победитель в конце VI в. до н.э. на протяжении ряда лет был (как тиран Херсонеса Фракийского) персидским подданным, принял участие в скифском походе Дария I. Гораздо дольше на территории Персии задержался афинский тиран Гиппий, изгнанный с родины в 510 г. до н.э. Перебравшись в малоазийский Сигей и став его вассальным тираном под ахеменидским владычеством, он бывал и у Дария в Сузах, и плавал с Датисом и Артаферном к берегам Аттики в 490 г. до н.э. Жили в Персии и его родственники, другие опальные Писистратиды.

Наиболее известно длительное пребывание в державе Ахеменидов знаменитого Фемистокла. Приговоренный в Афинах к казни, у персов он, напротив, добился высокого положения: управлял несколькими городами, чеканил монету (в связи с его чеканкой ныне существует ряд дискуссионных вопросов). Назовем также имена Кимона, в ходе своих военных операций неоднократно высаживавшего на ахеменидские берега, и дипломата Каллия, ездившего в Сузы (похоже, тоже неоднократно) для ведения мирных переговоров. В конце V в. до н.э. с Персией связан ряд перипетий бурной судьбы Алкивиада, который в чем-то пошел «по стопам» Фемистокла. А еще несколько лет спустя нечто аналогичное случилось с Кононом.

Многие из перечисленных афинских политиков могли бы вольготно жить в огромной восточной державе. Но почти все они страстно желали возвратиться на свою маленькую родину (хотя мало кому из них это удалось).

I.Ye. Surikov

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow

**FAMOUS ATHENIANS OF THE VI-TH AND V-TH CENT. B.C.
AT THE TERRITORY OF THE ACHAEMENID EMPIRE**

Achaemenid Persia from the very moment it reached the Aegean coasts (and that took place already under Cyrus the Great) naturally became a major factor in Greek history, political first of all. In that aspect Athens was by no means aside; it often entered into contacts of various kinds with Persia. In this connection, a number of prominent leaders of the Athenian *polis* visited the territory of the great Eastern Empire, on such or such occasion. The paper deals with this topic. The chronological framework is consciously limited to the period till early IV-th cent., as later the role of Persia in Greek affairs (Athenian affairs, too) grew crucially, and there became so many relevant data that they would deserve a special study.

When passing to the facts, the first name to be mentioned is that of Miltiades the Younger. As is well-known, the future Marathon winner in the late VI-th cent. B.C. was during a lot of years a subject of the Persian king, being the tyrant of the Thracian Chersonese; he even took part in the Scythian campaign of Darius I. Much more time stayed at the Persian territory Athenian ex-tyrant Hippias, dethroned in 510 B.C.. Having moved to Sigeum in Asia Minor and become its vassal-tyrant under the Persian sovereignty, he was both Darius' guest in Susa and a participant in Datis' and Artaphernes' 490 B.C. expedition to the Attic shores. His relatives, other exiled Pisistratids, also lived in Persia.

Best known is the long stay of the great Themistocles in the Achaemenid Empire. While sentenced to death in Athens, in Persia he, to the contrary, reached a high status: he was a ruler of several cities, and he minted his coins (in connection with his coinage there are controversial questions now). Also Cimon should be named (during his military campaigns he more than once got onto Achaemenid shores), as well as the diplomat Callias who came to Susa (also more than once, as it seems) for peace negotiations. In the very end of the V-th cent., with Persia were connected some events of the violent fortune of Alcibiades – the politician who, so to speak, followed in Themistocles' footsteps. Some years yet later similar things happened to Conon.

Many of above-mentioned Athenian politicians had any possibility to live carefreely in the great Eastern Empire. However, almost all of them longed for their small motherland (though only few managed to return).

В.М. Строецкий

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СПАРТОЙ И АФИНАМИ
НАКАНУНЕ МАРАФОНСКОЙ БИТВЫ**

Согласно Геродоту (IV. 48) в 491 г. до Р.Х. Дарий отправил в различные города Эллады посольства с требованием земли и воды для Великого царя. Многие города Эллады, как материковые, так и островные, подчинились персидскому царю. Среди последних были и жители Эгины. Афиняне, узнав об этом, обратились в Спарту с просьбой наказать эгинетов, обвинив их в предательстве по отношению к Элладе (Hdt. VI. 49).

Спарта не заставила себя долго ждать. Оба спартанских царя явились на Эгину, арестовали 10 наиболее влиятельных политических деятелей, склонивших эгинетов подчиниться персам, и отправили в качестве заложников в Афины (Hdt. VI. 73). Эти свидетельства Геродота ставят перед исследователями ряд важных проблем.

Во-первых, какими мотивами руководствовались афиняне и спартанцы в действиях против эгинетов? Во-вторых, что собой представляли в рассматриваемое время взаимоотношения между Спартой и Афинами? В-третьих, в каких отношениях друг с другом находились Спарта и Эгина? В-четвертых, какова была внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся в Спарте и Афинах в рассматриваемое время?

Все эти проблемы являются объектом нескончаемых научных дискуссий. Прежде всего, следует отметить, что после падения Милета и признания многими эллинскими полисами власти персидского царя в Греции не существовало идеи панэллинского патриотизма как доктрины. Тем не менее, стремление к объединению греков перед угрозой персидского нашествия имело место в определенных кругах греческих полисов. Спарта и Афины не случайно стали активными сторонниками оказания сопротивления персам, и причины выяснения этого являются важной темой этого доклада.

Наконец, важно выяснить, какие внутривнутриполитические силы в Спарте и Афинах были сторонниками активного сопротивления персам, и как это повлияло на все последующие события в ходе Греко-персидских войн.

V.M. Strogetsy

N.A Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University

RELATIONS BETWEEN SPARTA AND ATHENS BEFORE THE BATTLE OF MARATHON

According to Herodotus (IV. 48), in 491 B.C. Darius dispatched heralds to various cities of Hellas, with orders to demand earth and water for the Great King. Many

Greek cities upon the mainland, and likewise on the islands made their submission to the Persian king. Among these last were included the Aeginetans. Having learnt of that, the Athenians sent embassies to Sparta to request punishment for the Aeginetans charging the latter with treachery of Greece (Hdt. VI. 49).

Sparta straightway took the matter in hand. Both Spartan kings came to Aegina, arrested 10 most influential politicians, who had made the Aeginetans submit to the Persians' demand, and sent them as hostages to Athens (Hdt. VI. 73). These evidences cited by Herodotus set a number of important problems for researchers.

Firstly, what were the causes that guided the Athenians and Spartans in their actions against the Aeginetans? Secondly, what were the relations between Sparta and Athens in the discussed time? Thirdly, what were the relations between Sparta and Aegina? Fourthly, what was the domestic political situation that existed in Sparta and Athens in the discussed time?

All these problems are an object of never-ending scientific discussion. First of all, it should be noted that after the fall of Miletus and after many Greek poleis had made their submission to the Persian king's power, there did not exist in Greece an idea of Pan-Hellenic patriotism as a doctrine. Nevertheless, a certain group of Greek *poleis* sought to unite Greeks in the face of Persian invasion. It was not by chance that Sparta and Athens became active advocates of putting up resistance to the Persians; and finding out the causes of this is the central subject of this talk.

Finally, it is important to discuss what internal political powers in Sparta and Athens supported active resistance to the Persians and how that influenced all the following events in the course of the Persian Wars.

АРГОССКО-ПЕРСИДСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В VI–IV вв. до н.э.

При изучении греко-персидских взаимоотношений важным представляется проследить развитие аргосско-персидских контактов. Стремление аргосцев к союзу с персами кроется в соперничестве Аргоса со Спартой за гегемонию в Пелопоннесе. Еще накануне персидского нашествия в Балканскую Грецию, когда аргосцы потерпели поражение от спартанцев в битве при Сепее, в Аргос прибыло персидское посольство с предложением дружбы (Hdt. VII. 150). В результате переговоров, по всей вероятности, было достигнуто соглашение, так как аргосцы видели в персах сильного союзника, при помощи которого надеялись взять реванш и установить свое лидерство в Пелопоннесе.

Кроме этого, «отец истории» сообщает о посольстве аргосцев в Сузы к Артаксерксу (когда у царя находились афиняне, Каллий с товарищами) с целью продлить союз, заключенный с Ксерксом, что свидетельствует о наличии более раннего союзного договора (Hdt. VII. 151). Поэтому аргосцы придерживались нейтралитета в период Греко-персидских войн (Hdt. VII. 148–152; 202; VIII. 73; IX. 28; Dem. VI. 11–12; Diod. XI. 65. 2), оправдывая свою позицию «родством» с персами: у них якобы был общий предок - Персей (Hdt. VII. 145; 148–150). На деле же аргосцы не выступали открыто против Спарты, но попытки оказать помощь персам все же предпринимались. Так, в частности, согласно сообщению Геродота, аргосцы дали обещание Мардонию задержать выступление лакедемонян (Hdt. IX. 12).

Дипломатические отношения между Аргосом и Персией сохранились и после Греко-персидских войн. Так, в результате внутривосточной борьбы между сторонниками демократии и олигархии в Аргосе во время Архидамовой войны 430–421 гг. до н.э. к спартанской делегации, отправленной к персидскому царю с целью побудить его содействовать пелопоннесцам деньгами и участием в войне против афинян и их союзников, присоединился аргосец Поллид, как частное лицо (Thuc. II. 67. 1). Возможно, Поллид был представителем аргосских олигархов, решивших от своего имени вступить в переговоры с персидским царем с целью добиться от него финансовой поддержки. К тому же в этот период между Аргосом и Спартой существовал договор, заключенный в 451 г. до н.э. на тридцатилетний период.

Во время же войны между Персией и Спартой в 399–394 гг. до н.э. аргосцы не упустили возможности выступить против лакедемонян. Согласно Ксенофону и Павсанию, персами был отправлен в Грецию родосец Тимократ с целью подкупить виднейших политических деятелей в греческих государствах, взяв с них клятву, что они возбудят войну против Спарты. В результате его миссии, помимо политических деятелей из Фив и Коринфа, были подкуплены Килон и Содам – политические деятели Аргоса (Xen. *Hell.* III. 5. 1–2; Paus.

III. 9. 4). Интересным представляется также рассмотреть участие аргосцев в греческом посольстве в Сузы в 366/5 г. до н.э. (Xen. *Hell.* I. 3. 11).

Ye.A. Venidiktova

Kazan (Volga Region) Federal University

THE ARGIVE-PERSIAN RELATIONS IN THE VI-TH-IV-TH CENT. B.C.

In the study of Greco-Persian relations it is very interesting to consider the Argive-Persian contacts. Argives' attitude towards the alliance with the Persians is hidden behind the rivalry between Argos and Sparta for hegemony in the Peloponnese.

Before the Persian invasion to Greece, when Argos was defeated by the Spartans at the battle of Sepeia, Persian embassy has arrived to Argos to offer a friendship (Hdt. VII. 150). It is likely that after the negotiations both sides have reached an agreement, since Argos saw a strong ally in the Persians and with their help the Argives hoped to take vengeance and establish the leadership in the Peloponnese.

Besides, Herodotus reports on Argive embassy to the king Artaxerxes I, while the king received the Athenians, Callias with companions, intending to renew the alliance concluded with Xerxes. It was due to the treaty of friendship between Argos and Persia (Hdt. VII. 151). That is why Argos held a neutral position in the Greek-Persian wars (Hdt. VII. 148-152; 202; VIII. 73; IX. 28; Dem. VI. 11-12; Diod. XI. 65. 2). Argos justified this by being related to the Persians through their "common ancestor" – Perseus (Hdt. VII. 145; 148-150). In the reality the Argives did not act openly against Sparta, but they attempted to help the Persians. Thus, according to Herodotus, Argos promised Mardonius to hold the departure of the Lacedaemonians (Hdt. IX. 12).

Diplomatic relations between Argos and Persia have remained and after the Greek-Persian wars. So, as a result of internal political struggle between supporters of democracy and oligarchy in Argos, during the Archidamian War of 430-421 B.C., the Spartan delegation was sent to the Persian king to try to stimulate him to contribute to the Peloponnesians some money and participate in the war against Athenians and their allies. Pollis from Argos has joined the delegation as the private person (Thuc. II. 67. 1). Perhaps Pollis was the member of oligarchic faction in Argos who was supposed to negotiate with the Persian king on behalf of the oligarchs hoping to achieve some financial support of their group in Argos. Besides, during this period there was a thirty years treaty between Argos and Sparta, concluded in 451 B.C.

During the war between Persia and Sparta of 399–394 B.C. the Argives have not missed an opportunity to confront the Lacedaemonians. According to Xenophon and Pausanias, Timocrates from Rhodes has been sent to Greece by Persians, with a purpose to bribe the most notable politicians in the Greek states, having made them swear, that they will provoke a war against Sparta. As a result of his mission, in addi-

tion to political leaders of Thebes and Corinth, politicians from Argos Cylon and Soudamas were bribed (Xen. *Hell.* III. 5. 1–2; Paus. III. 9. 4). Participation of the Argives in Greek embassy of 366/5 B.C. to Susa is also interesting to consider (Xen. *Hell.* I. 3. 11).

**«КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ»:
ИРАНСКИЕ ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ В ВОСПРИЯТИИ ГРЕКОВ**

Предметы персидской роскоши были знакомы балканским грекам со времен Греко-персидских войн. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Обычай использовать на пирах золотую и серебряную посуду был широко распространен в среде ахеменидской знати. Очевидно, с этим обычаем связано подношение золотых и серебряных сосудов в виде даров. «Ахеменидские» (по стилю) серебряные сосуды (но, возможно, произведенные не в Персии), датируемые первой половиной V в. до н.э., находят во время раскопок во Фракии. Несомненно, этот обычай стал хорошо известен грекам с тех пор, как города и племена, через которые проходило войско Ксеркса, должны были доставлять персам не только съестные припасы, но также золотую и серебряную посуду на стол царя и его приближенных (Hdt. VII. 119; ср. Thuc. II. 97).

Проблема влияния персидских предметов роскоши на греков в классическую эпоху вызвала определенный, хотя и не очень значительный интерес, и среди искусствоведов-музейщиков, и среди специалистов по культурным взаимодействиям. Первые рассматривали влияние «ахеменидской» посуды из драгоценных металлов на аттическую керамику как результат потрясения греков от огромной добычи, захваченной после битвы при Платеях и распределенной впоследствии между различными греческими полисами. По мнению современных исследователей, аттические керамические подражания «ахеменидским» сосудам из драгоценных металлов можно объяснить не только и не столько влиянием визуального шока от платейской добычи, но и внедрением (вольным или невольным) персами этих сосудов в качестве своеобразного стандарта роскоши и даже меры стоимости.

Исследователи также связывают распространение дамских зонтиков в классических Афинах (например, в Панафинейских процессиях) с восточным, в частности персидским, влиянием. Зонтики воспринимались как атрибут роскоши, изображения женщин с зонтиками на вазописи – безусловно, изображения жен и дочерей афинских граждан. Впрочем, зонтик мог быть и царским подарком, т.е. использоваться и мужчинами.

Персидский плащ из тонкой шерсти символизировал богатство и высокий социальный статус. Он был уже не безличной овчиной-хленой или шкурой-«кожанкой» - дерма, а индивидуализированной одеждой. Было ли это отражением похолодания или роста богатства в афинском обществе, сказать трудно.

Таким образом, присутствие предметов персидской роскоши стало обыденным явлением для греков в V в. до н.э. Потом интерес к персидской роскоши, вплоть до походов Александра Македонского, только снижался.

S.G. Karpyuk

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow

**“THE QUALITY OF PRODUCTION”:
IRANIAN LUXURY GOODS IN GREEK EYES**

Iranian luxury goods have been familiar for the Balkan Greeks since the period of Greek-Persian wars, as we know both from literary and archaeological sources. Achaemenids nobles used metalware (gold and silver plates). We know about a number of inscribed silver vessels of the Odrysian kings from Thrace made for the Persians. “Achaemenid” metalware style (as a standard of luxury) influenced on that of mid-V-th century B.C. Greek ceramic vases.

Modern scholars often make connections between the spread of parasols in classical Greece (e.g. during Panathenaic festivals in Athens) and Persian influence. Parasol was a luxury good, and it was often used as a gift by the Persian kings. Persian high-quality clothes were symbols of wealth and a high social status in Greece.

So, Persian luxury goods were prestigious, and rather usual for the Greeks in the classical period.

Р.В. Стоянов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург –
Университет Чанаккале, Турция

**ПЕРСЫ И ГРЕКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ В VI-IV вв. до н.э.:
САРКОФАГ ИЗ АЛТЫНКУЛАЧА**

В 1998 г. грабители разрушили курган, расположенный в окрестностях деревни Алтынкулач, неподалеку от города Чан – между городищами Троя и Даскилион. В результате исследования, проводившегося экспедицией археологического музея г. Чанаккале, в подкурганном склепе был найден саркофаг из проконесского мрамора, две стенки которого были украшены полихромными рельефами. Саркофаг был перевезен в археологический музей г. Чанаккале, где он хранится в настоящее время. Рельеф на продольной стене саркофага разделен на две части изображением дерева. В двух сегментах изображены сцены конной охоты на оленя и кабана (рис. 1).

Фигура крайнего правого охотника не была окончена. Все охотники вооружены длинными копьями и одеты в персидские костюмы. На голове охотника на кабана, видимо, наиболее высокопоставленного из изображенных на рельефе, – тиара, а на бедре – акинак. На поперечной стенке изображена сцена битвы между одетым в персидский костюм всадником, его оруженосцем и пешими воином (рис. 2). Одни исследователи склонны видеть в поверженном пешем воине грека, а во всадниках – персов (Sevinç, Cörpe, Tombul, Rose, Strahan, Keisewetter, Wallrodt, 2001; Tombul, 2004; Rose, 2007). По другому мнению, на саркофаге изображен поверженный мизиец (Ma, 2008). Остеологический анализ показал, что в саркофаге был погребен мужчина 22-27 лет. Комплексный анализ позволил исследователям датировать саркофаг началом IV в. до н.э. Вне зависимости от интерпретации этнической и культурной принадлежности изображенных на саркофаге фигур, форма погребальной камеры, саркофага и украшающих его рельефов наглядно иллюстрируют процесс эллинизации местных элит, проходивший в регионе в конце V – начале IV вв. до н.э.

R. V. Stoyanov

Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia – Çanakkale University, Turkey

**PERSIANS AND GREEKS IN THE NORTH-WESTERN ANATOLIA V-IV CENT. B.C.:
ALTINKULAÇ SARCOPHAGUS**

In 1998 a tumulus situated near the village Altinkulaç, near Çan, between Troy (Ilion) and Daskyleion was plundered by looters. As a result of archaeological investigations of the tumulus by the expedition of Archaeological museum of Çanakkale, a sarcophagus, was made from Proconnesian marble and decorated with polychrome reliefs on two sides, had been found. The sarcophagus was transported to Archaeological museum of Çanakkale where it has being remained. The image of a tree is divided the frontal relief into two segments: the scenes of horse-hunting for a deer and wild boar (fig. 1). The image of rightmost hunter wasn't finished. All the hunters are armed with long spears and dressed in Persian costume. The boar hunter – apparently, the most senior person of the relief has tiara on the head, and an akinak on his thigh. A scene of battle between supported a squire Persian cavalry and foot soldier is depicted on the transverse wall (fig. 2).

Some researchers are tending to interpret the images of foot warriors as the Greeks, while the horsemen – the Persian (Sevinç, Cörpe, Tombul, Rose, Strahan, Keisewetter, Wallrodt, 2001; Tombul, 2004; Rose, 2007). According to another opinion, the image of defeated foot warrior represents a Mysian (Ma, 2008). Osteological

analysis of the remains were founded in the tomb shows the diseased 22–27 years old man. The sarcophagus was dated by the beginning of the IV-th cent. B.C. with comprehensive analysis. Regardless of ethnic and cultural interpretation of the figures were depicted on the sarcophagus, the shape of the burial chamber and the way which the sarcophagus was decorated illustrate the process of Hellenization among the local elites in Anatolia at the end of the V-th – beginning of the IV-th cent. BC.

АРГЕАДЫ, ПЕРСЫ И ИМЯ *AMYNTAS* В ЛИКИИ

Самым известным античным памятником в ликийском г. Тельмессе (ныне Фетие в Турции) является т.н. «Гробница Аминты» – высеченная в скале усыпальница с монументальным фасадом, имитирующим вход в храм. Свое название гробница получила из-за надписи “*Amyntou tou Hermapiou*” (ТАМ II. 30), которая явно указывает на ее «владельца».

К сожалению, точная датировка «Гробницы Аминты» затруднена. Обычно на основе архитектурных особенностей и палеографии надписи ее весьма неопределенно относят к IV в. до н.э. Размер усыпальницы и ее месторасположение указывают на то, что она принадлежала или местному династу, или же кому-то из знатных и богатых жителей города.

Значительный интерес представляют имя и патронимик усопшего. Имя *Amyntas* было наиболее распространено в Македонии и северо-западной Греции (LGPN IV s.v.); имя же *Hermapias* является достаточно редким (оно еще несколько раз встречается в Малой Азии, в том числе и в Тельмессе, но не в Македонии). К сожалению, история Тельмесса в IV в. до н.э. известна крайне фрагментарно. В литературной традиции не сохранилось сведений об Аминте, сыне Гермапия.

Далее будет предложена гипотеза по поводу возможности появления имени *Amyntas* в Ликии до времени Александра Великого – вследствие брачного союза между представителями македонской династии Аргеадов и одной из знатных персидских семей из окружения Ахеменидов.

Из сообщения Геродота известно, что дочь македонского царя Аминты I (вторая пол. VI в. до н.э.) Гигея была выдана замуж (где-то между 512 и 492 гг. до н.э.) за знатного перса Бубара. Их сын Аминта получил в управление город Алабастра во Фригии (Hdt. V. 21; VIII. 136); впрочем, есть мнение, что это была Алабанда в Карии. Так или иначе, но именно благодаря Аминте, сыну Бубара и Гигеи, имя *Amyntas* могло попасть в Малую Азию еще в первой половине V в. до н.э. Несмотря на то, что в источниках не сохранилось информации о судьбе Аминты, сына Бубара и его потомков, можно осторожно допустить, что именно через них – вследствие браков или развития отношений гостеприимства – имя *Amyntas* могло появиться в IV в. до н.э. в Тельмессе.

ARGEADS, PERSIANS AND PERSONAL NAME *AMYNTAS* IN LYCIA

The most known ancient monument of the Lycian city of Telmessus (now Fethiye, Turkey) is the so-called “Tomb of Amyntas”, a rock tomb with a monumental façade imitating a temple. The name of tomb comes from the inscription “*Amyntou tou Hermapiou*” (TAM. II. 30), which obviously points at its “owner”.

Unfortunately, exact dating of the “Tomb of Amyntas” is difficult. It is usually dated quite imprecisely to be of the IV-th cent. B.C. It is beyond doubt that the tomb belonged to either the local ruler or to one of the wealthy and noble men of the city (the “Tomb of Amyntas” is the largest of rock tombs in Telmessus and its surroundings).

The name and the patronymic of the deceased are of specific interest. The personal name *Amyntas* was most widely spread in Macedonia and North-Western Greece (LGPN IV s.v.); the name *Hermapias* is quite rare (it occurs just several times in Asia Minor but not in Macedonia).

The history of Telmessus in the IV-th cent. B.C. is known in few details. Unfortunately, the literary tradition has no data of Amyntas, son of Hermapias. What

will follow is a hypothesis of how the name *Amyntas* appeared in Lycia before the Macedonian conquest (333 B.C.).

It is known from a note of Herodotus that the daughter of the Macedonian king Amyntas I (second half of the VI-th cent. B.C.) Gygaea was married (some time between 512 and 492 B.C.) to a Persian nobleman by name of Bubares. Their son Amyntas received from the Persian king the city of Alabastra in Phrygia (Hdt. V. 21; VIII. 136). (However, there are opinions that it was Alabanda in Caria). It is possible to suggest that it was through Amyntas, son of Bubares and Gygaea, that the personal name *Amyntas* could appear in Asia Minor as early as in the first half of the V-th cent. B.C.

А.П. Кивни

Университет Кента, Кентербери, Великобритания

ЧУЖИЕ КАК СВОИ: ЕВНУХИ ПРИ АХЕМЕНИДСКОМ ДВОРЕ

Этот доклад посвящен, прежде всего, источникам доставки евнухов для Ахеменидского царского двора. В данном обзоре доказывается, что численность евнухов при дворе могла быть сравнительно небольшой, и потому следует избегать ее преувеличения. Природа их обязанностей (главным образом, внутренних) также указывает в пользу их ограниченной численности. Автор отрицает, что евнухи специально приобретались для секса, придерживаясь существовавшего уже в древности мнения, что они могли стать верными и надежными слугами. Кроме всего прочего, утверждается, что явление евнухизма было одним из путей, посредством которого поддерживалось персидское превосходство над подчиненными народами. Предпринимается попытка определить их точное положение при дворе и демонстрируется, что они могли получать власть прямым влиянием или иногда благодаря высокой должности. Наконец, говорится и о возможности того, что евнухами при дворе две могли быть названы группы лиц. Одна группа могла включать в себя *castrati*, другая – всех мужчин, которые использовали термин «евнух» как дворцовый титул. Предполагается, что наши классические источники знали только о первой группе, и что мы должны обратиться к поискам второй.

A.P. Keaveney

University of Kent, Canterbury, UK

OUTSIDERS AS INSIDERS: EUNUCHS AT THE ACHAEMENID COURT

This paper first of all examines the sources of supply for eunuchs for the Achaemenid court. From this survey it is argued that numbers of eunuchs at court may have been comparatively small and that exaggeration must be avoided. The nature of their duties, chiefly domestic, also point towards numbers being limited. It is denied that eunuchs were specifically acquired for sex but the ancient notion that they could make loyal and faithful servants is defended. Over and above this, however, it is maintained that the state of eunuchism is one of the ways in which Persian superiority over their subject peoples was maintained. An attempt is made to delineate their exact standing at court and it is demonstrated that they could acquire power of direct influence or, occasionally, high office. Finally something is said about the possibility that two sets of individuals may have been labelled 'eunuch' at court. One group was made up of *castrati*, the other of whole males who used the term 'eunuch' as a court title. It is suggested our classical sources know only of the first and that we must look elsewhere for the second.

A. Nagel

Смитсонский институт, Вашингтон, США

**ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИХРОМИИ
АХЕМЕНИДСКОЙ ДВОРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПЕРСЕПОЛЯ
И КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ**

Последние десятилетия продемонстрировали увеличивающийся интерес к исследованию раскраски, пигментов и полихромии в древнем мире. Рассматривая тенденции в наблюдениях первых современных путешественников в XIX веке в Персеполь и более недавние исследования, можно наблюдать общий подъем интереса к сохранению раскрашенных материалов на каменных монументах Ахеменидской Персии. Сегодня полихромия Ахеменидской персидской скульптуры должна изучаться не в изоляции, но в качестве части исследований в области полихромии в древнем мире.

Этот доклад, прежде всего, посвящен выводам и предварительным результатам недавних совместных исследований в области полихромии Ахеменидского Персеполя между 520 и 330 гг. до н.э., начатых в 2006 г. Обратившись к материальным свидетельствам, доступным на месте Персеполя, и связывая недавние открытия со свидетельствами из Суз, Вавилона, Ионии и Греции, мы, таким образом, определим общие типы и связь производства и релевантность пигментов, раскрашенного материала и металлических атрибутов по отношению к архитектурной скульптуре в те или иных столицах древнего Ирана и классического мира. Цель этого доклада состоит также в том, чтобы рассмотреть современное развитие исследований в области полихромии, критически переосмыслить доступные источники, определить различия и общие черты. Находили ли отклик у исследователей, работавших на Среднем Востоке первоначальные споры в отношении необходимости реставрации или консервации полихромии, которые имели место в Западной и Южной Европе? Исследуя общие тенденции, можно наблюдать интересные примеры схожих черт и различий.

A. Nagel

Smithsonian Institution, Washington DC, USA

**COMMON GROUND – DOCUMENTING THE POLYCHROMY
OF ACHAEMENID PERSEPOLIS PALACE ARCHITECTURE
AND CLASSICAL GREECE**

Recent decades have witnessed increasing research into the role of paint, pigments and polychromy in the ancient world. Examining general trends in observations by early modern travelers in the XIX-th century to Persepolis and more recent research, one can observe a general raise in interest of concern for the preservation of the colouring materials on the stone monuments of Achaemenid Persia. Today, the

polychromy of Achaemenid Persian sculpture should not be studied in isolation, but rather as one part of a network of polychromy studies focusing on the ancient world.

This paper will first introduce the background and the preliminary results of collaborative recent investigations in the polychromy of Achaemenid Persepolis between c. 520 and 330 BCE, began in 2006. By focusing on the material evidence available for the site of Persepolis, and linking recent discoveries to the evidence available from Susa, Babylon, Ionia, and Greece we will then identify common patterns and link the production and relevance of pigments and coloured materials and metal applications onto architectural sculpture in selected capitals of ancient Iran and the Classical world. One goal of this paper is to examine the modern development of polychromy studies, to critically re-assess the sources available, to identify differences and commonalities. Were the early debates on restoration vs. conservation of polychromy that took place in Western and Southern Europe mirrored by scholars working on sites in the Middle East? Examining the general trends, one can observe an interesting pattern of similarities and differences.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ИРАНА/ ALEXANDER THE GREAT IN IRANIAN HISTORY AND CULTURE

П. Бриан
Коллеж де Франс, Париж

ОТ ДАРИЯ К АЛЕКСАНДРУ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИЗМЕНЕНИИ

В этом выступлении я хотел бы предложить некоторые размышления по поводу продолжающейся дискуссии о результатах и последствиях македонского завоевания Востока, особенно на экономическом уровне. С целью избежать столь значительных обобщений, я решил представить кейс-стади и вывести методологические и исторические трудности, которые возникают при попытках отделить друг от друга, но также скомбинировать элементы изменения и элементы преемственности, в особенности при непосредственном начале македонского завоевания. Будут представлены, прокомментированы и обсуждены классические тексты (Арриан, Страбон), относящиеся к разрушению *katarraktai*, построенных персами через Тигр, вероятно, для препятствования какому-либо чужеземному флоту приплывать из залива и опустошать владения Великого царя.

P. Briant
Collège de France, Paris

FROM DARIUS TO ALEXANDER: SOME THOUGHTS ABOUT CONTINUITY AND CHANGE

In this lecture one would like to propose some reflections on a long-lasting discussion about the results and consequences of the Macedonian conquest of the East, particularly at the economic level. In order to avoid too large generalisations, one has chosen to present a case-study, and to bring out the methodological and historical difficulties that one meets, as soon as one tries to isolate but also to combine elements of change and elements of continuity, more particularly in the immediate wake of the Macedonian conquest. One will present, comment on and discuss the classical texts (Arrian, Strabo) relating to the destruction of the *katarraktai* built by the Persians across the Tigris allegedly for preventing any foreign navy to sail up from the Gulf and to destroy the Great King's possessions

М.Я. Ольбрыхт
Университет Жешува, Польша

ИРАНЦЫ В АРМИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

В этом исследовании уделяется особое внимание увеличению численности военных сил Александра в 331–323 гг. до н.э. и роли, которую играл в этом иранский элемент, так же как иранскому влиянию на военное дело македонского завоевателя. Монархия Александра – как и государства его преемников – была военной по своей природе. Состав и роль армии поэтому отражали сущность империи. Одно из указаний на это – быстрое продвижение иранцев, которые после 330 г. до н.э. все более активно стали набираться в царские войска.

Военное превосходство, основанное на вооруженных силах, считалось исключительно важным в процессе создания империи Александра. Рост иранского фактора в том, что касается военных качеств и численности в армии Александра, происходил параллельно с процессом утраты македонянами исключительно ведущего положения в царских вооруженных силах.

Александр высоко оценивал качества и навыки отрядов иранской кавалерии (его тактика находилась под влиянием тактики Спитамена), которые великолепно проявили себя в суровых военных условиях в Западной и Центральной Азии и Индии (конные метатели дротиков и конные лучники). Значительные отряды из местных всадников появились в армии Александра в Центральной Азии. В то же время конница «друзей» была увеличена в численности за счет допуска многих иранцев в ее ряды. Все более и более широко Александр использовал тактику взаимодействия различных родов войск с возрастающим участием отрядов, набранных из иранцев.

В Индийской кампании (327–325 гг. до н.э.) иранцы составляли значительно преобладающий элемент в армии Александра. Реформы последних лет жизни Александра (324–323 гг. до н.э.) ознаменовались использованием иранской фаланги (*epigonoí*) взамен македонской, и набором других подразделений иранской пехоты и кавалерии в армию царя. Зимой 325/324 г. до н.э. Александр приказал распустить контингенты греческих наемников, набранные сатрапами и стратегами в провинциях. Греческие наемники практически исчезли из армии царя, будучи замененными иранцами и вспомогательными контингентами, набранными в Малой Азии. Завершающей стадией этого процесса были реформы в Опесе и Вавилоне, выразившиеся в создании новой армии, которая должна была завоевать Аравию. Не удивительно, что иранцы заимствовали некоторые элементы из македонского военного дела, включая использование длинных копий кавалерией. В современных исследованиях проиранская политика Александра часто рассматривается как просто «прагматическая». Тем не менее, заявления о чистом прагматизме не объясняют многие фундаментальные и далеко идущие действия Александра – такие, как создание иранской фаланги с целью

замены существующей македонской. Полное преобладание иранцев в армии Александра в 324–323 гг. также выходит за рамки простой необходимости.

M.J. Olbrycht
Rzeszow University, Poland

IRANIANS IN THE ARMY OF ALEXANDER THE GREAT

In this study, special attention is paid to the growth of Alexander's military forces in 331–323 B.C. and the role played in it by the Iranian element, as well as Iranian influences on the Macedonian conqueror's warfare. Alexander's monarchy – like his successors' states – was military in nature. The composition and role of the army, therefore, reflected the empire's nature. One indication of this is the rapid promotion of Iranians who, after 330 B.C., were increasingly recruited to the king's forces.

The military supremacy, based on armed forces, accounted for the pivot in the process of constructing Alexander's empire. The increase of the Iranian factor in terms of fighting capabilities and numerical strength in the army of Alexander was paralleled by the process of the precipitation of Macedonians from the exclusively leading position in the royal armed forces.

Alexander appreciated qualities and skills of Iranian cavalry formations (his tactics being influenced by those of Spitamenes) which splendidly proved themselves in the harsh war conditions in Western and Central Asia and India (mounted javelinmen and mounted archers). Sizable detachments of the native horsemen appeared in Alexander's army in Central Asia. At the same time the Companion cavalry was augmented by the admission of many Iranians into its ranks. More and more Alexander employed tactics of joining different kinds of arms with the growing contribution of formations recruited from Iranians.

In the Indian campaign (327–325 B.C.), the Iranians constituted a numerically prevailing element in Alexander's army. The reforms of Alexander's last years (324–323 BC) embraced the use of the Iranian phalanx (*epigonoï*) instead of Macedonians and the enrollment of other Iranian infantry and the cavalry formations in the king's army. In winter 325/324 Alexander ordered to dismiss contingents of Greek mercenaries enlisted by satraps and strategs in the provinces. The Greek mercenaries practically disappeared from the field army of the king, being replaced by Iranians and auxiliary contingents recruited in Asia Minor. The final stage of this process were the reforms at Opis and Babylon, resulting in the creation of a new army which was to conquer Arabia. It is not surprising that the Iranians took over certain elements from the Macedonian warfare, including the use of long lances by cavalry.

*Александр Великий в истории и культуре Ирана /
Alexander the Great in Iranian History and Culture*

In contemporary research, Alexander's pro-Iranian policies are often viewed as merely "pragmatic." Nonetheless, claims for narrow pragmatism fall short of explaining many of Alexander's fundamental and far-reaching moves such as the creation of an Iranian phalanx to replace the existing Macedonian force. The complete dominance of Iranians in Alexander's army in 324–323 B.C. is another move overstepping the boundaries of simple necessity.

*Александр Великий в истории и культуре Ирана /
Alexander the Great in Iranian History and Culture*

К. Навотка

Университет Вроцлава, Польша

ПЕРСИЯ, АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И ЦАРСТВО АЗИИ

Историчность провозглашения Александром Великим на поле битвы при Гавгамелах царем Азии, о чем сообщает Плутарх, не должна вызывать сомнения. Достаточно многочисленные свидетельства говорят об использовании этого титула Александром по крайней мере с конца 333 г. до н.э. Подавляющее количество свидетельств источников V–IV столетий до н.э. демонстрируют, что для греков (и македонян) века Александра Великого титул «Царь Азии» означал «Царь Персидской империи». Этот титул не соотносился с каким-либо известным титулом, использовавшимся персидским царем, и отражает греческое представление о восточных соседях. То обстоятельство, что Александр выбрал именно его, было связано с военной пропагандой Александра как лидера Коринфской Лиги в войне возмездия против Персидской империи.

K. Nawotka

University of Wrocław, Poland

PERSIA, ALEXANDER THE GREAT AND KINGDOM OF ASIA

Historicity of the proclamation of Alexander the Great on the battlefield of Gaugamela as the King of Asia related by Plutarch should not be put in doubt. Quite numerous evidence speak to the usage of this title by Alexander since at least the end of 333 BC. The overwhelming evidence of fifth and fourth cent. BC sources demonstrates that for the Greeks (and Macedonians) of the age of Alexander the title King of Asia meant “the King of the Persian Empire”. This title was not related to any known title in use by the Persian King and reflected the Greek way of thinking about their eastern neighbours. Its selection by Alexander may have belonged to the realm of the war propaganda of Alexander as the leader of the League of Corinth waging a war of revenge on the Persian Empire.

Ю.В. Корнилов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**ЦАРСКАЯ ТИТУЛАТУРА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО
И ТРАДИЦИИ АХЕМЕНИДОВ**

Цель данного доклада состоит в выяснении значения и смысла царской титулатуры Александра Великого в сравнении с Ахеменидской традицией ее употребления.

Разброс мнений, касающийся интерпретации и сущности царской титулатуры Александра Великого, побуждает нас вновь обратиться к этому вопросу.

Основное положение доклада заключается в том, что Александр обладал всей полнотой традиционной царской власти, характерной для деспотических монархий Востока, и воспринимался местным населением как новый царь, преемник предшествовавшей династии. Поэтому Александр и унаследовал некоторые элементы титулатуры Ахеменидов – такие, например, как «Великий Царь», «Царь Царей» и «Царь многих стран», что обеспечивало ему идеологическую преемственность с Ахеменидами.

В связи с этим возникает вопрос о том, что нового принес Александр в традиционный набор царских титулов. Как известно Александр был провозглашен «Царем Азии», «Владыкой всей Азии». По сути это была альтернатива персидскому титулу «Царь Персии». Но титул «Царь Азии» подразумевал более высокий статус его владельца, так как границы Азии, в отличие от Персидских границ, являлись расплывчатыми и неопределенными. Из этого следует, что Александр приобретал законное право на остальные земли, которые еще не были им покорены.

Yu. V. Kornilov

Kazan (Volga Region) Federal University

**THE ROYAL TITULATURE OF ALEXANDER THE GREAT
AND THE TRADITION OF THE ACHAEMENIDS**

The purpose of this paper is to clarify the significance and meaning of the royal titles of Alexander the Great in comparison with the Achaemenid tradition of its use.

Range of opinions concerning the interpretation and the nature of the royal Alexander the Great titles induces us to revisit this problem.

The main proposition of the report is that Alexander possessed the fullness of the traditional royal power the typical for the despotic monarchies of the East, and he was perceived by local people as the new king, the successor of the previous dynasty. Therefore, Alexander inherited some elements of Achaemenids' titles, such as "Great King", "King of Kings" and "King of the Countries", that provided the ideological

*Александр Великий в истории и культуре Ирана /
Alexander the Great in Iranian History and Culture*

continuity to Alexander the Great's power from Achaemenids. In this connection the problem arises: what new Alexander brought in traditional set of royal titles? As we know, Alexander was proclaimed "King of Asia", "Lord of all Asia". In fact it was an alternative for the Persian title "King of Persia". But the title "King of Asia" meant a higher status of his owner, because the boundaries of Asia, in contrast to the Persian border, were uncertain. It appears from this that Alexander gained the legal right to the other lands, which have not yet been conquered by him.

А.В. Михайлов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского –
Христиан Альбрехт Университет, Киль, Германия

**ИСКЕНДЕР, ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ПОЭМЕ ФИРДОУСИ «ШАХНАМЕ»**

Граница миров в «Романе об Александре» не статична, а напрямую определяется в каждом конкретном случае хронотопом главного героя (термин М.М. Бахтина). Иранские версии представляют собой отдельную уникальную группу различных редакций и переработок Романа, тесно связанных с иранской культурой и исторической традицией. В данном докладе идет речь, прежде всего, об исламской традиции, представленной мусульманскими поэтами и историографами, в первую очередь, поэтом Фирдоуси и его знаменитой «Шахнаме». Этот труд аккумулирует в себе мифологическую традицию Древнего Ирана, фольклорные и сказочные мотивы, передававшиеся издревле из уст в уста. При обращении к истории похода Искендера речь идет в том числе о границах, которые герою предстоит перейти. Границы в истории об Искендере по своему смысловому содержанию можно разделить на государственные, географические, физические вообще и иные, привязанные к стихиям, предметам и качествам. При этом один и тот же тип и образ может воплощаться одновременно в разных смысловых содержаниях. Граница государства, например, может выступать в географическом и в метафизическом планах. Или же она может быть исключительно моральной. Границей могут выступать различные предметы и поступки, в которых обнаруживается свой скрытый смысл (убийство дракона). У Фирдоуси мы видим особый хронотоп Искендера, отличающийся, например, от изначального древнегреческого. Время и пространство подчиняются ему, как они подчинялись Дара. Но все эти внешние границы, которые герой преодолевает или познает, есть ничто по сравнению с духовной гранью. И самой главной границей для Искендера становится смерть. Границы у Искендера не только внешние, но и внутренние. Несмотря на первоначально кажущуюся статичность его образа в поэме, герой постоянно вынужден расширять свои внутренние пределы знания с помощью мудрости, ума, добра и преданности высшим силам. Как и изначальная версия Романа, жизнь Искендера в переложении Фирдоуси наполнена привнесением из Романа Псевдо-Каллисфена фатализмом, но этот фатализм постигается самим героем и как будто проходит через него.

A.V. Mikhaylov

N.G. Chernyshevsky Saratov State University –
Christian Albrecht University of Kiel, Germany

SEKANDAR, BORDERS AND BORDERLANDS IN FERDOWSI’S “SHAHNAMEH”

The borders between the two worlds in the *Alexander Romance* are not fixed but the *chronotope* of the main character (the term invented by M.M. Bakhtin) determines them directly in every version. The Iranian recensions make a group of the renditions and interpretations connected closely with the historical tradition and culture of Iran. This report deals with the image represented by the Muslim authors and by Ferdowsi’s famous poem *Shahnameh* in particular. Ferdowsi’s work accumulates the Iranian mythology, folklore and fabulous legends which were passed by word or mouth from generation to generation. Referring to the history of Sekandar’s trip, Ferdowsi mentions the borders which the king was going to pass and the borderlands lying beside them. According to its meaning content the borders in Sekandar’s story could be divided into state, geographic, physical in general and others attached to the elements, objects and qualities. Moreover the same type and image is able to be embodied in different meanings. For example a state border can express both geographical and metaphysical aspects. In another case a border can carry just a moral purport. Different objects and actions play the role of the borders (killing a dragon). In Ferdowsi there is a special *chronotope* of Sekandar as a part of the great *Alexander Romance* different from the original Greek one. Time and space subordinate to him as they did under Dara. But Sekandar has a different fate. All these borders which he passes or learns mean nothing in comparison with a spiritual borderline. Death becomes the main border for Sekandar. He faces not only external but also internal limits. In spite of the seeming stability of Sekandar’s image in the poem the king has to broaden his bounds of knowledge with the help of wisdom, mind, goodness and adherence to the God. As the original work of the *Romance* by Pseudo-Callisthenes, Sekandar’s life by Ferdowsi is full of fatalism but this fatalism is perceived by the hero himself as if it goes through him.

М.Я. Фердоуси

Казанский (Приволжский) федеральный университет - Тегеран

ПРОКЛЯТИЕ ИЛИ НЕ-ПРОКЛЯТИЕ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Александр в религиозных преданиях. В древних религиозных текстах Александр упоминается как «Годжастэ» – «Проклятый»; по всем сохранившимся книгам, написанным на языке пехлеви, Александр известен как скверный разрушитель. В древней зороастрийской книге «Ардавираф-намэ» («Книга Ардавирафа»; зороастрийский жрец Ардавираф жил в начале эпохи Сасанидов, но составление конечной версии текста относят к IX в.) приведено полнейшее изложение похода Александра в Иран и последствия его опустошений. Согласно разъяснениям в другой зороастрийской книге «Бондахеш» («Книга о мироздании», сочинение которой относят к концу правления Сасанидов, но составителем ее конечной версии является Фарнбаг Дадеги, живший в IX в.) Александр четырнадцать лет властвовал над Ираном («Фарнбаг Дадеги», 1385: с. 156) и ничего не принес, кроме развращенности и разорения. Безусловно, его главным вкладом было установление феодальной системы власти.

Насилие и гнет, которые Александр применял по отношению к приверженцам зороастризма, стали причиной того, что его поставили в один ряд с арабским царем-узурпатором Заххаком из поэмы «Шах-намэ». Примерно в таком же обличье Александр предстает в зороастрийской книге «Динкарт» («Книга деяний веры»), «Кар-намэ-йэ Ардашир-э Бабакан» («Летопись Ардашира Бабакана») и «Намэ-йэ шахрэстанха-йэ Иран» («Книга шахрестанов Ирана»), сочинение которых относят к концу правления Сасанидов, но составление конечных версий - к IX в.

Александр в иранской мифологической литературе и возникновение «Эскандар-намэ» («Книги об Александре»). В этих поэтических произведениях Александр, возможно, представлен в немного лучшем свете. Иранская культура, в памяти которой запечатлены печальные и тяжелые воспоминания о походе Александра, стремится приблизить Александра «Проклятого» к иранскому народу, чтобы стереть клеймо позора поражения от чужака-юнца с лица истории иранской цивилизации. Для этой цели в иранской мифологической литературе родство Александра начинает возводиться к шахам мифологической Кейянидской династии, которую постепенно начали отождествлять с Ахеменидами. Гибель Ахеменидской империи от рук Александра стала рассматриваться как якобы переход власти внутри иранских династий, и Александра стали описывать как последнего царя династии Кейянидов.

Удивительно, что оказание иранцами такой чести захватчику достигает того, что Александра начинают отождествлять с Зу-л-Карнайном из Корана и, вслед за Хакимом Низами Гянджеви (XII-XIII в.), представляют его в обличье

¹Перевод с персидского на русский Бадартиновой Р.А.

пророкоподобного. Гянджеви возводит родословную Александра к Ибрахиму Халил-Аллаху, основателю ханифизма. Учитывая, что во всех этих произведениях Александр являлся поклонником многобожия и считал себя потомком бога Юпитера, а египетские жрецы культа бога Амона дали ему прозвище «Сын Бога Амона», Хаким Низами Гянджеви пишет, что якобы Александр еще до рождения Христа был приверженцем христианства.

Забавно, что эти противоположные точки зрения также нашли отражение в книгах об истории Ирана после принятия ислама и передавались через иранских летописцев. В прозаической литературе были созданы жизнеописания Александра - «Эскандар-намэ», и большая часть поэтической литературы также была посвящена Александру. Важнейшими «Эскандар-намэ» являются:

- *«Эскандар-намэ» в «Шах-намэ» Фердоуси (X-XI в.)*

Стихотворения, которые дошли в этой части из «Шах-намэ» - первое поэтическое «Эскандар-намэ» в персидской литературе, составляющее около 1925 бейтов. В этих бейтах Александр представлен как человек праведный и религиозный. Местами он предстает поклонником единобожия и приверженцем христианства.

Фердоуси старается быть объективным при передаче сведений относительно истинного облика Александра и в других частях «Шах-намэ» указывает на него как недоверчивого, коварного и злого. В письме шаха Хосрова Парвиза римскому императору Александр сравнивается с Сальмом (сыном мифологического царя Феридуна, разделившего мир между своими тремя сыновьями), который убил своего брата и развязал войну в мире.

Эти различия в описании Александра наблюдаются в большом количестве, и некоторые верят, что Фердоуси при сочинении части «Шах-намэ» про Александра не пользовался пехлевийскими текстами и книгами серии «Ходайнамак» («Книга владык»). «Фердоуси позаимствовал историю Александра из особого источника, а конечные сведения из другого источника, который имел многочисленные расхождения с первым; так как привычкой этого великого человека было соблюдение порядочности при передаче сути вопроса, он никоим образом не внес изменений во взятые сведения из этих обоих источников и вынужден был привести их в первоначальном виде» (Сафа, 1363: с.199).

- *«Эскандар-намэ», Низами Гянджеви*

Пятым маснави (стихотворения, рифмованные по полустихиям) из «Хамсэ» (пятерица – пять поэм, объединенных в одно целое), или «Пандж Гандж» («Пять сокровищ») Хакима Низами, является «Эскандар-намэ», состоящая из двух частей – «Шараф-намэ» («Книга славы») и «Экбал-намэ» («Книга судьбы») или «Хэрад-намэ» («Книга мудрости»).

Александр, сын Филиппа II, побеждает в битве с Дарием III и после его смерти сочетается брачными узами с Роушанак, внучкой Дария III. В «Экбал-намэ» образ царя Александра развивается дальше, и он становится мыслителем и ученым, и даже религиозным наставником.

- *«Аинэ-йэ Эскандари» («Зеркало Александра», XIII-XIV в.), Амир Хосров Дехлави*

Это произведение сложено в традициях той же формы и метре, как и «Эскандар-намэ» у Низами. Однако Дехлави использовал в своем произведении и другие легенды об Александре, которым Низами не уделил столько внимания.

- *«Хэрад-намэ-йэ Эскандари» («Книга мудрости Александра», XV в.), Джами*

Является седьмым маснави из «Хафт оуранг» («Семь тронов»), для написания которого Джами, как и Низами, обращался к легендам об Александре, но при заимствовании сюжета он главное значение придавал нравоучительной стороне этого рассказа.

- *«Садд-э Эскандари» («Стена Александра», XV-XVI вв.), Амир 'Али Ширнаваи - на чагатайском языке.*
- *«Айин-э Эскандари» («Законы Александра», XVI в.), 'Абди-бек Ширази;*
- *«Эскандар-намэ-йэ Сахэбгэран Зо-л-Карнайн» («Книга об Александре Сахэбгеране Зу-л-Карнайне», XIX в.), Манучехр-хан Хаким;*
- *«Эскандар-намэ» или «Зафар-намэ» («Книга о триумфе», XVII в.), Абу 'Али Хасан б. Мараги (Дарвиш Ашраф);*
- *«Эскандар-намэ ма'руф бэ кэссэ-йэ Зо-л-Карнайн» («Книга об Александре, известном по легенде о Зу-л-Карнайне», XVIII в.), Бадр ад-Дин 'Абд ас-Салам Кашири.*

Александр в поисках бессмертия. В легендах об Александре в различных источниках повторяется история поиска им «живой воды» и стремления достичь бессмертности и вечности. Эта история имеет древние корни: герои семитских преданий - Хэзр и Ильяс – искали путь обретения бессмертия. Но, возможно, корень этого вопроса стоит искать в шумерском «Эпосе о Гильгамеше», который считается древнейшим в мире литературным произведением.

В «Шах-намэ» Александр в сопровождении Хэзра отправляется на поиски «живой воды» и достигает «темных» земель. Когда Александр и Хэзр теряют друг друга, Хэзр с помощью кольца, которое дал ему Александр, находит «живую воду». А Александр в поиске дороги достигает мира «света», тем самым отдалившись от верного направления.

Историю о «живой воде» Низами передал в трех версиях – «персидской», «византийской» и «арабской». В «персидской» версии Хэзр добирается до «живой воды», но, когда хочет сообщить об этом Александру, источник становится невидимым. В «византийской» версии Хэзр и Ильяс при помощи соленой рыбы, которая после падения в «живую воду» оживает, догадываются об особенностях «живой воды»; Хэзр испивает из источника, а Александр, соответственно, остается ни с чем – так как до этого они потеряли друг друга, и до источника Хэзр добрался без Александра. В «арабской» версии Хэзр и Ильяс после ис-

пития из источника расстанутся со своими близкими - Ильяс отправляется к морю, а Хэзр уходит в пустыню...Александр возвращается в Византию и в конце умирает.

M.Ya. Ferdowsi

Kazan (Volga Region) Federal University - Tehran

CURSE OR NO-CURSE OF ALEXANDER IN PERSIAN POETRY²

Alexander in the religious traditions. In the ancient religious texts Alexander is mentioned as “Godzhasteh” – “Cursed”. In all the extant books, written in the language of Pahlavi, Alexander is known as the wicked destroyer. The most complete report of Alexander's invasion to Iran and its devastating consequences are listed in the ancient Zoroastrian book *Ardaviraf-nameh* (“Book of Ardaviraf”; the Zoroastrian priest Ardaviraf lived in the beginning of the Sassanid era, but compilation of the final text refers to the IX-th cent.). According to the explanations in another Zoroastrian book *Bondahesh* (“Primal Creation” that was originated in the end of Sassanid rule, but the compiler of the final version was Farnbagh Dadegi, who lived in the IX-th cent.), Alexander ruled over Iran fourteen years (“Farnbagh Dadegi”, 1385: p.156) and brought nothing but corruption and ruin. Of course, his main contribution was the establishment of the feudal system.

Alexander applied violence and oppression against the followers of the Zoroastrianism, that was the reason that he was placed in one row with the Arab king and the usurper Zahhak from the poem *Shah-nameh*. At the same appearance Alexander was shown in the Zoroastrian book *Dinkart* (“Acts of Religion”), *Kar-nameh-ye Ardashir-e Babakan* (“Records of Ardashir Babakan”) and *Nameh-ye shahrestanha-ye Iran* (“Book of the Shahrestans of Iran”) that originated in the end of Sassanid rule, but making the final versions refers to the IX-th cent.

Alexander in the Iranian mythological literature (the genesis of “Eskandar-nameh” (“Book of Alexander”). Perhaps in these poetic works, Alexander was depicted in more favourable light. Iranian culture still does not forget the sad and painful memories from Alexander’s campaign. Instead they try to bring Alexander the “Cursed” closer to the Iranian people in order to erase the disgrace brand of defeat from a stranger, a young boy, from the face of the Iranian civilization’s history. For this purpose, in the Iranian mythological literature the kinship of Alexander began to be traced to the shahs of the mythological Kiyamid dynasty which gradually became identified with the Achaemenids. The death of the Achaemenid Empire from Alexander became regarded as though it was the transfer of power within Iranian dynasties, and Alexander began to be described as the last king of the Kiyamid dynasty.

It is surprising that such an honor done by Iranians towards the invader reaches the identification of him with Dhu-l-Qarnain from the Koran and, after Hakim Ni-

² Translated from Persian into English by Badartinova R.A.

zami Gandjavi (XII-XIII cent.), the presentation of him as a prophet like. Gandjavi traces the genealogy of Alexander to Ibrahim Khalil Allah, the founder of the hani-fism. In view of the fact that in all these works Alexander was a polytheist and considered himself as a descendant of the god Jupiter and the Egyptian priests of the god Amon gave him the nickname “Son of the God Amon”, Hakim Nizami Gandjavi writes as though Alexander was already an adherent of Christianity before the birth of Christ.

It's diverting that these opposing views are also reflected in the books regarding the history of Iran after adopting Islam and transmitted via the Iranian chroniclers. In the prose literature there were written the biographies of Alexander – *Eskandar-nameh* and much of the poetic literature was also devoted to Alexander. The most important ones are:

- *Eskandar-nameh* in the *Shah-nameh* of Ferdowsi (X-XI cent.)

The poems that reached us in this part of the *Shah-nameh* – the first poetic *Eskandar-nameh* in Persian literature, amounting to about 1925 bayts. In these bayts Alexander was presented as righteous and religious. In some places he appears as a monotheist and adherent of Christianity.

Ferdowsi tried to be objective in the transmission of data about the true appearance of Alexander and in other parts of the *Shah-nameh* pointed at him as distrustful, perfidious and evil. In the letter of Shah Khosrow Parviz to a Roman Emperor Alexander was compared with Salm (the son of the mythological king Feridun, that divided the world between his three sons), who had killed his own brother and started the war in the world.

These differences in the description of Alexander are observed in large numbers, and some believe that Ferdowsi in writing the part of *Shah-nameh* about Alexander did not use the Pahlavi texts and books of the series *Khodai-Namak* (“Book of the Kings”). “Ferdowsi borrowed the story of Alexander from a particular source, and the final information from another one, that had numerous differences from the first source; as a habit of this Great man was the observance of decency by transferring heart of the matter, he by no means did not made changes to the combined data from these two sources and had to bring them in their original form” (Safa, 1363: p.199).

- *Eskandar-nameh* of Nizami Gandjavi

The fifth masnavi (a poem rhymed on hemistich) from the *Khamseh* (five united poems), or *Panj Ganj* (“Five Treasures”) of Hakim Nizami, is *Eskandar-nameh* which consists of two parts – *Sharaf-nameh* (“Book of Honor”) and *Eqbal-nameh* (“Book of Fate”) or *Kherad-nameh* (“Book of Wisdom”).

Alexander, the son of Philip II, won a victory over Darius III in the battle and after his death took the vows with Roushanak, granddaughter of Darius III. In *Eqbal-nameh* the image of the king Alexander develops further and he becomes a thinker and a scholar, and even a religious mentor.

- *Aineh-ye Eskandari* (“Mirror of Alexander”, XIII-XIV cent.) of Amir Khosrow Dehlavi

It was composed in the tradition of the same form and meter as the *Eskandar-nameh* of Nizami. However, there are the stories that Nizami did not pay much attention to.

- *Kherad-nameh-ye Eskandari* (“Alexander’s Book of Wisdom”, XV-th cent.) of Jami

It is the seventh masnavi of *Haft ourang* (“Seven Thrones”), to write it, Jami as Nizami turned to the legends about Alexander, but borrowing the plot he attached the major importance to the morality of a story.

- *Sadd-e Eskandari* (“The Wall of Alexander”, XV-XVI cent.) of Amir ‘Ali Shirnavai – was written in Chagatai language;

- *Ayin-e Eskandari* (“Regulations of Alexander”, XVI-th cent.) of ‘Abdi-Bek Shirazi;

- *Eskandar-nameh-ye Sahebgharan-e Dhu-l-Qarnain* (“Book of Alexander Sahebgharan Dhu-l-Qarnain”, XIX-th cent.) of Manouchehr-Khan Hakim;

- *Eskandar-nameh* or *Zafar-nameh* (“Book of Triumph”, XVII cent.) of Abu ‘Ali Hasan b. Maragi (Darwish Ashraf);

- *Eskandar-nameh ma‘ruf be kysseh-ye Dhu-l-Qarnain* (“Book of Alexander, Known for the Legend of Dhu-l-Qarnain», XVIII-th cent.) of Badr al-Din ‘Abd al-Salam Kashmiri.

Alexander in search of immortality. In the legends about Alexander the various sources repeated the story of his search of “the water of life” and the desire to achieve the immortality. This story has ancient roots: the heroes of the Semitic traditions – Hezr and Elias – searched for a way of gaining immortality. But perhaps the root of this issue is to look at the Sumerian *Epic of Gilgamesh*, which is considered the oldest in the world of literature.

In the *Shah-nameh* Alexander accompanied by Hezr went to search “the living water” and reached the “dark” lands. When Alexander and Hezr lost each other, Hezr by the use of the ring that Alexander had given him, found “the living water”. And Alexander in search of the road reached the world of “light”, thus distancing from the right direction.

A story about “the living water” Nizami conveyed in three versions – Persian, Byzantine and Arab. In the Persian version Hezr reached “the living water”, but when he wanted to inform Alexander, the source became invisible. In the Byzantine version Hezr and Elias by way of the salted fish, which after the fall to the source came to life, guessed about the features of “the living water”; Hezr had a drink from the source, and Alexander left with nothing – as before they lost each other and Hezr reached the source without him. In the Arab version Hezr and Elias after having a drink from the source parted from their people – Elias went to the sea, and Hezr – to the desert... Alexander returned to Byzantium and in the end died.

ИРАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ/ IRANIAN LEGACY IN THE HELLENISTIC WORLD

А.И. Иванчик

Институт всеобщей истории РАН, Москва –
Центр национальных научных исследований, Бордо, Франция

КЕЛЕНА – АПАМЕЯ ФРИГИЙСКАЯ: ГОРОД И ЦАРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ПЕРСИДСКУЮ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХИ

Доклад построен на результатах разведок Международного проекта исследований в Южной Фригии (руководители А.И. Иванчик, Л. Зуммерер (Мюнхен), А. фон Кинлин (Цюрих), 2008-2011) в Келенах – Апамее Киботос (совр. Динар, провинция Афион, Турция). Келены, расположенные у истоков Меандра, были одним из крупнейших городских центров Фригии и в ряде источников считаются ее столицей. Город также был единственной царской резиденцией Ахеменидов в Анатолии: здесь располагались дворцы Ксеркса и Кира Младшего, а также резиденция сатрапа Фригии. Царский дворец располагался здесь и при Селевкидах, когда город получил название Апамея по имени матери Антиоха I Апамы. Очевидно, в этом дворце был заключен в 188 г. до н.э. Апамейский договор с Римом, по которому Селевкиды отказались от своих владений в Малой Азии.

Несмотря на значение города, его систематическое археологическое обследование до сих пор не проводилось и в рамках проекта начато впервые. Разведки проводились как с применением традиционных методик, так и геофизических методов. В ходе разведок удалось установить место расположения акрополя Келен и эллинистической Апамеи, дворцов Ксеркса и Кира Младшего, агоры ахеменидской, а также эллинистической и римской эпох. Сделанные в ходе разведок находки (керамика, монеты, наконечники стрел) позволяют сделать ряд выводов о культурной истории города в доахеменидскую, ахеменидскую и эллинистическую эпохи.

Особый интерес представляют результаты эпиграфической разведки, в результате которого было выявлено, зафиксировано и обследовано ок. 100 надписей, из них ок. 70 неопубликованных. Это почти вдвое увеличило число известных надписей Апамеи. Особый интерес представляет лидийская лапидарная надпись конца VI – начала V в. до н.э. Следует отметить, что лидийских надписей известно немногим больше сотни, причем до сих пор за пределами Лидии была обнаружена лишь одна лапидарная лидийская надпись, найденная в Афродисиаде. Эта находка подтверждает косвенные данные других источников о значительном влиянии Лидии в Келенах архаической эпохи. К числу важных находок принадлежит и почетная надпись эллинистической эпохи.

A.I. Ivantchik

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow –
Centre national de la recherche scientifique, Bordeaux, France

**KELAINAI – APAMEA IN PHRYGIA: CITY AND ROYAL RESIDENCE
IN THE ACHAEMENID AND HELLENISTIC PERIODS**

The paper is based on the results of the surveys of the International project of researches in Kelainai – Apamea Kibotos (modern Dinar, province Afyon, Turkey) directed by A. Ivantchik (Moscow/Bordeaux), A. von Kienlin (Zurich) and L. Summerer (Munich) (2008-2011). Kelainai located near the source of Meander was the most important city of Phrygia and is considered by several sources as its capital. The city was also the unique residence of the Achaemenid kings in Anatolia: the palaces of Xerxes and Cyrus the Younger were located here, as well as the residence of the Phrygian satrap. A royal palace existed in the city also during the Seleucid rule, when the city got the new name of Apamea in honour of the mother of Antiochos I. The peace treaty with Rome known as Apamea treaty was concluded in this palace in 188 B.C.

Despite the historical importance of the city, it was never researched systematically from the archaeological point of view; this research is started in the frame of our project. The survey was conducted on the base of traditional methods and the use of remote sensing and geophysical surveys. We could establish the localisation of the acropolis of Kelainai and of the Hellenistic Apamea, of the palaces of Xerxes and Cyrus the Younger, of the agora of Achaemenid as well as Hellenistic and Roman periods. The finds (pottery, coins, arrowheads) allow us to make conclusions about the history of the city during the pre-Achaemenid, Achaemenid and Hellenistic periods.

The results of the epigraphic survey represent are particularly interesting. We discovered and researched ca 100 inscriptions including 70 unpublished. It doubled the number of known inscriptions from Apamea. The most interesting find is the Lydian stone inscription of the end of the VI-th – beginning of the V-th cent. B.C. Lydian stone inscriptions are very rare and our inscription is only the second one found outside of Lydia (the first one was found in Aphrodisias). This find confirms the data of other sources concerning important influence of Lydia in Kelainai of the Archaic period. Other important epigraphic find is a honorary inscription of the Hellenistic period.

О.Л. Габелко

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**СЕПАРАТИЗМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
АХЕМЕНИДСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ**

Малая Азия на протяжении большей части периода древности была регионом, отличавшимся чрезвычайной дробностью природно-географических, этнических и политических структур. Это создавало предпосылки для формирования центробежных сил, препятствующих установлению стабильного политического контроля со стороны крупных держав, которые претендовали на достижение господства над всем полуостровом или его отдельными частями. Представляется перспективной задача выявления природы и специфики этих процессов, их эволюции, а также тех исторических результатов, к которым привело их действие на протяжении VI-III вв. до н.э.

В эпоху персидского владычества на территории Анатолии имели место случаи проявления сепаратизма со стороны сатрапов, стремившихся отложиться от Великого царя («Великое восстание сатрапов» в 360-х гг. до н.э.), греческих полисов (города Ионии, Гераклея Понтийская, Синопа), местных этнополитических объединений (Вифиния, Пафлагония, Мизия, Кария, Ликия, Писидия и др.). При этом следует отметить, что мятежные сатрапы, как правило, не стремились к созданию независимых государств (за частичным исключением, быть может, Мавсола в Карию); анатолийские народы, обитавшие в удаленных и труднодоступных районах полуострова, еще «не доросли» до создания собственной государственности; греческие полисы, даже практически независимые от персов, неизменно учитывали в своей политике позицию Великого царя (как об этом свидетельствует, к примеру, текст договора между Синопой и Гераклеей Понтийской). В свою очередь, ахеменидские монархи и их сатрапы обычно не шли на грубое вмешательство в жизнь покоренных малоазийских народов, ограничиваясь сбором дани и сохранением политической лояльности с их стороны, а также поддерживали определенные контакты с их политической элитой.

Ситуация кардинально изменилась с началом похода Александра Македонского и войн диадохов. Последние стремились достичь полного подчинения малоазийских народов, что, однако, встретило их ожесточенное сопротивление, приведшее к образованию независимых государств, возглавляемых местными правителями – Вифинии, Каппадокии, Понта (причем последние два в значительной мере ориентировались на ахеменидское политическое наследие). Они оказались гораздо более устойчивыми, чем эфемерные образования, созданные в Малой Азии македонскими династиями. В новых исторических условиях прежний сепаратизм этнополитических объединений Малой Азии, представляющий собой «ответ» на македонский империализм, не препятствовал избира-

тельному усвоению анатолийской знатью элементов македонской государственности и греческой культуры.

В период раннего эллинизма контроля над Малой Азией добивались Селевкиды, но как новые государственные объединения, так и некоторые греческие полисы (Гераклея Понтийская) оказались достаточно сильными для того, чтобы сохранить независимость. Впоследствии проявления сепаратизма зафиксированы в Вифинии в 270-х и 250-х гг. до н.э. и малоазийских владениях Селевкидов (узурпация Ахея в 223-215/214 гг. до н.э.), но они уже были порождены внутридинастическими распрями и не имели прямой связи с доэллинистическими политическими традициями.

O.L. Gabelko

Kazan (Volga Region) Federal University

SEPARATISM AS A FACTOR OF POLITICAL DEVELOPMENT OF ACHAEMENID AND HELLENISTIC ASIA MINOR

Asia Minor during the large part of the period of antiquity was a region marked with an extraordinary variety of natural-geographic, ethnic and political structures. This circumstance created the pre-conditions for the formation of the centrifugal forces that prevented to the establishment of permanent political control for the large powers which were having pretensions to reach the supremacy over all territory of the peninsula or its parts. It seems to be perspective to elucidate the nature and specifics of these processes, their evolution and the results of their influences during VI-III cent. B.C.

In the epoch of the Persian domination there were the cases of separatism from the side of the satraps who aspired to depart from the Great King ("The Great Satraps' Revolt" of the 360-th B.C.), the Greek *poleis* (Ionian cities, Heraclea Pontica, Sinope), local ethno-political units (in Bithynia, Paphlagonia, Mysia, Caria, Lycia, Pisidia and so on). Meanwhile, the rebellious satraps, as a rule, had no plans to create the independent states (for the possible partial exception in the case with Mausolus in Caria), and the Anatolian peoples inhabited the remote and difficult to access areas of the peninsula at that time did not "grow as high" as to build own political system as well. The Greek communities, even practically independent from the Persians, were constantly bearing in mind the Great King's position (as, for example, the treaty between Sinope and Heraclea Pontica testifies). On another hand, the Achaemenids and their satraps usually avoided from the rough intervention into the life of their Anatolian subjects and were restricted themselves by the necessity to secure the collecting of the taxes and keeping the political loyalty in the region; there were also the cases of the contacts of the Persian authorities with local political elites.

The situation has changed cardinally in the course of Alexander the Great's campaign and the wars of the Successors. The Diadochs were eager to subdue the

*Иранское наследие в эллинистическом мире/
Iranian Legacy in the Hellenistic World*

Anatolians ultimately, but this political course, however, was confronted with the fierce resistance, resulted in the establishment of new independent monarchies headed with the Eastern rulers – Bithynia with local dynasty, Cappadocia and Pontus, which kept the Iranian-Achaemenid legacy. These states became much more stable, than the ephemeral formations of the Macedonian dynasts in Asia Minor. In the new historical conditions the former separatism of Anatolian ethno-political units, appeared as an “answer” to the Macedonian imperialism, did not prevent from the selective perception of the elements of Macedonian state system and Greek culture by the local aristocracy.

During the early-Hellenistic period that were the Seleucids who aimed at the control over Asia Minor, but either new political formations and some of the Greek cities (Heraclea Pontica) appeared strong enough to protect their freedom. Later on the cases of separatism in Bithynia (270-th and 250-th B.C.) and the Anatolian possessions of the Seleucids (the Achaeus’ usurpation in 223-215/214 B.C.) took place, but these events were caused by the internal dynastic strives and had no any direct connection with the pre-Hellenistic political traditions.

О.Ю. Климов

Санкт-Петербургский государственный университет

ИРАНСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

Малая Азия в эпоху эллинизма обладала сложным в этническом отношении населением. Кроме греков и македонян, а также многочисленных местных народов, живших здесь до появления греков, на полуострове проживали и народы иранского происхождения, появившиеся, главным образом, в эпоху Ахеменидов. Иранский этнический элемент был значительно представлен в восточной части Малой Азии. Некоторые государства, сложившиеся там в эпоху эллинизма – Понтийское царство, Каппадокия, Коммагена, – во многом сохранили иранское влияние, а их население в значительной степени составляли представители иранских народов. Царские династии, воцарившиеся в данных государствах, подчеркивали свое иранское происхождение. Цари Коммагены, например, в ряде официальных надписей прокламируют свое происхождение от Дария, сына Гистаспа, и других Ахеменидов (OGIS 384, 385). Среди высших божеств в официальных документах упоминаются Оромасд (Ахурамазда) (OGIS 383, сткк. 42-43), Митра, Артагн и другие. Монументальные святилища Антиоха I в Коммагене (OGIS 403) также убедительно свидетельствуют о сохранении связи с иранской культурой и религией.

В западной части Малой Азии влияние иранской традиции было представлено в меньшей степени. О присутствии здесь представителей иранского населения говорят отдельные немногочисленные исторические свидетельства и географические названия (Мидапедион, Гирканская равнина, Эвмениа на Гиркании и некоторые другие), связанные со временем Ахеменидов, которые осуществляли переселение некоторой части своих воинов в Малую Азию, а также предоставляли земельные владения знатным персам. Источники эпохи эллинизма также упоминают некоторые категории воинов, которые имели, наиболее вероятно, иранское происхождение – это киртии (Liv. XLII. 58), служившие в армии Эвмена II, и кардаки (Clara Rhodos. 1938. Vol. IX. P. 190). Дискуссия по поводу характера деревни кардаков, в которой приняли участие Е.С. Голубцова, И.С. Свенцицкая, Г. Коэн, Хр. Милета, позволяет предполагать, что поселение кардаков возникло еще в эпоху Ахеменидов как военное поселение, но во время Атталидов утратило свой военный характер. Очевидно, в эпоху эллинизма систематических интенсивных контактов западной части Малой Азии с иранским миром не сложилось. В основном они ограничивались сохранением наследия эпохи Ахеменидов и отдельными случаями пополнения армий воинами иранского происхождения.

O.Yu. Klimov
St. Petersburg State University

IRANIAN FACTOR IN THE HISTORY OF HELLENISTIC ASIA MINOR

Asia Minor in Antiquity was a region with a very complicated and heterogeneous population. Not only Greeks and Macedonians as well as many indigenous peoples lived in the region but there were also some Iranian nations as a result of the Achaemenid rule and migration. Iranian ethnic element was significantly represented in the eastern part of Asia Minor. Some states, established there in the Hellenistic era – the kingdoms of Pontus, Cappadocia, Commagene – largely retained the Iranian influence and their population was largely comprised representatives of the Iranian people. Royal dynasty that reigned in these states emphasized their Iranian origins. Commagene kings, for example, in a number of official inscriptions proclaimed their descent from Darius, the son of Hystaspes, and other Achaemenids (OGIS 384; 385). In official documents of Commagene among the highest deities Oromasd (Ahura Mazda) (OGIS 383, ll. 42-43), Mithra, Artagn and others are mentioned. Monumental sanctuary of Antiochus I from Commagene (OGIS 403) was also erected under the strong influence of the Iranian culture and religion.

In the western part of Asia Minor influence of Iranian traditions were represented much less. The presence here of the Iranian population is confirmed by some historical records and geographical names (Midapedion, Hyrcanian plain, Eumenia on Hyrcania and some others). These geographical names appeared because Achaemenids used to relocate some of their warriors in Asia Minor, and also to provide land tenure to the noble Persians. Sources of the Hellenistic period also mention some of the categories of soldiers, who had most probably Iranian origin – is Kirtii (Liv. XLII. 58), who served in the army of Eumenes II, and Cardaks (Clara Rhodos. 1938. Vol. IX. P. 190). The debates over the nature of the Cardaks village, which involved E. Golubtsova, I. Sventsitskaya, G. Cohen, Chr. Mileta and some other researchers, suggests that the Cardaks *kome* emerged in the era of Achaemenids as a military settlement, but during Attalids lost its military character. Obviously, the systematic intensive contacts of the western part of Asia Minor with the Iranian world in the Hellenistic era has not developed. Such contacts were based mostly on the Achaemenid era heritage and on the occasional recruiting of the soldiers of Iranian origin.

Л. Бальестерос Пастор
Университет Севильи, Испания

**НАСЛЕДНИКИ АРТАБАЗА:
САТРАПИЯ ДАСКИЛИЯ В ТРАДИЦИИ ДИНАСТИИ МИТРИДАТИДОВ**

Правители династии Митридатидов претендовали на то, что они происходили от сатрапов Даскилия. Эти цари считали своим предком Артабаза (Sall. *Hist. fr.* II. 85M; Flor. I. 40. 1), сына Фарнака, который получил свои владения от Ксеркса (Thuc. I. 129). Интересы Митридатидских правителей в отношении западного Евксина оправдывались традиционной властью сатрапов Даскилия над этими территориями, рассматриваемыми персами как «страна (при) моря». Отсюда должно было происходить обозначение «Царство Понта», которое применялось к землям некоторых Спартокидских правителей и к северным владениям Митридата Евпатора. Таким образом, мы можем понять источники, которые рассматривали регион как потомственное владение династии Митридатидов (App. *Mithr.* 55, 58, 106, 107, 112, *B.C.* I. 76; Vell. II. 22. 3; Just. XXXVII. 1. 9; Plut. *Sull.* 11. 2). Вдобавок к этому, некоторые царские понтийские монеты содержали аллюзию на легенду о Телефе, сыне Геракла, который был царем Мисии, региона, где были расположены Даскилий и Киос: на монетах Евпатора – и возможно также Фарнака I – должна быть представлена олениха, животное, которое выкормило Телефа. Монеты с Пегасом, также выпущенные Евпатором, могли символизировать правление царя над землей Понта, которая была расположена на Севере (Flor. I. 40. 1) - областью, ассоциируемой астрономами с этим созвездием. Другие версии генеалогии Митридатидов возводят ее к Дарию, Кирю и Ахемену. Это может быть так не только ввиду возможных связей Артабаза с Дарием, но также вследствие того, что сатрап Артабаз женился на Апаме, дочери Артаксеркса II (Xen. *Ages.* III. 3; Plut. *Art.* 27. 4, *Alex.* 21. 1). Напротив, происхождение Евпатора от Александра (Just. XXXVIII. 7. 1) представляет собой искусственную реконструкцию, которая не может быть датирована со всей определенностью в пределах царствования понтийского царя.

L. Ballesteros Pastor
University of Sevilla, Spain

**THE HEIRS OF ARTABAZUS.
THE SATRAPY OF DASCYLIIUM IN THE TRADITION OF THE MITHRIDATID DYNASTY**

The rulers of the Mithridatid dynasty claimed to descend from the satraps of Dascylium. These kings recalled as their ancestor Artabazus (Sall. *Hist. fr.* II. 85M; Flor. I. 40. 1), son of Pharnaces, who would have received that domain from Xerxes (Thuc. I. 129). The interests of the Mithridatid sovereigns over Western Euxinus rep-

resented a vindication of the old rule of the satraps of Dascylium over these territories, considered by the Persians as “The country of (or beyond) the sea”. This would be the origin of the term “Kingdom of Pontus” which had been applied to the land of some Spartocid rulers and to the northern possessions of Mithridates Eupator. Thus, we can understand the sources which regarded this region as the ancestral domain of the Mithridatid dynasty (App. *Mithr.* 55, 58, 106, 107, 112, *B.C.* I. 76; Vell. II. 22. 3; Just. XXXVII. 1. 9; Plut. *Sull.* 11. 2). In addition to this, some royal Pontic coins included an allusion to the legend of Telephus, the son of Heracles who was king of Mysia, the region where Dascylium and Cius were located: on the coins of Eupator – and perhaps those of Pharnaces I – it would have been represented a deer, the animal who nursed Telephus. The coins with Pegasus also issued by Eupator may have alluded to the king’s rule over the land of Pontus, which was placed in the North (Flor. I. 40. 1), the area related by the astronomers with this constellation. Other versions of the Mithridatids’ genealogy traced it back to Darius, Cyrus and Achaemenes. This may be true not only because of the possible links of Artabazus with Darius, but also because the satrap Pharnabazus married Apama, the daughter of Artaxerxes II (Xen. *Ages.* III. 3; Plut. *Art.* 27. 4, *Alex.* 21. 1). On the contrary, Eupator’s descent from Alexander (Just. XXXVIII. 7. 1) may have been an artificial reconstruction which can not be dated with all certainty in the reign of the Pontic king.

Е.А. Молев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПОНТИЙСКОЕ ЦАРСТВО КАК НАСЛЕДНИК АХЕМЕНИДОВ

Цари Понта изначально стремились внушать своим подданным идею законности их власти и происхождение ее от Ахеменидов. Ахеменидские традиции прослеживаются в античной историографии уже с описания факта захвата власти в Понте первым Митридатом. Подобно тому, как Дарий I приходит к власти в Персии при поддержке шести персов, Митридат Ктист также завоевывает свое право на власть над Понтом с помощью шести всадников (App. *Mithr.* 9). В дальнейшем, его государство по мере формирования реанимирует некоторые элементы, присущие государственной системе Ахеменидского Ирана. Наиболее значимы среди них следующие:

Во-первых, это традиции завоевательной политики. Все Митридатиды в большей или меньшей мере расширяли пределы своего государства. Типичным для Ахеменидов было строительство крепостей для управления завоеванными ими территориями. И Митридат Евпатор, как сообщает Страбон (XII. 3. 28), едва подчинив Малую Армению, построил на ее территории 75 крепостей.

Во-вторых, тенденция сохранения иранских традиций понтийскими монархами отчетливо прослеживается и в титулатуре правителей государства. Если первые правители государства именовались просто царями, то самый могущественный из них Митридат VI Евпатор принимает древний иранский титул «царь царей», которым владели на Востоке вплоть до походов Александра Македонского исключительно Ахемениды.

В-третьих, важным элементом Ахеменидского наследия в Понтийском царстве стала монополия царя на чеканку золотых монет, что являлось одной из основных прерогатив персидских царей со времени Дария I.

В-четвертых, регулярное исполнение царями и их наместниками жреческих функций, особенно культа Митры, с именем которого связаны имена большинства членов династии царей Понта, также восходит к Ахеменидской эпохе.

Что же касается приобщения к греческой культуре, то двор понтийских царей принимал и, в определенной степени, уважал греческие обычаи, но сами цари Понта никогда не стремились быть эллинами.

Ye.A. Molev

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

THE PONTIC KINGDOM AS HEIR OF THE ACHAEMENIDS

Kings of Pontus initially sought to inspire his subjects to the idea of the legitimacy of their authority and origin it from Achaemenids. Achaemenid tradition in the

political life of the Pontic kingdom is manifested in ancient historiography to describe the fact of seizure of power in Pontus by the first Mithridates. Just as Darius I came to power in Persia with the support of the six Persians, Mithridates Ktistes won their right to power over Pontus with six riders as well (*Arr. Mithr.* 9). In the future, its state as the formation revives some of the elements inherent in the state system of Achaemenid Iran. The most significant among them are the following:

Firstly, it is the tradition of aggressive policies. All Mitridatides to greater or lesser extent, extended the limits of their state. Typical of the Achaemenids was the construction of forts to control their conquered territories. And Mithridates Eupator, as reported by Strabo (XII. 3. 28), as soon as subdued Armenia Minor, built on its territory 75 fortresses.

Secondly, the trend of preservation of Iranian traditions by the Pontic monarchs is clearly visible in the titulature rulers of the state. If the first monarchs of the state were called simply as the kings, the most powerful of them Mithridates VI Eupator takes the ancient Iranian title “King of kings”, which was used in the East until the campaigns of Alexander of Macedon exclusively Achaemenids.

Thirdly, an important element of the Achaemenid heritage in the realm of Pontus became royal monopoly on minting gold coins, which was one of the main prerogatives of the Persian kings from the time of Darius I.

Fourth, the regular execution of the kings and their governors priestly functions, especially the cult of Mithras, whose name is linked with the names of most members of the dynasty of the kings of Pontus, also goes back to the Achaemenid era.

As for the initiation to the Greek culture, the court of the Pontic kings was taking, and to some extent, respected the Greek customs, but the kings of Pontus never aspired to be the Greeks.

К.Л. Гуленков
Москва

ИРАНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРОПАГАНДЕ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА

На данный момент времени в историографии существуют два диаметрально противоположных взгляда на наличие в пропаганде царя иранского компонента. Согласно версии, наиболее полно раскрытой в работах Б. Макгинга, иранизм в понтийской пропаганде присутствовал; по мнению К. Штробеля и ряда других исследователей – нет. Аргументы обеих сторон основаны на источниках и достаточно хорошо аргументированы. В докладе предлагается третье решение проблемы: в пропаганде были задействованы элементы иранизма, ставшие ко времени Митридата обычной практикой эллинистических монархов. Поэтому изначально являясь иранскими, эти составляющие, по сути, уже таковыми не были.

K.L. Gulenkov
Moscow

IRANIAN ELEMENT IN THE PROPAGANDA OF MITHRIDATES EUPATOR

Now there are two alternative opinions in the historiography relating to the presence of Iranian element in the propaganda of Mithridates VI. According to B. McGing's version, the *Iranism* in the Pontic propaganda was represented; according to K. Strobel and other scholars' opinion, it did not exist. The arguments of both sides are based on the sources and have a good support. The third decision of this problem is proposed in this paper: some elements of *Iranism* were included in the propaganda and they became in the time of Mithridates the common practice among the Hellenistic monarchs. That is why these elements were Iranian by the origins, but they were not same in their nature.

А. Фулиньска

Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша

ГЕЛИОС, МЕН, МИТРА И ЦАРИ

Знаменитая терракотовая голова из Брюсселя, показывающая молодого мужчину с длинными волосами и космическим диском на его голове, была идентифицирована как с богом Гелиосом, так и с царем Александром, даже хотя его иконография и происхождение указывают на возможную связь с Понтийским царством и с его последним правителем Митридатом VI Евпатором. Царь иранского происхождения, но с проэллинистическими симпатиями, он пытался подражать Александру и широко использовал это в своей пропаганде. Александр был македонянином, который надел персидскую одежду, а Митридат был персом, который метафорически и буквально воспринял одеяния Александра, кого он, по-видимому, считал достойным преемником Кира Великого. Несмотря на эллинизацию восточных земель, что могло быть представлено легендой о Митридате, иранское влияние не было утрачено в эллинистическом мире, и оно продолжалось в римское время. Наиболее знаменитый атрибут царского статуса – диадема в виде узкой полоски (наверняка персидского происхождения); она могла быть воспринята Александром в ходе завоевания Ахеменидской империи. Помимо того, в иконографии и символике синкретичных богов (и царей, представленных с их атрибутами), чему они были обязаны изображениям Александра, иранские элементы и идеи могли быть засвидетельствованы.

Доклад посвящен иконографии Понтийского царства и анализирует один аспект эллинистического синкретизма в иконографии: появление греческих, иранских и фригийских элементов в образе солярных божеств, показывающее, каким образом бог Мен, центральная фигура понтийских символических представлений, становится эллинским Аполлоном/Дионисом, обожествленными царями, и фактически иранским Митрой, который столетие спустя после поражения Митридата начнет свое триумфальное шествие через римский мир.

A. Fulińska

Institute of Archaeology, Jagiellonian University, Kraków, Poland

HELIOS, MEN, MITHRAS AND THE KINGS

The famous terracotta head from Brussels, showing a young man with longish hair and a complex cosmic disc on his head, had been identified with both the god Helios and the king Alexander, even though its iconography and provenance point at its possible connection with the Pontic kingdom, and its last ruler, Mithridates VI Eupator. This king, of Iranian descent but of Hellenic sympathies, was in a way the perfect counterpart of Alexander, and he exploited this assumption extensively in his

propaganda. Alexander was a Macedonian who donned the Persian costume, while Mithridates was a Persian who metaphorically and literally took up the mantle of Alexander, whom he apparently viewed as a worthy successor of Cyrus the Great. Despite the hellenization of the eastern lands, which can be epitomized by Mithridates' legend, the Iranian influence was not lost in the Hellenistic world, and it continued into the Roman times. The most prominent attribute of royal status, the fillet-shaped *diadema* is arguably of Persian origin, and may have been adopted by Alexander in the course of his conquest of the Achaemenid empire, but also in the iconography and symbolism of the syncretic gods (and the kings represented with their attributes), otherwise indebted to Alexander's images, Iranian elements and ideas can be detected.

The paper concentrates on the iconography of the Pontic kingdom, and analyzes one aspect of Hellenistic iconographic syncretism: the merging of Greek, Iranian and Phrygian elements in the imagery of solar deities, showing how the god Men, a figure central to Pontic symbolic representations, became one with both the Hellenic Apollo/Dionysos, the deified kings, and eventually the Iranian Mithras, who a century after Mithridates' defeat would begin his triumphal march through the Roman world.

С.Ю. Сапрыкин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ИРАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА

1) Понтийское царство (или Понт) – эллинистическое государство, где тесно переплелись эллинские, иранские и анатолийские черты в экономике, социальном и политическом устройстве, культуре и религии. Иранские традиции появились там в то время, когда Каппадокия стала одной из сатрапий Ахеменидской державы, и в состав ее населения вошли выходцы из Месопотамии, Вавилонии, Мидии и других районов Персидской империи.

2) Правившая в Понте династия Митридатидов – иранская по происхождению – вела родословную от ахеменидских сатрапов Каппадокии, Фригии и Киликии, а ее представители заявляли, что являлись родственниками ахеменидских царей Кира и Дария I. Монетные изображения первых царей Понта (от Митридата II до Митридата V) имеют ярко выраженные варварские иранские черты, специально выделенные монетными резчиками. Изначально это было проявлением династийной политики, призванной показать подданным персидские корни правителей в противовес греко-македонским династам, а позднее стало данью традиции. Со времени Митридата Евпатора эллинский тип портрета царя становится преобладающим.

3) В религии Понта иранские божества с самого начала уступали по популярности греческим и анатолийским богам, за исключением тех областей, которые граничили с Каппадокией, Малой Арменией, Колхидой. Только богиня Анаит (перс. Анахита) оставалась наиболее почитаемой среди различных слоев населения. Иранские божества растворились в среде эллинских и анатолийско-фригийских богов вследствие глубокого синкретизма культов, характерного для религии Понтийского государства. Это было вызвано особенностями политики правителей, стремившихся завоевать симпатии греческого населения. При Митридате Еввергете и Митридате Евпаторе значение греческих божеств резко возрастает, а удельный вес иранских культов падает.

4) В искусстве «иранизм» отчетливо проявлял себя в рельефах и наскальных изображениях, отчасти в стиле так наз. «анонимных монет» с портретами правителей в кирбасии. Однако приблизительно с середины III в. до н.э. и в особенности во II–I вв. до н.э. на передний план выходят традиции эллинистического изобразительного искусства, в основе которого лежали греческие мотивы.

5) Преобладание эллинских черт в культуре и искусстве Понта при сохранении некоторых иранских основ было связано с особенностями политики его царей, которые стремились подчинить эллинские города и сделать греков главной опорой своей власти. В то же время иранские и анатолийские традиции

отвечали запросам местного населения, что не могло не учитываться Митрида-тидами при строительстве их государства.

S.Yu. Saprykin

M.V. Lomonosov Moscow State University

IRANIAN TRADITIONS IN CULTURE AND ART OF THE PONTIC KINGDOM

1) The Kingdom of Pontus (or simply Pontus) – a Hellenistic state where Hellenic, Iranian and Anatolian features in economy, social and political structures, culture and religion were closely weaved all together. Iranian traditions appeared there when Cappadocia was turned into one of the satrapies of the Achaemenid Empire and many outcomers from Mesopotamia, Babylonia, Media and other regions of Persia became part of its population.

2) The ruling Pontic dynasty of Mithridatids – Iranian by origin – led its pedigree from Achaemenid satraps of Cappadocia, Phrygia, Cilicia and its representatives claimed that they were relatives of the great Achaemenid kings Cyrus and Darius I. Coin images of the first Mithridatids (from Mithridates II to Mithridates V) bear clearly pronounced barbaric Iranian features, especially emphasized by the coin makers. Initially it was a kind of dynastic policy to show the subjects the Persian origin of their rulers in order to counterbalance the Hellenic-Macedonian kings. Later it became a real tradition. But since Mithridates Eupator the Hellenic type of royal portrait dominated.

3) In Pontic religion from the point of popularity the Iranian deities from the beginning ceded to the Hellenic and even Anatolian gods and goddesses except the regions which bordered Cappadocia, Lesser Armenia, South Colchis with its semi-Iranian culture and traditions. Only Anaitis (or Persian Anachita) along with her male Persian paredroi Omanes and Anadatos still remained one of the most popular deity among different ethnicities. Iranian deities simply dissolved among the Greek and Anatolian-Phrygian gods because of deep syncretism of cults, characteristic for Pontic religion in whole. It was caused by the peculiarity of policy, conducted by Pontic rulers who were trying to get sympathies of Hellenic inhabitants. Under Mithridates V and Mithridates VI the significance of Hellenic religion greatly rose up while the specific gravity of Iranian cults was strongly diminished.

4) In art “Iranism” is clearly seen in reliefs and rock-cut graves and grave-chambers, partly in what we call as «the anonymous coin-types» with portraits in Iranian *kyrbasia*. Although since the mid III-rd cent. B.C. and mostly in II-I cent. B.C. the traditions of Hellenistic art with basic Greek motives move on the frontline.

5) The predominance of Hellenic features in culture and art of Pontus with a certain keeping of some Iranian traditions was linked with the direct lines of its rulers’ policy who were keen to submit the Greek cities and turn the Greeks into a basic element of their rule. Iranian and Anatolian culture at some point was close to the as-

*Иранское наследие в эллинистическом мире/
Iranian Legacy in the Hellenistic World*

pirations of local inhabitants and this could hardly pass by the interests of Pontic Mithridatids while erecting their realm.

А. Мель

Мартин Лютер Университет, Галле, Германия

ЖИЗНЬ В РЕГИОНЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА АЙ-ХАНУМ

Ввиду того, что греческая заморская колонизация приводила эмигрантов из прибрежных мест на родине на прибрежные места за границей, большинство греков до завоевания Александром Ирана жили, по крайней мере, недалеко от моря и сообщались на кораблях с Грецией и Эгеидой. Напротив, те греки, которые были расселены Александром и его преемниками в Бактрии и Согдиане, жили далеко от их мест происхождения и в условиях, к которым они не были адаптированы и не считали их греческими. Вследствие этого они пытались покинуть этот регион. Тем не менее, греки продолжали жить там. Этот доклад предполагает использование некоторых свидетельств из раскопанного города Ай-Ханум и его окрестностей, которые были предметом некоторых обзоров, чтобы обратиться к вопросу, почему греки жили там и какую роль играли контакты между иммигрантами и местным населением.

A. Mehl

Martin Luther University, Halle, Germany

LIFE IN THE REGION OF THE HELLENISTIC TOWN OF AI KHANOUM

As the Greek overseas colonization had led the emigrants from costal places at home to costal places abroad, most of the Greeks, until Alexander conquered Iran, lived at least not far from the sea and so too, in close contact by ship to Greece and the Aegean. In contrary, those Greeks who were settled by Alexander and his successors in Bactria and Sogdiana, lived far from their places of origin and under conditions they were not accustomed to and they regarded as being not Greek. In consequence, they tried to leave that region. Nonetheless, Greeks continued to live there. The paper will try to use some evidence of the excavated town of Ai Khanoum and of its neighbourhood, which had been the object of some surveys, to deal with the question what the Greeks did to live there and which role contact between immigrants and indigenus played.

А.А. Амбарцумян
Санкт-Петербург

**ЛЕГЕНДА О ЗАРИАДРЕ И ОДАТИДЕ ХАРЕСА МИТИЛЕНСКОГО (АФИНЕЙ, 575),
ЕЕ ИРАНСКИЕ КОРНИ И ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СКАЗОЧНЫХ МОТИВОВ
В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ**

Древнеиранская легенда о романтической любви Зариадра и Одатида известна благодаря пересказу греческого писателя Афиней Навкратийского («Пир софистов» §575), который в свою очередь почерпнул ее из «Истории Александра Македонского» Хареса Митиленского. Харес был хорошо знаком с персидскими обычаями, происходя из некогда подвластной персам Эолиды, и сопровождал Александра в его персидских походах. Действие легенды охватывает территорию от Мидии и «нижней страны» (Персии), «верхней страны», Каспийских ворот и до царства танаисского племени марафов. Главные персонажи – Зариадр, младший брат Гистаспа (сыновья богов Адониса и Афродиты), и Одатида, дочь царя марафов Омарта. Герои одновременно влюбляются друг в друга во сне. В поисках возлюбленной Зариадр, переодевшись в одежду скифского воина, попадает на торжество, во время которого Одатида сама должна выбрать себе жениха. Она вручает Зариадру золотую чашу с вином, и затем бежит вместе с ним из отцовского дома. В конце Харес добавляет, что «эта любовь пользуется известностью у живущих в Азии варваров и ставится очень высоко, сказание о ней изображают на картинах в жреческих храмах и дворцах, а также и в частных домах». Сама легенда могла иметь ритуальное значение (не имеющее отношения к культам солнечного бога или Анахиты, как полагалось ранее), и, возможно, служила наглядной иллюстрацией обряда посвящения в члены общины, связанного с наступлением совершеннолетия (в контексте более древних обрядов, скорее близких к шаманским инициациям).

Исследование легенды сталкивается с целым рядом проблем. Во-первых, с проблемой места и времени, а также происхождения легенды (мидийское или древнеперсидское). Во-вторых, с проблемой ее соотношения с весьма схожим эпическим фрагментом зороастрийского кейянидского предания о Зарере («Ай-адгар-и Зареран», «Шахнаме»), имя которого отмечено в Авесте как Заириваири. Несмотря на отсутствие романтического сюжета в зороастрийской версии, в обеих легендах имеются общие элементы (в «Шахнаме» история любви переходит к Гуштаспу и Катаюн). Оба пары братьев Гистасп и Зариадр - Гуштасп и Зарер имеют загадочных родителей. Причем имя Зарера является фонетическим развитием именно мидийской формы – Зариадр (в арм. Зарех), а не авестийской - Заириваири (возможные ср.-ир. формы Зарвар и Зарур). Вопрос может быть выяснен при наиболее верной этимологической интерпретации обеих имен: Заиривари «имеющий золотой нагрудник (панцирь)» и Зариадр «имеющий золотую одежду/обувь». В данном случае, мидийская форма могла быть переосмыслением более ранней и диалектально чуждой авестийской Заиривари.

Популярность легенды о Зариадре и Одатиде, по-видимому, не ограничилась только иранским и греческим мирами: сходные сюжеты под влиянием древнеиранских и древнеиндийских прототипов получили развитие также и в персидской классической литературе («Тути-наме», «Тысяча и один день», и т. д.), в иных восточных литературах («Мириани», «Тысяча и одна ночь», и т. д.), и также в западноевропейской литературе («Роман о семи римских мудрецах», «Мабиногион», «Амадис Греческий», «Пальмерин Оливский», «Артус Бретанский», «Ангус Ог и Кэр», и т. д.).

A.A. Ambartsumian
St. Petersburg

**THE STORY OF ZARIADRES AND ODATIS IN CHARES OF MYTILENE
(ATHENAEUS 575), ITS IRANIAN ORIGIN AND INFLUENCE ON THE CREATION
OF FOLKLORE MOTIVES IN WESTERN AND ORIENTAL LITERATURE**

The Old-Iranian love story of Zariadres and Odatis has been known due to the retelling of the Greek writer Athenaeus of Naucratis (*The Deipnosophistae*, 575), who in his turn obtained it from *The History of Alexander the Great* by Chares of Mytilene. The latter was familiar with Persian customs, originated from Aeolis, subjected to Persians, and accompanied Alexander in his Persian campaigns. The action place of the story stretches from Media and “the lower country” (Persia), “the upper country”, Caspian Gates to the kingdom of the Tanais tribe Marathians. The lead characters are Zariadres, younger brother of Hystaspes (sons of gods Adonis and Aphrodite), and Odatis, daughter of the Marathians’ king Omartes. Both characters at a time fall in love in a dream. In search of his beloved Zariadres, disguised in a dress of a Scythian warrior, enters the feast, during the course of which Odatis is to choose her bridegroom. She bestows the golden bowl to Zariadres, then flees with him from the father’s house. At the end of the story Chares adds that “this love story was greatly esteemed by the barbarians of Asia, who painted scenes from it on the walls of temples, palaces, as well as in private houses”. The story itself might have had a ritual significance (not relating to the cults of Sun God or Anahit, as supposed earlier), and, possibly, served as a visual illustration of the initiation ceremony, connected with the arrival of maturity (in the context of earlier rites closely related to the shamanistic practices).

The study of the story deals with several problems. First, with the problem of time and place, as well as the origin of the tale (Median or Old Persian). Second, with the problem of its correlation to the very similar epic fragment of Zoroastrian Kayanid legend on Zarēr (*Ayādgār ī Zarērān, Shāhnāme*), whose name is attested in the Avesta as Zairivairi. In spite of the lack of a romantic motive in the Zoroastrian version, both stories have common elements (in *Shāhnāme* the romance is transmitted to Gushtasp and Katayun). Both pairs of brothers Hystaspes and Zariadres – Gushtasp

and Zarēr have enigmatic parents. In this connection Zarēr is a direct phonetic development of the Median form – Zariadr (in Arm. Zareh), rather than the Avestan one – Zairivairi (possible Middle Iranian forms are Zarwar and Zarūr). The question may be elucidated in case of more correct etymologic interpretation of both names: Zairivairi “having golden breast plate (armor)” and Zariadr “having golden clothing/footwear”. In this instance, the Median form might have been a result of the dialectal change of the Avestan Zairivairi.

It is likely that popularity of the story of Zariadres and Odatis has not been confined only with the Iranian and Greek worlds, similar motives under the influence of Old Iranian and Old Indian prototypes evolved also in the later classic Persian literature (*Tūtī-nāme*, “A Thousand and One Day” etc.), in other Middle Eastern literatures (*Miriani*, “The Arabian Nights” etc.), as well as in the literatures of Western Europe (“The Romance of Seven Sages of Rome”, “Mabinogion”, “Amadis of Greece”, “Palmerin of Oliva”, “Artus de Bretagne”, “Angus Og i Ker” etc.).

ИРАН И РИМ/IRAN AND ROME

А.В. Махлаюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПЕРСЫ И АХЕМЕНИДЫ В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Римская литература, как и существовавшая в Риме система образования, в большинстве своих главных элементов основывается на греческих традициях. Вместе с греческой образованностью римляне приобрели знания о народах, с которыми в своей истории непосредственно не соприкасались, в том числе и о персах времен Ахеменидов. В докладе анализируются многочисленные упоминания о Персидской державе и ее правителях в латинской литературной традиции от ее начальных этапов до позднеантичного времени (от Энния до Латинских панегириков и «Начал» Исидора Севильского). Ответ на вопрос о том, что знали и как представляли себе римляне персов и их историю от Кира до Дария III, в каких контекстах и с какой целью они обращались к персонажам и примерам из прошлого Персидской державы, позволяет не только выявить характерные стереотипы восприятия одного народа другим, но также специфику римской культурно-исторической памяти и традиций, которые в немалой степени формировались и питались знаниями, топосами и образами, полученными «из вторых рук», но в то же время использовали их для своих собственных целей.

Судя по литературным текстам разнообразных поэтических, риторических, философских и историографических жанров, образованная часть римского общества, как минимум с I в. до н.э., хорошо усвоила характерные для греческой (прежде всего эллинистической) традиции представления о некоторых знаковых событиях и фигурах персидской истории - таких как, например, построенный Ксерксом мост через Геллеспонт, гнев персидского царя на море, битва при Фермопилах, персидские маги и т.д. В римской литературе нередко упоминаются имена таких царей, как Кир, Камбиз, Артаксеркс, Дарий I и Дарий III, и связанные с ними исторические анекдоты. Широкое распространение получил топос персидской роскоши; гораздо реже упоминается об исконной храбрости древних персов (которая иногда переносится на парфян). В большинстве случаев все эти топосы и анекдоты используются в морализаторском или риторическом контексте, как назидательные *exempla*, часто с существенным искажением исторической достоверности, контаминацией различных со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00218а «Образы прошлого в творчестве авторов Второй софистики (Флавия Филострата, Элия Аристиды, Максима Тирского, Фронтон, Менаандра Ритора, Дексиппа)».

бытий и традиций. Благодаря в первую очередь риторическому образованию и популярной моральной философии все эти представления стали общим достоянием культурно-исторической памяти римлян и греков, хотя в некоторых отношениях (в частности, к Греко-персидским войнам) обнаруживаются различия в их восприятии.

A.V. Makhlayuk

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

THE PERSIANS AND ACHAEMENIDS IN THE ROMAN LITERARY TRADITION²

Roman (Latin) literature, as far as the Romans' educational system, is based, in its essential elements, on the Greek traditions. Along with the Greek *paideia*, the Romans acquired the knowledge about those peoples, with whom they had never come into direct contact in their history, the Achaemenidian Persians included. The paper analyzes numerous references of ancient Persian kingdom and its rulers occurred in Latin literature, from its very beginnings to Late Antiquity (from Ennius to Latin Panegyrics and Isydorus' "Origines"). Answering the questions about what did the Romans know and how did they imagine the Persians and their history from Cyrus to Darius III, within which contexts and with what purposes did they mention persons and examples from the history of the Persian empire allows not only reveal characteristic stereotypes of perception of one nation by another, but helps to discover the specificity of Roman cultural and historical memory and traditions which to no small degree were shaped and nourished by the knowledge, *topoi* and images received at second hand, but, at the same time, did used them in their own aims.

Judging in literary texts of different poetic, rhetorical, philosophical and historiographical genres, the educated part of Roman society, at least by the first century BCE, adopted very well from the Greek (primarily Hellenistic) tradition those character representations which concerned some famous events and persons of the Persian history (such as the Xerxes' bridge at Hellespont, the Persian king's wrath with the sea, the Battle at Thermopylae, Persian *magi*, and so on). In Roman literature there are frequent references to Persian kings Cyrus, Cambyses, Artaxerxes, Darius I and III, and to historical anecdotes concerning them. The topos of Persian luxury is very commonly used by the Roman authors, while the original bravery of the ancient Persians is mentioned quite rarely (and sometimes is transferred to the Parthians). For the most part, these *topoi* and anecdotes occur in moralizing or rhetorical contexts,

² This work is supported by RFHS, project No 11-31-00218a "The Images of the Past in the Creative Work of the Authors of the Second Sophistic (Flavius Philostratus, Aelius Aristides, Maximus of Tyrus, Fronto, Menander the Rhetor, Dexippus)".

serving as didactic *exempla* and often being far from historical reliability, contaminating different events or traditions. All these conceptions and images, via rhetorical teaching and popular moral philosophy, had become the common property of Greek and Roman cultural and historical memory, but in some regards (e.g., in that of Greco-Persian wars) they were conceived in different ways.

М.В. Вьюшкин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЦИЦЕРОН И РИМСКО-ПАРФЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В I В. ДО Н.Э.

Один очень любопытный эпизод из жизни римского оратора Цицерона дает возможность рассмотреть некоторые аспекты римско-парфянских отношений в I в. до н.э. Это наместничество Цицерона в провинции Киликия. Во многом отсталая, окруженная вассальными княжествами, славившаяся на весь древний мир своим пиратством, Киликия была, тем не менее, важным стратегическим пунктом, прикрывавшим Малую Азию от вторжения с Востока, и пограничной областью столкновения античной и древневосточной культур. Кажется нелепостью, что римский патриций, провозглашавший «торжество тоги над мечом», был вынужден вести боевые действия и провозглашен войсками императором.

Письма Цицерона – редкий для этого времени тип источника – позволяют реконструировать ход событий его наместничества и меры по предотвращению вторжения парфян. Они дают возможность ответить на вопрос о степени распространения стратегической информации о парфянских войсках (Цицерон в большей мере довольствовался слухами), о проблемах взаимоотношений наместников, снижающих обороноспособность, а также о том, как представлял себе «парфянскую угрозу» известный римский сенатор и др.

Предваряя некоторые выводы, скажу, что хотя Цицерон был очень занят проблемами отправления правосудия в городах, изменением структуры управления и фискальной политики провинции, все же первоочередной была мысль о грядущем вторжении войск с Востока и подготовка к нему. Средств к ведению войны не было, полководческим талантом он также не обладал; спасал ситуацию лишь оптимальный подбор легатов. Опасность миновала Киликию, а Цицерон спешно возвратился в Рим, оставив нам ценный источник о своем проконсульстве и возможность оценить восприятие римлянами парфян в I в. до н.э.

M. V. Vyushkin

Kazan (Volga Region) Federal University

CICERO AND THE ROMAN-PARTHIAN RELATIONS IN THE I-ST CENT. B.C.

One very curious episode from the life of the Roman orator Cicero provides an opportunity to examine some aspects of the Roman-Parthian relations in the I-th century B.C. It is Cicero's governing in the province of Cilicia. Cilicia was backward province, surrounded by vassal kingdoms, famous in the whole ancient world with its piracy, but, nevertheless, it remained an important strategic point covering the invasion of Asia Minor from the East and a boundary region of the collision of classical

and ancient oriental cultures. It seems absurd that a Roman patrician, proclaiming “the triumph of togas over the sword”, was forced to fight and he was proclaimed the emperor by the troops. Letters of Cicero are rare type of the source for his time, they gives the chance to reconstruct the events of his governing and the measures taken to prevent the Parthian intrusion. Also they allow to answer the question about the extent of strategic information on Parthian armies (Cicero increasingly satisfied with the rumors), about the problems of relations between the governors, that influence on defenses, and about the famous Roman senator’s notions concerning “Parthian threat” etc.

Anticipating some conclusions, I will tell that although Cicero was very busy with problems of legal proceedings, changes in the structure of management and fiscal policy of the province, the main problem was the thought of an impending invasion from the East and the preparation for it. There was no means to wage war, he was deprived of the talent of military leadership, and the situation could be saved only through optimal choose of legates. A danger has passed Cilicia, and Cicero hastily returned to Rome, leaving us a valuable source of howling proconsulate and possibility to estimate the perception the Parthians by the Romans in I-st cent. BC.

КВИНТ ЛАБИЕН - IMPERATOR PARTHICUS

Победа при Каррах, одержанная парфянами в 53 г. до н.э., позволила им громче заявить о своих претензиях на римские владения к западу от Евфрата. Обстановка непрерывной гражданской войны способствовала началу мощного вторжения в восточные провинции Римской республики. В этом походе помощником царевича Пакора был Квинт Аттий Лабиен. Являясь одним из тех послов, которых Брут и Кассий отправили в Парфию за подкреплением, Лабиен после событий при Филиппах стал политическим эмигрантом.

Античная нарративная традиция, представленная в основном авторами режима принципата, поставила на личности сторонника оптиматов клеймо изменника родины. Видимо, это было легко сделать еще и в связи с тем, что отец Квинта, Тит Лабиен, когда-то считался одним из самых преданных военачальников Цезаря (Plut. *Caes.* 18), а потом перешел на сторону сената (Cic. *Att.* VII. 11. 1; *Fam.* XVI. 12. 4; Plut. *Pomp.* 64, 68; *Caes.* 34; *Cic.* 38). Страбон упоминал о младшем Лабиене как о человеке раздражительном и безрассудном (XIV. 2. 24). Ливий, Плутарх и Фест представляют Квинта фактически как единственного вождя парфян, полностью перекладывая, таким образом, всю вину за вторжение на его плечи (Liv. *Per.* CXXVII; Plut. *Ant.* 28, 30, 33; Fest. XVIII. 1). Фронтин, Помпей Трог и Дион Кассий отзываются о римлянинах и парфянах как о равноправных союзниках (Front. *Strat.* I. 1. 6; II. 5. 36; Just. XLII. 4. 7; Dio Cass. XLVIII. 24. 4). У Флора, Евтропия и Павла Орозия предводителем парфян значится только Пакор (Flor. II. 19. 4; Eutrop. VII. 5; Oros. VI. 18. 23), причем первый автор говорит о Лабиене лишь как о подстрекателе, а поздние историки его вообще не вспоминают.

Различна в источниках и оценка самого римско-парфянского конфликта. Веллей Патеркул назвал выступление парфян, спровоцированное Лабиеном, мятежом (Vell. II. 78. 1), Аппиан – опустошительным набегом (App. *B.C.* V. 133), Авл Геллий – вторжением (Gell. *N.A.* XV. 4. 4), Иосиф Флавий – войной (Jos. *A.J.* XIV. 13. 3; *B.J.* I. 16. 4). Различие в откликах можно объяснить тем, что Лабиен и Пакор после непродолжительных совместных действий разделили свои войска: один повернул на север, в Малую Азию, другой – на юг, в Сирию и Палестину. Соответственно активность каждого из них рассматривалась по-разному. Так, судя по сообщению Луция Ампелия, Пакор отправился в Сирию лишь для грабежа, а не для оккупации этого региона (Ampel. 32. 4).

Мы склонны считать, что Квинт Лабиен воспринимал свое участие в парфянском наступлении 40–39 гг. до н.э. не как акт предательства, а как единственную реальную возможность бороться с «тиранией» в Риме. Именно в таком ракурсе, вероятно, следует интерпретировать его монетную чеканку, где он позиционирует себя в качестве PARTHICUS IMP (Crawford 524/2).

QUINTUS LABIENUS – IMPERATOR PARTHICUS

The victory at Carrhae gained by the Parthians in 53 B.C. has allowed them to declare more loudly the claims for the Roman possessions to the West from Euphrates. Situation of continuous civil war promoted the beginning of powerful invasion of the Parthians into the eastern provinces of the Roman republic. Quintus Attius Labienus was the assistant of prince Pacorus in this campaign. Labienus, who had been one of those ambassadors which Brutus and Cassius had sent in Parthia for a reinforcement, became the political emigrant after events at Philippi.

The ancient narrative tradition that is mainly presented by the authors of the principate's regime, put on the person of the optimates' supporter a brand of a traitor of the native land. Probably, it was also easy to make because Quintus' father, Titus Labienus, had been considered as one of the most faithful to Caesar military leaders (Plut. *Caes.* 18), and then turned to the side of the Senate (Cic. *Att.* VII. 11. 1; *Fam.* XVI. 12. 4; Plut. *Pomp.* 64, 68; *Caes.* 34; *Cic.* 38). Strabo mentioned about the younger Labienus as about an irritable and reckless person (XIV. 2. 24). Livy, Plutarch and Festus actually represent Quintus as the only Parthians' leader, and thus shift all fault for invasion on his shoulders (Liv. *Per.* CXXVII; Plut. *Ant.* 28, 30, 33; Fest. XVIII. 1). Frontinus, Pompeius Trogus and Dio Cassius respond about the Romans and the Parthians as about equal allies (Front. *Strat.* I. 1. 6; II. 5. 36; Just. XLII. 4. 7; Dio Cass. XLVIII. 24. 4). According to Florus, Eutropius and Paulus Orosius, Pacorus was the only leader of the Parthians (Flor. II. 19. 4; Eutrop. VII. 5; Oros. VI. 18. 23), and the first author speaks about Labienus only as about an instigator, while the late historians don't mention about him at all.

Appraisals about the conflict between the Romans and the Parthians also are different in the various sources. Velleius Paterculus named provoked by Labienus Parthian insurrection mutiny (Vell. II. 78. 1). Appianus named it devastating attack (App. *B.C.* V. 133), Aulus Gellius – invasion (Gell. *N.A.* XV. 4. 4), Josephus Flavius – war (Jos. *A.J.* XIV. 13. 3; *B.J.* I. 16. 4). It is possible to explain this distinction of opinions by the fact that Labienus and Pacorus divided their armies after short-term joint actions. One of them turned to the North, to Asia Minor, another – to the South, to Syria and Palestine. That's why activity of each of them was considered differently. So, according to Lucius Ampelius' report, Pacorus left for Syria only for a robbery, instead of for occupation of this region (Ampel. 32. 4).

We are inclined to consider that Quintus Labienus perceived his participation in the Parthian campaign in 40–39 B.C. not as a treacherous act, but as the only real possibility to struggle with «tyranny» in Rome. Probably, it is necessary to interpret in such viewpoint his monetary stamping where he positions himself as the PARTHICUS IMP (Crawford 524/2).

Е.В. Смыков

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

PARTHI, MEDI, PERSAE:

**НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ЭТНОНИМОВ В
ПОЭЗИИ ГОРАЦИЯ**

В существующих переводах произведений Горация на русский язык этнонимы «парфяне», «мидийцы», «персы» используются как взаимозаменяемые и синонимичные. С одной стороны, это укладывается в рамки греческой традиции, где понятия «мидийцы» и «персы» использовались таким же образом. С другой стороны, контекст, в котором Гораций употребляет эти понятия, различен. Согласно указателю к сочинениям Горация (*Bibliotheca Teubneriana*, ed. F. Klinger, 1959), этноним *Parthi* встречается у поэта 13 раз, *Medi* – 11 раз, *Persae* – 5 раз. Этноним *Parthi* и производные от него слова употребляются Горацием преимущественно в военно-политическом контексте, как образ активного и грозного геополитического противника Рима, мечтавшего о его гибели, но затем смирившегося перед его мощью (*Epod.* 7. 9; *Carm.* I. 12. 53; II. 13. 18; IV. 5. 25 etc.). Эти упоминания носят наиболее конкретно-исторический характер. «Мидийцы» в некоторых случаях выступают как поэтическая замена для имени «парфяне» (например, *rege Medo* в *Carm.* III. 5. 9), иногда – для обозначения отдаленного восточного народа, вместе со скифами, индийцами и т.п. В целом контекст этих упоминаний более нейтрален, несмотря на то, мидийцы выступают как враги, враждебность эта не подчеркивается, носит, если можно так выразиться, более обыденный характер, чем вражда с парфянами. Что касается персов, то, кажется, Гораций употребляет этот этноним, когда рассматривает события *sub specie aeternitatis*, в религиозно-мифологическом контексте.

При этом в целом восприятие персов/мидян/парфян остается у Горация в рамках римских стереотипов. Так, он именует персов *infidi Persae* (*Carm.* IV. 15. 23), что не соответствует греческим представлениям об их честности, но хорошо соотносится с представлениями о лживости парфян (*Epist.* II. 1. 112: *Parthis mendacior*); персы выступают у него как народ жестокий (*Carm.* I. 21. 15; III. 5. 4: *graves Persae*). Такие представления могли возникнуть в Риме вследствие поражения Красса и в результате той антипарфянской пропагандистской кампании, которую развернул Август и активным участником которой был сам Гораций.

Ye.V. Smykov

N.G. Chernyshevsky Saratov State University

PARTHI, MEDI, PERSAE:
SOME OBSERVATIONS ON USING ETHNONYMS IN HORACE

In Russian translations of Horace, the ethnonyms “Parthians”, “Medians”, and “Persians” are used as interchangeable synonyms. On the one hand, this correlates with the Greek tradition, within which the terms “Medians”, and “Persians” were used in the same way. On the other hand, the context in which Horace are going to use these terms is different one. According to the Index to Horace’s works (Bibliotheca Teubneriana, ed. F. Klinger, 1959), ethnonym *Parthi* occurs 13 times, *Medi* – 11 times, *Persae* – 5 times. Ethnonym *Parthi* and its derivatives are used by Horace primarily in the military-political context, for constructing the image of an active and redoubtable geopolitical enemy of Rome, who had desired her destruction, but later resigned himself to Romans’ power (*Epod.* 7. 9; *Carm.* I. 12. 53; II. 13. 18; IV. 5. 25, etc.). These references have the most concrete historical nature. The “Medians” are represented, in some cases, as poetical substitution for the name “Parthians” (e.g., *rege Medo* in *Carm.* III. 5. 9), and sometimes for labelling of a remote eastern people, along with Scythians, Indians, and so on. The context of these references is generally more neutral; although the Medians appear to be hostile, this hostility is not emphasized, but has, so to say, more ordinary character than animosity against the Parthians. As regards the Persians, Horace seems to use this ethnonym when considering events *sub specie aeternitatis*, within religious and mythological context.

At the same time, Horace’s perception of Persians/Medians/Parthians remains in the framework of Roman stereotypes. For example, he names the Persians *infidi Persae* (*Carm.* IV. 15. 23), that does not correspond with the Greeks’ concepts of their uprightness, but correlates quite well with the idea of Parthians’ mendacity (*Epist.* II. 1. 112: *Parthis mendacior*); the Persians are represented by Horace as a cruel people (*Carm.* I. 21. 15; III. 5. 4: *graves Persae*). Such conceptions may have originated in Rome as result of the defeat of Crassus, and as result of anti-Parthian propagandistic campaign, which was expanded by August and in which Horace did actively take part.

И.В. Пьянков

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

**ИТИНЕРАРИЙ МАЯ ТИЦИАНА
КАК ОТРАЖЕНИЕ РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Решение спорного вопроса о датировке итинерария Мая Тициана возможно только при учете римско-парфянских взаимоотношений. Этот итинерарий описывает трансасиатский путь по суше от римско-парфянской границы на Евфрате до Китая.

Существование этого пути было возможно только при добрососедских отношениях между римлянами и парфянами. Между тем, отношения эти только обострялись по мере сближения внешних границ римлян и парфян и стали открыто враждебными после превращения Сирии в римскую провинцию (60 г. до н.э.). В течение I в. н.э. шло угасание трансасиатского пути, и к началу II в. н.э. он уже был полностью заменен морским путем через Персидский залив в обход Парфянского царства.

Единственное исключение – кратковременная «оттепель» в римско-парфянских взаимоотношениях при Августе (рубеж нашей эры). Этим временем и следует датировать итинерарий Мая Тициана.

I.V. Pyankov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

**ITINERARIUM BY MAES TITIANUS AS A REFLECTION
OF ROMAN-PARTHIAN RELATIONS**

Regarding of controversial question of the date of the itinerary by Maes Titianus seems us possible with the regard given to the mutual relations between Romans and Parthians. This itinerary depicts the Transasiatic Way over land from Roman-Parthian border on the Euphrates to China.

The mere existence of the Way was possible only with good neighbour's relations between Romans and Parthians. However, those relations were strained as those neighbours was bordered about each other, then turned into open hostile after Syria became a Roman province (60 B.C.). In the I-st cent. A.D. the Transasiatic Way went into a decline and it was completely replaced in the early II cent. A.D. by a sea one across the Persian Gulf which was going roundabout way of the Parthians.

The only exception was a temporary "thaw" of Roman-Parthian relations under Augustus (the border of our era). By that date we may regard the itinerary by Maes Titianus.

С.М. Перевалов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева, Владикавказ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА СТРУКТУРОЙ «ПАРФИКИ» АРРИАНА

«Парфика» (или «История парфян») – самое крупное сочинение Флавия Арриана (ок. 86 – после 161 гг.), состоящее из 17-ти книг (для сравнения: «История после Александра» - в 10-ти, «Вифиниака» - в 8-ми, «Анабасис Александра» – в 7-ми). Она посвящена римско-парфянским отношениям, войнам Рима с единственным серьезным соперником за право называться мировой державой – империей парфян. По оценке Ф. Стадтера, Арриан - «безусловно лучший из всех сохранившихся авторов “Парфик”».

Полный текст Арриановой «Парфики» до нас не дошел: в трудах более поздних авторов сохранились разнородные фрагменты, систематизация которых затруднена. Имеются два основных собрания: Ф. Якоби (FGrHist II. V., 1929. Nr. 156; комментарии: В., 1930), и А. Рооса – Г. Вирта (Flavii Arriani quae extant omnia. II. Lpz., 1968). Ф. Якоби располагает материал по авторам, где цитируется Арриан; А. Роос – по книгам «Парфики» (где это возможно), включая в подборку не только фрагменты с указанием авторства Арриана, но и анонимные, а также спорные заметки (у Ф. Якоби они помещены в томе комментариев).

Главная проблема при использовании «Парфики» в качестве исторического источника – последовательность фрагментов и их распределение по книгам, в соответствии с несохранившимся текстом оригинала. Ссылки на отдельные книги «Парфики» дают Иоанн Лид (V в.) и Стефан Византийский (VI в.). Патриарх Фотий (IX в.) в своей «Библиотеке» приводит краткую характеристику утраченных работ Арриана, включая «Парфику», выдержки из них приведены в «Извлечениях о посольствах» (*excerpta*) Константина Багрянородного (X в.), часть фрагментов сохранилась в энциклопедическом словаре «Суда». Кассий Дион (III в.) и Иоанн Малала (VI в.) использовали «Парфику» Арриана при изложении Парфянской войны Траяна 113–117 гг. без упоминания своего источника.

В докладе рассматриваются вопросы: датировка Арриановой «Парфики» (после 136 г.), жанр сочинения, принципы отнесения фрагментов к «Парфике» и конкретным книгам.

S.M. Perevalov

V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research,
Vladikavkaz

SOME NOTES ON THE STRUCTURE OF ARRIAN'S *PARTHICA*

The *Parthica* (or *History of the Parthians*) – the largest work of Flavius Arrian of Nicomedia, 86 – after 161 A.D.), consisting of 17 books (for comparison: *The Events after Alexander* – 10, *Bithyniaca* – 8, *Anabasis of Alexzander* – 7). *Parthica* considers the relations between Rome and Parthia, especially Roman-Parthia wars. According to Ph. Stadter, “Arrian is by far the best preserved of any author of *Parthica*”.

The full text of Arrian's *Parthica* is lost, but some disparate fragments have remained in the writings of the late authors. There are two main collections: F. Jacoby (FGrHist II. B., 1929. No. 156; comments: B., 1930), and A. Roos – G. Wirth (Flavii Arriani quae extant omnia. II. Lpz., 1968). F. Jacoby distributes the material among the authors, which quoted Arrian; A. Roos assigns the fragments to the books (if possible), and also inserts in collection anonymous and controversial fragments.

The main problem with using Arrian's *Parthica* as a historical source is the distribution of fragments on the books, in accordance with the lost original text. Links to individual books of *Parthica* are given by John Lyde (V sec.) and Stephanus of Byzantium (VI sec.). Patriarch Photius (IX sec.) in his *Library* (cod. 93) gives a brief description of the lost works of Arrian, including *Parthica*, some excerpts from this work are contained in the *Extracts of embassies (excerpta)* Constantin Porphyrogenet's (X sec.), some of the fragments are preserved in the *Suda* lexicon. Cassius Dio (III sec.) and John Malalas (VI sec.) used Arrian's *Parthica*, when recount the events of Trajan's Parthian war of 113–117 A.D. without mentioning his name.

The present report deals with the following issues: the date of Arrian's *Parthica* (after 136 A.D.), the genre of the work, the principles of allocating fragments to *Parthica* and to its concrete books.

**ИОАНН МАЛАЛА О ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В III в.,
ИЛИ ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА**

Среди событий III века Иоанна Малалу интересуют прежде всего военные действия. Их описание занимает около 40% объема в разделе от прихода к власти Валериана до отречения Диоклетиана (XII. 26–44).

При этом не всегда происходящее определяется как война (πόλεμος). На основе анализа терминов, которые антиохийский хронист использует для описания происходящих на Востоке событий, в данном докладе предпринята попытка разобраться, что такое война в понимании Иоанна Малалы, чем она отличается от простого набега (ἐπιδρομή), каков ее стандартный сценарий.

Шапур учинил в Сирии в 266 г. великий разгром: «И захватывает он всю Сирию и разграбляет ее. И захватывает он город Антиохию Великую вечером, и грабит ее и мучает и жжет ее пожарами, [...] и захватил он всю восточную землю, и мучает, и жжет, и грабит ее» (XII. 26). Однако ни в одной из приведенных Иоанном Малалой версий этого сюжета он не определяется как война.

В этом отличие этого эпизода от других, в которых присутствует определение «война»: похода Галлиена (XII. 27), борьбы Аврелиана с Зенобией (XII. 30), военных действий Тацита в Малой Азии (XII. 31), войны Проба против готов (XII. 33), завоевания Каром Ктесифонта (XII. 34), кампании, приведшей к гибели Нумериана (XII. 35), поражения, нанесенного персам при Диоклетиане (XII. 39).

Можно предположить, что автор мог пользоваться и другими изобразительными и лексическими средствами для маркировки события как войны, не произнося самого этого слова. Как представляется, неизменными атрибутами описания войны в данном отрывке «Хронографии» оказывается регулярное войско и глагол ἐπιστρατεύω (XII. 27, 30, 32, 34, 35, 36, 38). В некоторых войнах особо отмечается заключение мирного договора (εἰρήνης πάκτα) (XII. 27, 39). По взаимному согласию сторон возможно перемирие (ἔνδοσις – XII. 36). Часто Иоанн Малала выделяет повод или причину войны: мщение (XII. 27, 36), донос (XII. 30), «пришли в движение персы» (XII. 38).

В то же время хронист может свести описание событий к одному предложению: «и начал он войну с персами, и многие пали с обеих сторон, и заключил он мир» (XII. 27), что представляется моделью наиболее близкой к схеме описания войны.

От нашего историка вряд ли следует ждать терминологической точности (он все же создавал не военный трактат), однако в его повествовании отчетливо проглядывают топосы, обладающие устойчивой структурой и определенным набором элементов.

**JOHN MALALAS ON THE EASTERN POLICY OF THE ROMAN EMPERORS
IN THE III-RD CENT., OR WHAT DOES A REAL WAR MEAN**

Among the events of the III-rd cent. Malalas has a concern in hostilities. In the passage from Valerian to Diocletian (XII. 26–44) the account of conflicts covers almost 40 percent of the whole.

In the meanwhile, it should be emphasised that not all the military actions are defined as war (πόλεμος). Via vocabulary analysis with special regard to the words used by the Antiochene chronicler to describe what happened in the East, the present paper aims to illustrate how Malalas interpreted the notion of war, its divergences with that of incursion (ἐπιδρομή), and its standard scenario.

Shapur I, in 266, caused a great devastation in Syria:

“Sapor captures the whole of Syria and plunders it. He captures Antioch the Great in the evening and plunders it, and destroys it and burns it [...] and captures all the region of the East, and plunders it, and destroys it” (XII. 26)

Malalas, however, in all the versions he proposes in the passage on the invasion, evades the term “war”.

It’s a feature that differentiates this episode from the reports about other similar events defined as “war”: the campaign of Gallienus (XII. 27), Aurelian’s struggle against Zenobia (XII. 30), Tacitus’ plans in Asia Minor (XII. 31), Probus’ campaign against the Goths (XII. 33), Carus’ capture of Ktesiphon (XII. 34), the campaign in which Numerian was killed (XII. 35), the defeat suffered by Persians during the reign of Diocletian (XII. 39).

It may be that at the same time the author applies other narrative techniques and expressions, both literary and lexical, to indicate that what is in issue is war, but evaded this term. Our impression is that an inalienable attribute of war, at any rate in this part of the chronicle, is a regular army and the verb ἐπιστρατεύω (XII. 27, 30, 32, 34, 35, 36, 38). Several conflicts finish with the record of a peace treaty (εἰρήνης πάκτα) (XII. 27, 39). It’s possible a truce by mutual agreement (ἔνδοσις – XII. 36). Malalas often points out the reasons and pretexts of hostilities: revenge (XII. 27, 36), report (XII. 30), “because the Persians began to move” (XII. 38).

However, the historiographer can reduce a war episode to one sentence “and he moved the troops against the Persians and, after many on both sides had fallen, he made a peace treaty” (XII. 27), that seems to represent the most schematic model followed by Malalas.

We should hardly expect of him a terminological precision (he did not intend to compose a military treatise), but in the chronicle a series of common-places and repeated elements can be traced that are distinguished by their stabile structure and composition.

**РИМСКАЯ РАЗВЕДКА В ВОЙНАХ С САСАНИДСКИМ ИРАНОМ
(ПО ДАННЫМ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА)**

Римская империя и сасанидский Иран являлись крупнейшими державами средиземноморско-переднеазиатского региона позднеантичной эпохи. Их взаимоотношения носили преимущественно антагонистический характер, что проявилось в почти непрерывных римско-персидских войнах, длившихся с первой половины III по первую половину VII в. Одним из периодов обострения военно-политического противостояния Римской империи и Сасанидского царства стала середина – вторая половина IV в.

Важнейшим источником по истории римско-персидских войн IV в. н.э. является труд Аммиана Марцеллина под названием «Деяния» (*Res gestae*), сохранившиеся книги (с XIV по XXXI) которого охватывают период с 353 по 378 гг.

Будучи профессиональным военным и участником описываемых событий, Аммиан квалифицированно и подробно характеризует ход боевых действий между римской и персидской армиями. При этом он неоднократно упоминает о разведывательных мероприятиях римлян, осуществлявшихся воинами-разведчиками, которые в «Деяниях» названы, соответственно, *exploratores* (XVIII. 6. 17; 7. 9; XIX. 3. 3; XX. 4. 1; XXI. 7. 7; 13. 1; XXIV. 1. 7) и *speculatores* (XVI. 9. 3; XVIII. 6. 8; 8. 1; XXI. 13. 4).

Помимо своих непосредственных задач (получение информации о действиях противника), разведчики выполняли также функции связных (XVIII. 6. 17; XIX. 3. 3). Кроме того, в обязанности разведчиков входило изучение местности с целью прокладывания оптимального маршрута для прохождения войска (XVIII. 7. 9). Иногда разведывательные мероприятия проходили при непосредственном участии императора (XXIV. 1. 7; 4. 3).

Результативность действий римских разведчиков, однако, далеко не всегда была высокой. Аммиан неоднократно говорит о противоречивости и ненадежности их сведений (XXI. 13. 1, 4), что зачастую не позволяло римским военачальникам оперативно принимать необходимые решения и в то же время давало персам возможность совершать внезапные, а потому успешные военные акции (XVIII. 8. 3).

Полученные от разведчиков данные, носившие как тактический (XVIII. 6. 8; 7. 9; XIX. 3. 3; XXI. 7. 7; XXIV. 1. 7; 4. 3), так и стратегический (XVI. 9. 3; XVIII. 8. 1; 6. 17; XX. 4. 1; XXI. 13. 1, 3, 4; XXIV. 4. 13) характер, являлись одним из главных факторов, определявших военные планы римского командования в отношении сасанидского Ирана и, следовательно, характер и динамику взаимоотношений двух держав.

**ROMAN RECONNAISSANCE IN WARS WITH SASSANIAN IRAN
(ACCORDING TO AMMIANUS MARCELLINUS)**

Roman Empire and Sassanian Iran were the most powerful states of Mediterranean and Near East region at Late Antiquity. Their relationships had mainly antagonistic character that was showed in almost continuous Roman-Persian wars continued from the first half of III-rd to the first half of VII-th centuries. A period of heightened political and military confrontation of the Roman Empire and the Sassanian kingdom had place at the middle – second half of the IV-th cent. A.D.

The principal source on history of the Roman-Persian wars of IV cent. A.D. is the work of Ammianus Marcellinus known as *Res gestae*. The survived books of it (XIV – XXXI) cover the period from 353 to 378 A.D.

Being the professional military man and the participant of described in *Res gestae* events, Ammianus competently and in details characterizes a course of operations between the Roman and Persian armies. Thus he repeatedly mentions reconnaissance actions of the Romans which were carried out by soldiers-scouts. In *Res gestae* they are named, accordingly, *exploratores* (XVIII. 6. 17; 7. 9; XIX. 3. 3; XX. 4. 1; XXI. 7. 7; 13. 1; XXIV. 1. 7) and *speculatores* (XVI. 9. 3; XVIII. 6. 8; 8. 1; XXI. 13. 4).

The scouts carried out not only their main duty (gathering of the information on enemy's actions) but also performed the function of messengers (XVIII. 6. 17; XIX. 3. 3). Besides, duties of scouts included an examining of area for making of an optimum route for movement of an army (XVIII. 7. 9). Sometimes reconnaissance actions passed at personal participation of the emperor (XXIV. 1. 7; 4. 3).

Productivity of actions of the Roman scouts, however, not always was high. Ammianus repeatedly speaks about discrepancy and inauthenticity of their data (XXI. 13. 1, 4). This circumstance frequently did not allow the Roman military leaders to make necessary decisions operatively and at the same time gave the chance to Persians to make sudden and, therefore, successful military actions (XVIII. 8. 3).

The data obtained from scouts carrying both tactical (XVIII. 6. 8; 7. 9; XIX. 3. 3; XXI. 7. 7; XXIV. 1. 7; 4. 3) and strategic (XVI. 9. 3; XVIII. 8. 1; 6. 17; XX. 4. 1; XXI. 13. 1, 3, 4; XXIV. 4. 13) character; they were one of the primary factors defining military plans of the Roman command against Sassanian Iran and, hence, character and dynamics of relationship of two powers.

Й. Визехёфер

Христиан Альбрехт Университет, Киль, Германия

ИРАН, ТУРАН И РУМ

В позднесасанидский или даже исламский период были написаны среднеперсидские тексты, которые или подражали Авесте в качестве комментирующей литературы или же были частью дворцовой традиции с их эпической формой или устной поэзией. В конце царствования Хосрова II (590–628 гг.) возникло произведение, в чем-то подобное «иранской национальной истории», в форме *Xwadāy-nāmag* («Книга правителей»), полуофициальной истории Ирана, датируемой от времени первого царя мира Гайомарта и до правления Хосрова, в котором впервые в письменном виде была изложена продолжительная устная традиция, относящаяся к истории страны. «Книга правителей» была не только полуофициальной «книгой истории», но также и средством литературного развлечения и социального образования. Предполагалось, что она отражала моральные и политически обоснованные социальные идеалы или достоинства подданных, в которых сасанидские цари видели основу своей власти и с помощью которых они должны были сохранять ее.

Первоначально не желавшие каким-то образом выделяться в ущерб своим царским парфянским предшественникам, новые сасанидские цари со временем (в сотрудничестве с зороастрийским жречеством) придали «иранской национальной истории» особый сасанидский уклон. Они делали это особенно отчетливо во второй половине их царствования, с очевидными антипарфянскими намерениями. Рум, эта метафора для соседей, как исторических, так и современных им врагов на Западе, теперь включал в себя восточных римлян. Однако, позднесасанидская ревизия «национальной истории» привела к двум заметным изменениям, которые касались врагов Ирана. С одной стороны, как результат опустошительных вторжений эфталитов и тюрков, роль Турана стала более важной, чем роль Рума (что окончательно способствовало отождествлению туранцев и тюрков). С другой стороны, в пределах светской традиции, псевдокаллисфеновский Александр в иранской форме придал Александру Великому роль разрушителя иранского могущества: он, таким образом, стал сыном Дары и дочери царя Рума.

J. Wiesehöfer

Christian Albrecht University of Kiel, Germany

IRAN, TURAN AND RUM

In the Late Sassanian or even Islamic period, Middle Persian texts were written which either emulated the Avesta as commentating literature or were part of the court tradition with their epic form or as oral poetry. At the end of the reign of Husraw II

(590–628), something similar to an “Iranian National History” in the form of the *Xwadāy-nāmag* (“Book of Lords”) originated, a semi-official history of Iran dating from the first world king Gayomard to the reign of Husraw and which for the first time set down in writing a long oral tradition of relating history. The “Book of Lords” was not only a semi-official “history book” but also an instrument of literary entertainment and social education. It was supposed to proclaim the moral and politically based social ideals or the virtues of the subjects on which the Sasanian kings saw their sovereignty established and with whose help it was to survive.

Initially unwilling to make themselves stand out at the cost of their royal Parthian predecessors, the new Sassanian kings, in the course of time and in collaboration with the Zoroastrian clergy, gave the “Iranian National History” a special Sassanian touch. They did so especially in the second half of their reign, then with obviously anti-Parthian intentions. Rum, as a metaphor for the neighbours and the historical as well as contemporary enemies in the West, now included the East Romans. However, the late Sasanian revision of the “National History” led to two remarkable changes, as far as the enemies of Iran are concerned: On the one hand, probably as a result of the disastrous invasions of Hephthalites and Turks, the role of Turan became more important than that of Rum (finally leading to an identification of Turanians and Turks). On the other hand, within secular tradition, the pseudo-Callisthenic Alexander in Iranian shape supplemented Alexander the Great as the destroyer of Iranian greatness; he thus became a son of Dara and of the daughter of the king of Rum.

ИРАНСКИЕ КОЧЕВНИКИ И КЛАССИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ IRANIAN NOMADS AND CLASSICAL CIVILIZATION

А.В. Вертиенко

Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, Киев

«СКИФЫ» ПОД МЕМФИСОМ (ИРАНОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ В ЕГИПЕТСКОЙ КАМПАНИИ АРТАКСЕРКСА III)

Глиняные фигурки т.н. «скифов» были открыты на территории западных сатрапий империи Ахеменидов (Сирия, Палестина, Вавилония, Киликия, Египет). Ж. Элайи и А.И. Иванчик предполагают, что эти фигурки носили вотивный характер и были связаны с культом Астарты. С.А. Яценко связывает их непосредственно со средой ранних кочевников и предполагает в них вотивы умерших.

27 фигурок «скифских всадников» из египетского Мемфиса (ныне в Музее египетской археологии Фл. Питри, Лондон) стилистически отличаются от переднеазиатских аналогов. Для объяснения их назначения требуется толкование, соответствующее местным культурно-историческим реалиям. На этнографически точную передачу головных уборов ираноязычных номадов на мемфисских фигурках указывает С.А. Яценко. Точное воспроизведение этнических особенностей костюмов иноземцев было характерно для египетского искусства. Изготовление этих фигурок связано с египетским локальным гончарным центром, и датируются они вторым персидским завоеванием Египта (343–333 гг. до н.э.). В составе многонациональных персидских войск Артаксеркса III Оха, вторгшихся в Египет, очевидно, мог участвовать «сако-скифский» военный контингент (конница) (практика использования Ахеменидами сакских подразделений была обычной: Hdt. VI. 113; VII. 64, 96, 184; VIII. 113; IX. 31). Косвенным подтверждением такой возможности можно считать сообщение о подразделении «скифских» всадников в составе армии Дария III, которое сражалось с войсками Александра Македонского (Diod. XVII. 59. 5–8).

Все мемфисские фигурки номадов *повреждены* (вероятно, первоначально они изображали всадников). Это может свидетельствовать об их магическом использовании в ритуалах проклятий, направленных против воинов «оккупационной армии», которых, посредством разбивания их скульптурок, «лишали» силы и боеспособности. Следует отметить, что помимо фигурок «скифов» в тех же слоях были обнаружены аналогичные глиняные скульптурки иных этнических типов. Подтверждением нашего толкования может быть и сообщение «Поэмы об Александре» о применении последним фараоном XXX династии Нектанебом II «боевой» магии против врагов Египта, предполагавшей изготовление и уничтожение их статуэток (Hist. Alex. Magni, rec. I. 1. 3-4). При этом, первыми в числе различных этносов, входивших в состав угрожавшей Египту персидской армии Артаксеркса III, в этом сочинении названы именно скифы (Ibid. rec. I. 2).

A.V. Vertiyenko

A.Ye. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev

**THE “SCYTHIANS” AT MEMPHIS
(IRANIAN-SPEAKING NOMADS IN THE EGYPTIAN CAMPAIGN
OF ARTAXERXES III)**

Clay figurines of the so-called “Scythians” were discovered in the western satrapies of the Achaemenid Empire (Syria, Palestine, Babylonia, Cilicia, Egypt). J. Elayi and A.I. Ivanchik suggest that these figures have votive character and were associated with the cult of Astarte. S.A. Yatsenko connects them directly with the environment of the early nomads and suggests that they were votives of the dead.

27 “Scythian riders” figures from the Egyptian Memphis (now at the Petrie Museum of Egyptian Archaeology, London) are differing in stylistic from the Near Eastern analogues. It is necessary to look for the local culture-historical realities for the explaining their purpose. The ethnographically direct representation of Iranian-speaking nomads’ headwear on the Memphite figurines was pointed out by S.A. Yatsenko. The accurate representation of ethnic features of the foreigners’ clothes was common in Egyptian art. The manufacturing of these figures is connected with local Egyptian pottery center and dating to the Second Persian conquest of Egypt (343–333 B.C.). The “Saco-Scythian” military contingent (cavalry) was probably a part of multiethnic Persian forces of Artaxerxes III, invading Egypt (the practice of using the Saca units was normal for the Achaemenids: Hdt. VI. 113; VII. 64, 96, 184; VIII. 113; IX. 31). An important indirect evidence for such a possibility might be a report about a unit of the “Scythian” horsemen in the army of Darius III which took part in the battle with the forces of Alexander the Great (Diod. XVII. 59. 5–8).

All Memphite figurines of nomads are *damaged* (possibly, all of them originally depicted riders). This fact allows to suggest their using in magic practice of the damnation ritual, aimed against the warriors of the enemy, who were “deprived” of power and capacity by ceremonially breaking their clay figures. It should be noted that, beside the “Scythians”, clay images of the representatives of other ethnical groups were found in the same layer. The evidence for our interpretation of Memphite figurines purpose might be the report of the *Historia Alexandri Magni* about the use of a “military magic” by Nectanebos II (360–343 B.C.) against the enemies of Egypt, including preparation and ritual destruction of the figurines (Hist. Alex. Magni. rec. I. 1. 3–4). This would agree with the fact that the “Scythians” were named at the first place in the list of the different ethnic units of the Artaxerxes’ III army in this source (I. 2).

Ю.П. Зайцев

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Симферополь

ВАРВАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В III В. ДО Н.Э.: СКИФЫ ИЛИ МИКСЭЛЛИНЫ?

III в. до н. э. пока остается самым темным периодом в истории варварских территорий Северного Причерноморья, который закончился ок. середины II в. до н. э. Как считается, это был переходный период от «классической» скифской культуры к позднескифской.

Главная крепость этого времени – Ак-Кая – достигала площади 10 гектаров и была расположена в центре Крыма, возле современного города Белогорска.

Анализ керамического комплекса из этого памятника показывает, что его основная часть принадлежит хронологическому периоду от рубежа IV–III вв. до н.э. до середины II в. до н.э., с преобладанием материалов III в. до н.э.

Размер крепости, необычная мощность ее оборонительных стен, расположение рядом с группами «царских» скифских курганов, разнообразие керамического комплекса позволяет предлагать столичный, «царский» характер крепости Ак-Кая в конце IV – первой половине II вв. до н.э. Корреляция хронологических схем Ак-Кая и Неаполя Скифского позволяет предложить существование двух «царских» столичных крепостей в Крыму, сменивших одна другую около середины II в. до н.э.

Особое явление представляют собой рядовые и элитные курганные некрополи, расположенные к западу и востоку от городища. Погребальные камеры в них сделаны по греческому образцу из хорошо обработанного камня.

Таким образом, сочетание многих признаков позволяет поставить вопрос о смешанном, греко-варварском (греко-скифском) населении центрального Крыма в конце IV – первой половине II вв. до н.э.

Yu.P. Zaytsev

Crimean Branch of the Institute of Archaeology,
National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol

THE BARBARIAN POPULATION OF CRIMEA IN III-RD CENT. BC: SCYTHIANS OR MIXHELLENES?

The III-rd cent. B.C. was actually a dark period in history of barbarian tribes of the Pontic region, which has ended about the middle of the II-nd cent. B.C. It was transitional period from the Classical Scythian Culture to the Late Scythian one.

The main fortress of this time – Ak-Kaya – has an area about 10 ha. and was situated in the centre of the Crimea, near the city of Belogorsk.

The analysis of the ceramic complex of the Ak-Kaya fortress shows that its main part belongs to the chronological period from the border of the IV-th and III-rd cent. to the middle of the II-nd cent. B.C. with predominance of the materials of the III-rd cent. B.C.

The size of the fortress, its powerful fortification, its location near the group of royal Scythian barrows, representative types of goods allow to suggest a royal and capital character of the Ak-Kaya site from the end of the IV-th cent. to the first half of the II-nd cent. B.C. A correlation between the chronological schemes of Ak-Kaya and the Scythian Neapolis makes it possible to suggest an existence of two royal capitals in the Crimea, which replaced one other approximately in the middle of the II-nd cent. B.C.

The special phenomenon is represented by ordinary and elite barrow necropolis, located to the West and the East from a fortress Ak-Kaya. Funeral chambers in them are made on the Greek sample of well shaped stone.

Thus, the combination of many signs allows to raise the question about the mixed, Greek-barbarian (Greek-Scythian) population of the central Crimea at the end of the IV-th – first half of the II-nd cent. B.C.

В.П. Былкова

Херсонский государственный университет, Украина

**ДИНАМИКА ГРЕКО-СКИФСКИХ/САРМАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**

Специфика Нижнего Поднепровья – региона в низовьях большой реки, где, тем не менее, не возник античный город, в значительной степени определяется характером отношений ираноязычных кочевников, составлявших в античную эпоху основную часть населения этой территории, с носителями греческой культуры.

Общеизвестно, что на раннем этапе греческой колонизации основные скифские памятники были сосредоточены в Лесостепи. Оценивая ситуацию в южной зоне Северного Причерноморья, современные исследователи выдвигают гипотезы в широком диапазоне – от невозможности осуществления регулярных контактов кочевого населения с колонистами (Иевлев, Минаева, 2009) до наличия торгово-экономических контактов как обязательного условия существования даже при полном отсутствии варварского населения в непосредственной близости от греков. В Нижнем Поднепровье, довольно хорошо изученном археологически, ранние материалы минимальны. Датировка Ягорлыцкого поселения, основанного Ольвией в первой половине VI в. до н.э., не совпадает с ранними скифскими памятниками в регионе. Памятники V в. до н.э. представлены немногочисленными курганными скифскими погребениями при полном отсутствии поселений. Не исключено использование кочевниками сухопутных коммуникаций, в частности, в торговых целях, но территория производит впечатление слабо обжитой, где оседлого населения просто не было.

Основные памятники относятся ко времени поздней классики – раннего эллинизма. В начале IV в. до н.э. возникают поселения, существовавшие не менее ста лет; одновременно фиксируются сотни скифских погребений. Прекращают существование скифские и греческие памятники в регионе одновременно, в первой четверти III в. до н.э.

В материальной культуре серьезное влияние одной группы населения на другую не прослежено. Скифские поселения сосредоточены в центральной части Скифии, они имеют только варварские черты и фиксируют полукочевой хозяйственно-культурный тип. Контакты с греческим миром здесь фиксируются на уровне потребления вина и использования украшений, т.е. торговых связей. Б.Н. Граков предполагал, что эллинские поселения в устье Днепра могли иметь функцию посреднической торговли, но многолетние раскопки прямого подтверждения этому не дали. Эти поселения не содержат варварских черт, все строительные комплексы имеют греческий облик, включая строительные материалы и метрические данные. Антропологические характеристики кочевников и оседлого населения ольвийской сельскохозяйственной территории различны, физическое смешивание в антропологическом материале не отражено.

Не ранее II в. до н.э. в Нижнем Поднепровье появляются сарматские погребения, а также поселения и могильники позднескифской культуры. Позднескифская культура имеет к ираноязычным кочевникам отношение опосредствованное, скифские черты в ней проявляются слабо, а сарматские компоненты не являются основными и первоначально отсутствуют.

V.P. Bylkova

Kherson State University, Ukraine

**THE DYNAMIC OF GREEK AND SCYTHIAN/SARMATIAN RELATIONS
IN THE LOWER DNEIPER REGION (ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE)**

Distinctive feature of ancient Lower Dnieper region in comparison with other zones of large river estuary in the North Black Sea littoral is an absence of any Greek city. It is possible, that this situation reflects the specific character of communications of Iranian nomads, being the main population in this region in ancient times, with Greeks. It is well known that in the first stage of Greek colonization of the coastal zone the Scythian barrows were concentrated mainly in the northern region in wooded steppe area. Modern scholarly approaches concerning the situation in the northern Black Sea coast of the Archaic period are deemed contrast views, from impossibility for regular contacts between nomads and colonists (Ievlev, Minaeva 2009) to obligatory intensive trading and economic contacts even if barbarians did not live closely to Greeks. The Lower Dnieper region is well-investigated archaeologically, but the archaic materials are minimal in quantity. Yagorlytsky settlement founded by Olbia in the first half of the VI-th cent. B.C. doesn't coincide chronologically with the earliest Scythian burials. Archaeological data of the V-th cent. B.C. are represented by a small quantity of Scythian graves with full absence of settlements. In this case utilization of this territory by nomads for land communications, trade or military, seems to be quite natural, but as a whole the region looks weekly settled.

The archaeological evidences for the Late Classical and the Early Hellenistic time offer a large quantity and variety. The Hellenic settlements appeared in the early IV-th cent. B.C. and survived for a period of no less than a hundred years. A mass of Scythian burials are fixed simultaneously. The disappearance of all these monuments in the region at the same time (the first quarter of the III-rd cent. B.C.) is noteworthy. According to their material culture, none transformations of Scythian or Greek contrasting cultures could be traced. Scythian settlements are concentrated in the Central Scythia and marked with a barbarian life-style, based on semi-nomadic economy. The meeting of cultures did not cause probably any significant cultural interaction as we see only wine- and adornment-consumption in Scythian lands, i.e. trade relations.

*Иранские кочевники и классическая цивилизация/
Iranian Nomads and Classical Civilization*

Suggestion that settlements in the Dnieper estuary were established for go-between trade is not confirmed by excavations of long standing. Those settlements look explicitly Greek in their material form, including building and even measuring. The anthropological features of Scythian nomads and sedentary population of Olbian agricultural zone demonstrate a principal difference and an absence of physical mixture.

Not earlier than at the II-nd cent. B.C. in the region under consideration Sarmatian burials and Late Scythian monuments had appeared. Late Scythian culture is connected with Iranian nomads indirectly; presumably the Scythian features are observed weekly and the Sarmatian components might be thought late and not principal.

К.Б. Фирсов, С.Б. Вальчак, Ю.В. Демиденко
Государственный исторический музей;
Институт археологии Российской Академии наук, Москва

**ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО И САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОВОРСКЛЬЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ И.А. ЗАРЕЦКОГО)¹**

Иван Антонович Зарецкий (1857–1936) – археолог, этнограф и краевед, один из первых исследователей древностей Среднего и Нижнего Поворсклья. В 80–90-е годы XIX столетия Зарецкий организовал и провел археологические раскопки и разведки в бассейне р. Ворскла, притоке Днепра (бывшая Харьковская губерния, современный Котелевский район Полтавской области Украины). Комплексы предметов и случайные находки, найденные в ходе этих исследований, поступили в собрание Государственного Исторического музея (Зарецкий, 1888; Указатель РИМ, 1893; Захаров, 1932; Ковпаненко, 1967; Граков, 1971; Кулатова, Супруненко, 1992), а также стали основой коллекции Полтавского музея (Белоус, 1989; Васевич, 1992; Гавриленко, 1993; Супруненко, 2007). Археологические находки дополнены уникальными рукописными архивными материалами: полевой дневник, карта, альбом с рисунками вещей и другие (Вальчак, Фирсов, 2001; Вальчак, Демиденко, Фирсов, 2010; 2011).

В Богодуховском уезде, близ слободы Рублевки, возле городища «Разрытая могила» и у с. Усачевка в долине р. Мерла, притока Ворсклы, и в Ахтырском уезде, близ с. Деревки, в урочище «Теплые могилки» И.А. Зарецкий исследовал курганы скифского времени, в которых были найдены украшения из золота, бронзы и стекла; предметы вооружения, конское снаряжение, орудия труда из бронзы и железа; глиняные сосуды и их фрагменты.

Наиболее интересные материалы происходят из богатых воинских погребений рубежа VI–V вв. до н.э., открытых в курганах «Витова могила» и «Могила Опишлянка». В них захоронения сопровождались значительным количеством вещей, среди которых – предметы вооружения. В первом кургане это колчан, украшенный золотыми бляшками в виде фигур пантер, горных козлов, орлиных головок, большой круглой бляхой и розетками. В нем найдено 238 бронзовых наконечников стрел. В погребении обнаружены также детали конской узды и другие предметы. В кургане «Опишлянка» в состав комплекса входят украшения берестяного горита: золотые бляхи в виде фигурок пантер и бронзовая с золотой обкладкой крестовидная бляха «ольвийского типа» с изображениями в зверином стиле. В горите находились 174 бронзовых наконечника стрел. Среди других предметов, сопровождавших захоронение, – кабаньих клык-подвеска с изображениями, железные удила и псалии, ножи, наконечник копья, глиняные сосуды.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00389а.

Близ с. Лихачевка Богодуховского уезда И.А. Зарецким была собрана обширная разновременная коллекция предметов, найденных вне курганов, относящихся в основном к скифскому, сарматскому времени и раннему средневековью. Среди них – украшения, оружие, орудия труда, конское снаряжение, посуда, монеты из различных материалов.

Целый ряд предметов из коллекции И.А. Зарецкого иллюстрирует связи лесостепных племен Поворскля с античным миром. Это фрагменты столовых амфор, датирующихся не позднее середины V в. до н.э., с орнаментом бурой краской в виде продольных и поперечных полос; бусы различных типов, в т. ч. глазчатые, из одноцветного и многоцветного стекла, имеющие аналогии в античных комплексах; золотые тисненые украшения колчана и горита с изображениями в зверином стиле, выполненные, возможно, в античных ювелирных мастерских по заказу кочевников, в т.ч. крестовидная бляха «ольвийского типа».

Материалы полевых исследований И.А. Зарецкого представляют большой интерес для изучения истории населения Левобережной приднепровской лесостепи в скифское, сарматское время и в раннем средневековье, особенно учитывая наличие в составе собрания прекрасных образцов скифского звериного стиля и античных импортов.

K.B. Firsov, Yu.V. Demidenko, S.B. Val'chak
State Historical Museum;

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

**MONUMENTS OF SCYTHIAN AND SARMATIAN TIME IN VORSKLA RIVER'S BASIN
(BASED ON I.A. ZARETSKY'S COLLECTION)²**

Ivan A. Zaretsky (1857–1936) is an archeologist, an ethnographer and a regional specialist. In 80-90-th years of the XIX-th century Zaretsky organized and led archeological excavations and explorations in Vorskla river's basin, tributary of the Dnieper river (former Kharkov province, modern Kotelevsky district of the Poltavskiy region, Ukraine). Complexes of subjects and other finds which were found in the course of the research had become a part of the State Historical Museum's collection (Zareckij, 1888; Ukazatel' RIM, 1893; Zaharov, 1932; Kovpanenko, 1967; Grakov, 1971; Kulatova, Suprunenko, 1992) and a basis of the Poltava Museum's collection (Belous, 1989; Vasevich, 1992; Gavrilenko, 1993; Suprunenko, 2007). Archeological finds are supplemented with unique hand-written archive materials: a field diary, a map, an album with drawings of subjects and other things (Val'chak, Firsov, 2001; Val'chak, Demidenko, Firsov, 2010; 2011).

² This work is supported by RFHS, project № 10-01-00389a.

In the Bogoduhovsky district, near ancient settlement “Razrytaja Mogila” and near Usachevka village in Merla river valley, and also in Ahtyrsky district near Der-evki village I. Zaretsky has explored burial mounds of Scythian time. Gold, bronze and glass trappings, ancient weapons, horse equipment, bronze and iron instruments of labor, clay vessels and their fragments were found.

The most interesting materials come from rich military burials at the turn of the IV-V cent. B.C. These materials have been found in “Vitova Mogila” and “Mogila Opishljanka” burial mounds. The first burial mound contained a quiver decorated with gold plaques in forms of panthers, mountain goats, eagle heads, a big round metal plate and rosette-shaped plaques. 238 bronze arrowheads were found there. Parts of a horse bridle were also discovered there. “Opishljanka” burial mound’s complex of subjects consists of birch gorytos trappings: gold plaques in forms of panthers and bronze cross-shaped metal plate with a gold facing of “Olbian” type, which has images of animals on it. There were 174 bronze arrowheads in the gorytos. Wild boar’s fang-pendant with pictures on it, iron bits, knives, spearhead, clay vessels were also found in the burial mound.

Near Lihachevka village of Bogoduhovsky district outside the burial mounds I. Zaretsky has collected a large complex of subjects of Scythian and Sarmatian time and of the early Middle Ages. Trappings, weapons, instruments of labor, horse equipment, tableware, coins of different materials are among those subjects.

A whole number of subjects of Zaretsky’s collection illustrates the connection between forest-steppe tribes and the Ancient Greek World. These are the fragments of table amphoras with horizontal and vertical stripe brown ornament, dated not later than the middle of the V-th cent. B.C; beads of different types, including spotted ones of one-color and multi-colored glass, that had its analogies in Greek complexes; gold decorations of quiver and gorytos with images of animals, that might have been made in Greek jewelry workshop, including the cross-shaped metal plate of “Olbian” type.

The materials of I. Zaretsky’s field research are of interest for studying the history of inhabitants of the left-bank Dnieper riverside forest-steppe in Scythian, Sarmatian time and in the early Middle Ages, taking into consideration, that the collection includes beautiful specimens of Scythian animal style and Greek imports.

В.И. Мордвинцева

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Симферополь

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭЛИТНЫХ КОМПЛЕКСОВ III в. до н.э. – сер. III в. н.э.**

Регион Нижнего Поволжья расположен сравнительно далеко от центров древних цивилизаций. Интерес к нему античных авторов был незначительным, что сказалось на малом числе письменных свидетельств. Этих источников недостаточно, чтобы представить, как кочевники, населявшие степи к северо-востоку от Боспорского царства, относились к соседним оседлым варварским племенам, как они реагировали на существование эллинской цивилизации, имели ли контакты с более отдаленными центрами. Особенно с теми, где проживало население, близкое им по языку и, возможно, культуре – Ираном и Бактрией. Восполнить эти информационные пробелы могут помочь данные археологии.

Одним из перспективных подходов в этом направлении является сравнительный анализ погребений и культовых комплексов, содержащих предметы социального престижа. Были проанализированы полностью несколько могильников, имеющих половозрастные определения, а также все опубликованные элитные комплексы региона, о которых имелась хоть какая-то информация.

В период с III по I в. до н.э. в Нижнем Поволжье выделяются два региональных центра: северный (севернее современного Волгограда, где Волга и Дон максимально приближаются друг к другу) и южный. Они, помимо географических особенностей, имеют также специфические черты в археологической культуре. Изучение содержания могил Нижнего Поволжья показало, что на самой ранней стадии этого хронологического периода социальное разделение не было значительным. Но с середины II в. до н.э. некрополи региона демонстрируют уже развитую иерархию погребальных комплексов. Основными направлениями контактов нижеволжской элиты в это время было юго-западное (с варварским населением Прикубанья) и восточное (через Евразийские степи с культурами Алтая и Забайкалья). Элитные комплексы высочайшего ранга показывают связи с эллинистическим Ираном (возможно через посредничество населения Прикубанья и Кавказа).

В I в. н.э. ситуация изменилась. Вместо двух региональных центров формируется один, в Волго-Донском междуречье. Региональные отличия в содержании элитных комплексов исчезают. В это время кочевая элита Нижней Волги переориентируется на античные центры Северного Причерноморья. Погребения знати маркируют наборы римской бронзовой и серебряной посуды. Наибольшая их концентрация наблюдается между Волгой и Доном, что может объясняться важностью Волго-Донской переправы на торговом маршруте, соеди-

няющим Средиземное, Черное и Азовское моря со степным поясом Евразии и великими цивилизациями Средней Азии и Китая.

С середины II в. контакты населения Нижнего Поволжья с античными центрами Северного Причерноморья преобладают, однако в этот период не выделяются какие-либо региональные центры. Возможно, это следует отнести за счет инноваций в погребальном обряде местного населения, которые могли появиться в результате изменения ситуации в Евразийской степи.

V.I. Mordvintseva

Crimean Branch of the Institute of Archaeology,
National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol

**SOCIAL STRUCTURE AND POLITICAL CONNECTIONS
OF THE POPULATION OF THE LOWER VOLGA REGION
(BASED ON THE MATERIALS FROM III-RD CENT. BC – MID. III-RD CENT. AD)**

The Lower Volga Region was relatively remote from the centres of classical civilization. There is very little written information left by the ancient authors about this area and its population. It is not enough to imagine how these barbarians, inhabited the steppes to the north-east of the Bosporan kingdom, treated the existence of neighbouring barbarian tribes and the Hellenic civilization. This lack of information could be pieced out from the archaeological sources.

One of the perspective approaches in this direction may be a study of the development of social structure of the population based on the comparative analysis of the burial and cult assemblages containing objects of precious metal. For this purpose there were analyzed the best published necropoleis with gender and age definitions, and then – all published burials of high social status divided in three chronological groups.

In the period from the III-rd to the I-st cent. B.C. there were two regional centres of power in the Lower Volga Region: northern (north from modern Volgograd, where Volga and Don are very close to each other) and southern. These sub-regions differ one from another by their geographic peculiarities. They have also different composition and burial rite of the elite assemblages. Study of the content of the status objects of these graves shows that in the early stage of this period the social division was not remarkable. But from the mid. of the II-nd cent. B.C. the social hierarchy became shown in the necropoleis of the region notably. The main direction of social contacts in this time was the south-western (with barbarian population of the Kuban region) and eastern (over Eurasian steppes with nomadic cultures of Altai and Transbaikalian regions). The elite assemblages of the highest rank show connections with the Hellenistic Iran (perhaps via Kuban region and Caucasus).

In the I-st cent. A.D. the situation has changed. Instead of two regional centres was formed one centre of power – in the territory between Volga and Don. Re-

gional differences in the content of elite assemblages disappeared. In this time the nomadic elite of the Lower Volga redirects towards the antique centres of the North Pontic region. In this period there are sets of Roman bronze and silver vessels appeared in the elite graves of the region. The concentration of elite burials between Volga and Don might be explained by the importance of this place for the world-wide trade route, which connected shores of Mediterranean and Black Seas via Azov Sea and Lower Don with the steppe zone of Eurasia and great civilization of Middle East and China on its south-eastern edges.

From the mid II-nd cent. A.D. the connections of the population of the Lower Volga Region with the North Pontic region became stable and strong. However, in this time there was no any distinctive centre of regional power. It might be explained by changes in the burial rite or other reasons, including instability of the political situation in the Eurasian steppes.

М.Ю. Трейстер

Институт переднеазиатской археологии
Свободного университета Берлина, Германия

**АХЕМЕНИДСКИЕ «ИМПОРТЫ» НА ТЕРРИТОРИЯХ
К СЕВЕРУ ОТ ГРАНИЦ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ**

Выделяются несколько регионов, различающихся как по концентрации находок, так и по их категориям: Европейская Скифия, Боспор, Колхида, Южное Приуралье и Алтай.

На фоне единичных сосудов из серебра и бронзы заслуживают особого внимания находки на Боспоре Киммерийском печатей ахеменидских типов (не менее 13), которые значительно превышают количественно подобные находки не только в античных городах Северного Причерноморья и в погребениях кочевников Евразии, но и в расположенной на дальней периферии Ахеменидской державы территории Кавказской Иберии. В Колхиде, вероятнее всего, не включенной в Ахеменидское государство, ахеменидские печати не найдены – при этом некрополи Колхиды и клад из Ахалгори дали довольно разнообразную и многочисленную коллекцию сосудов из драгоценных металлов и стекла и ювелирных украшений.

В погребениях кочевников Евразии предметы ахеменидского круга получают распространение на огромной территории от Приднепровья на западе до Алтая на востоке. В курганах Европейской Скифии ахеменидские «импорты» чрезвычайно редки и представлены, в частности, переделанным мечом (Чертомлык) и одной цилиндрической печатью. Более многочисленны находки в Пазырыкских курганах на Алтае – к ним относятся золотая серьга со следами ремонта, серебряные поясные бляхи и предположительно индийское бронзовое зеркало из кургана № 2, а также шерстяная ткань чепрака и войлочный ковер из кургана № 5. На этом фоне выделяется Южное Приуралье – здесь в погребениях кочевников конца VI–III вв. до н.э. количество памятников ахеменидского круга достигает 80: они представлены металлическими, стеклянными и алебастровыми сосудами, ювелирными изделиями и украшениями костюма, предметами утвари и культа, деталями парадной мебели, оружием и конской уздай. При этом найдена лишь одна печать конической формы.

Сверхвысокая концентрация ахеменидских печатей именно на Боспоре по сравнению как с окраинами державы Ахеменидов, так и с миром кочевников Евразии отражает особый характер торговых и дипломатических отношений Ахеменидского и Боспорского государств, их высокую интенсивность и даже глобальную (для своего времени) значимость в рамках контактов Персидского государства со своими северными соседями. В контексте связей державы Ахеменидов с кочевым миром Евразии важнейшая роль принадлежаланомадам Южного Приуралья. Анализ находок свидетельствует о разноплановом характере этих контактов. Импорты поступали по караванным путям с юга, через

территорию Дахистана и Хорезм, однако статусные предметы – посуда из драгоценных металлов, алебастр с именем персидского царя, массивные золотых гривны, браслеты и парадная мебель (большинство их происходит из погребений «царских курганов» Филипповки) – с наибольшей вероятностью были получены не в результате торговых контактов. Вряд ли можно, свести все объяснение к разовому участию кочевников в подавлении восстания в Египте в 460–454 гг. до н.э. (ср. Балахванцев 2010), т.к. это не объясняет находки более поздних вещей. Есть основания полагать, что контакты кочевников Южного Приуралья с державой Ахеменидов были возобновляющимися, причем основной пик попадания к ним статусных предметов приходится на время не ранее рубежа V–IV вв. до н.э. Вероятно, некоторые находки вещей ахеменидского круга можно объяснить платой за военную службу, другие – военными трофеями. Нельзя исключать и их поступление в результате межэтнических браков.

M. Yu. Treister

Institute for Near Eastern Archaeology, Free University of Berlin, Germany

**ACHAEMENID “IMPORTS”
TO THE NORTH OF THE ACHAEMENID STATE**

Several regions, which are characterized both by the concentration of finds and by their categories may be singled out – these are European Scythia, Cimmerian Bosphorus, Colchis, South Urals and Altai.

Against the background of single finds of silver- and bronzeware, a special attention attract the finds in the Cimmerian Bosphorus of the seals of Achaemenid types (at least 13), which considerably exceed quantitatively such finds not only in the Greek cities of North Pontic area and from the barrows of the Eurasian nomads, but also from Caucasian Iberia, which located in the remote fringes of the Persian state. In Colchis, which was not most probably the part of this state, the Achaemenid seals has not been found, though the necropoleis of Colchis, as well as the “hoard” from Achalgori yielded a rather variable and numerous collection of vessels made of precious metals and glass, as well as jewelry.

The Achaemenid and Achaemenid-inspired objects were spread over the vast territory of Eurasia, where they were found in the nomadic burials from the Dnieper valley in the west to Altai in the east. The finds from the barrows of European Scythia are extremely rare and represented, in particular, by the in antiquity reworked sword (Chertomlyk) and one cylinder seal. Somewhat more numerous are those from the Pazyryk barrow in Altai, including a gold earring with the signs of ancient repair, silver belt plaques and a bronze mirror of allegedly Indian provenance from the barrow No. 2, as well as wool cloths of the *shabrak* and the felt carpet from barrow No. 5. South Urals stands clear against this background – the burials of the nomads here, dated from the late V-th to the III-rd cent. B.C., yielded ca. 80 finds of objects

of Achaemenid circle: they are represented by the metal, glass and alabaster vessels, items of jewelry and decorations of cloths, utensils and ritual objects, details of gala furniture, arms and horse-harness and by a single conical seal.

The extreme high concentration of Achaemenid seals exactly in Bosphorus in comparison both with the fringes of the Persian Empire as well as with the world of the Eurasian nomads reflects a special character of the trade and diplomatic relations between the Achaemenid and Bosphoran states, their high intensity and even for this time global importance in the context of relations of the Persian empire with its northern neighbors. In frames of the contacts of the Achaemenid Empire with the nomadic world of Eurasia the most important role belonged to the nomads of South Urals. The analysis of finds testify the variable character of these relations – the imports arrived along the caravan routes from the south via Dachistan and Choresmia, whereas the objects of prestige – the vessels of precious metals, the alabastron with the name of the Persian king, the massive gold torcs and bracelets, as well as gala furniture (the majority of them found in the burials of the “royal” barrows at Filipovka) – could be hardly explained as trade items. Their existence is could be hardly explained as a result of a single action – the participation of the nomads in the suppression of the uprising in Egypt in 460–454 B.C. (cf. Balachvantsev 2010), because this hypothesis does not explain the occurrence of the later objects. There are grounds to suggest that the contacts of the nomads of South Urals with the Achaemenid state were renewing, while the main peak of the penetration of the objects of prestige occurs not earlier than in the late V-th – early IV-th cent. B.C. Probably, some of the finds of the items of the Achaemenid circle may be explained as the fee for the military service, others – as booty. We cannot exclude also the possibility that some of them were acquired as a consequence of the interethnic marriages.

В. П. Никоноров

Институт истории материальной культуры Российской Академии наук,
Санкт-Петербург

**О ВКЛАДЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ВОЕННОЕ ДЕЛО АНТИЧНОГО МИРА
(НА ПРИМЕРЕ ЖЕСТКИХ СЕДЕЛ)**

Появление седел с твердой (деревянной) основой относится ко времени не позднее IV в. до н.э., и связано это было с формированием в евразийских степях тяжелой конницы катафрактов. Самой ранней находкой детали такого седла можно считать деревянную пластину, обнаруженную в 1859 г. в одном из курганных погребений в окрестностях Керчи в Крыму и хранящуюся сейчас в Государственном Эрмитаже. Это захоронение достаточно надежно датируется второй половиной IV в. до н.э. (Сокольский 1971; Виноградов, Никоноров 2009).

Основную лепту в это важнейшее новшество внесли номады из Центральной Азии. Именно в западной ее части было изобретено жесткое седло с четырьмя упорами в виде «рогов», которые располагались по его углам и обеспечивали всаднику прочную посадку, что было особенно важно при нанесении им таранного удара длинной и тяжелой пикой. Седла этого вида были наглядно реконструированы П. Коннолли на основе римского вещественного и иконографического материала первых веков н.э. (Connolly 1987). Основываясь на его наблюдениях, Дж. Херманн выявила их изображения на памятниках позднепарфянского и раннесасанидского времени (I–IV вв. н.э.) из Ирана и Сирии (Herrmann 1989). Такое же «роговое» седло угадывается на граффити I в. до н.э. из «Здания с квадратным залом» на парфянском городище Старая Ниса в Южном Туркменистане (Никоноров 2002а; 2002б). Кроме того, «роговые» седла изображены на серебряном сосуде, найденном в богатом сарматском погребении второй половины I в. до н.э. у Косики в Астраханской области (Трейстер 1994; Treister 2005). Наконец, седло с четырьмя рогами показано в сцене на ткани, которая была совсем недавно найдена в погребении рубежа н.э., раскопанном в пределах известного хуннского могильника Ноин-Ула в Монголии. Судя по изображенным на этом произведении искусства реалиям, оно, скорее всего, было создано в иранской среде, связанной с правившими в Пенджабе и долине Инда в I в. до н.э. индо-саками, т.е. саками, пришедшими туда из западной Центральной Азии (Полосьмак 2010). Появившись у ираноязычных кочевников, обитавших к востоку от Каспийского моря, жесткие «роговые» седла сперва попали в Иран и Северо-Западную Индию, а затем - при посредстве парфян - стали известны римлянам.

Помимо седел описанной конструкции, центральноазиатские номады использовали также жесткие седла с передней и задней луками, выполнявшими ту

же самую функцию, что и «рога». Их изображения можно видеть в раннекушанской скульптуре из Халчаяна в Северной Бактрии (Пугаченкова 1966; Nikonov 1997), в батальной сцене на большой костяной пластине из кургана 2 Орлатского могильника в Самаркандском Согде (Plyasov, Rusanov 1998; Никоноров, Худяков 1999), на ручке сарматского котла в виде лошади из Киляковки в Волгоградской области (Симоненко 2004) и др. Такие седла, появившись в западной части Центральной Евразии в первые века н.э., были изобретены, очевидно, кочевниками из ее восточного ареала — юэчжами (тохарами) и/или хунну (сюнну) — не позднее III–II вв. до н. э. и впоследствии вместе с первыми достигли Бактрии и Северо-Западной Индии, а со вторыми — Европы.

V.P. Nikonorov

Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg

**ON THE CONTRIBUTION OF THE CENTRAL ASIAN NOMADS
TO THE ART OF WARFARE OF THE CLASSICAL WORLD
(BY THE EXAMPLE OF RIGID-FRAMEWORK SADDLES)**

The appearance of saddles with rigid (wooden) frameworks dates from no later than the IV-th cent. B.C. This was connected to the forming of the cataphract heavy-armed cavalry within the Eurasian steppes. The earliest find of such a saddle may be a wooden plaque uncovered in 1859 in one of the barrow burials near Kerch in the Crimea, it being kept now in the State Hermitage. This burial is quite reliably dated to the second half of the IV-th cent. B.C. (Sokol'sky 1971; Vinogradov, Nikonorov 2009).

The main share to this innovation was contributed by the nomads of Central Asia. It is those of them from its western area who invented a rigid saddle provided with four rests in the form of “horns” attached to the corners to secure the rider’s firm seat that was very important for hitting a ram stab with his long and heavy lance. Saddles of this kind have been visually reconstructed by Peter Connolly on the basis of the Roman available source material belonging to the first centuries A.D. (Connolly 1987). Grounding on his observations, Georgina Herrmann has revealed their representations on works of Late Parthian and Early Sasanian times (I-st to IV-th cent. A.D.) from Iran and Syria (Herrmann 1989). The same “horned” saddle is visible on a graffito of the I-st cent. B.C. from the so-called “Square-Hall Building” at the Parthian site of Old Nisa in Southern Turkmenistan (Nikonorov 2000a; 2000b). Besides that, “horned” saddles are depicted on a silver vessel found in a rich Sarmatian grave of the second half of the I-st cent. B.C. near Kosika in the Astrakhan region (Treister 1995; 2005). Finally, a saddle with four “horns” is represented on a textile which has been just recently discovered in a burial of the late I-st cent. B.C. or

early I-st cent. A.D. within the famous Hsiung-nu burial ground of Noin-Ula. Judging by realities shown on this work of art, it must have been made in an Iranian milieu related to the Indo-Sacae (i.e. the Sacae coming from western Central Asia) who were ruling over the Punjab and the Indus valley in the I-st cent. B.C. (Polos'mak 2010). Having appeared among the Iranian-speaking nomads living to the east of the Caspian sea, rigid "horned" saddles were firstly brought to Iran and Northwestern India, and then - through the instrumentality of the Parthians - they became known to the Romans.

In addition to the saddles of the described construction, the Central Asia nomads used as well rigid ones with frontal and rear arches which performed the same function as the "horns". Their representations can be seen in the Early Kushan sculpture from Khalchayan in Northern Bactria (Pugachenkova 1966; Nikonorov 1997), in a battle scene on the large bone plate from the barrow no. 2 of the Orlat burial ground in Samarkand Sogdiana (Ilyasov, Rusanov 1998; Nikonorov, Khudjakov 1999), on a horse-shaped handle of a Sarmatian cauldron from Kilyakovka in the Volgograd region (Simonenko 2004), etc. Such saddles appeared in the western part of Central Eurasia in the first centuries A.D., but they seem to have been invented by nomads from its eastern area, viz. by the Yüech-chih (Tochari) and/or the Hsiung-nu, no later than in the III-rd – II-nd cent. B.C. Subsequently, the former brought them to Bactria and Northwestern India, whereas the latter - to Europe.

**ИРАН И АНТИЧНЫЙ МИР:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

**Тезисы докладов международной научной конференции
(Казань, 14–16 сентября 2011 г.)**

Подписано в печать 6.09.11.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 7,4

Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 150 экз. Заказ 80/8

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 292-65-60

ISBN 978-5-98180-945-3

9 785981 809453 >